

ВЕЧЕ

ВЕЧЕ

49

1993

49

Вече

Независимый русский альманах

49

Тринадцатый год издания

Главный редактор О.А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Письма для редакции "Вече" направлять по адресу:

Frau V. Drowing (für RNV e.V. und "Veche")
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, Germany

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ
© Russischer Nationaler Verein (RNV) e.V., 1993

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
не всегда выражают мнение редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

С. ВОЛКОВ. Правое и левое	5
О. БАХМЕТЬЕВ. Соблазн примирения	25
С. ФОМИН. Вокруг алтаря сатаны	55
И. ЕСАУЛОВ. Философия имени	72

Трибуна "ВЕЧЕ"

В. ВУЛИЧ. О болезни и об исцелении	80
Е. ВАГИН. Об одном замолчанном "скандале"	101

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

В. ОСИПОВ. Недоумение	112
Свящ. Т. СЕЛЬСКИЙ. Почему же молчит Церковь?	117
Архиепископ МЕЛХИСЕДЕК. Обращение	125

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

П. ПАЛАМАРЧУК. Пламенная любовь. Памяти С.А. Нилуса	129
--	-----

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

А. НОВОПОКРОВЦЕВ. О некоторых новых контекстах изучения поэтики И.А. Крылова	141
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

В. В. Свеча Страстного Четверга	153
В. КУЗНЕЦОВ. Премия ЦРУ - радио "Свобода"	168

НАМ ПИШУТ	174
-----------	-----

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

О. КРАСОВСКИЙ. Хироси (Сергей) Кимура	184
Н. ШУМСКИХ. К. П. Иванов	186
Н. ГУМИЛЕВА. Учитель и Ученик	187

ПОЖЕРТВОВАНИЯ	191
---------------	-----

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

О. КРАСОВСКИЙ. "Мы их найдем на дне морском..."	193
---	-----

Христос Воскресе!

Воистину Воскресе!

*Сердечно поздравляем
подписчиков и друзей альманаха*

«Вече»

со Светлым Праздником

Воскресения Христова!

Редакция «Вече»

С. Волков

Правое и левое

I.

В последнее время стали много говорить и писать о так называемой "право-левой" оппозиции в России (иногда встречается в газетах даже термин "красно-белая"). Считается, что воплощением такой "объединенной" оппозиции стал образованный в конце октября 1992 года Фронт национального спасения, в рамках которого объединились, будто бы, левые и правые силы. Во всяком случае, такое впечатление он должен был производить. Действительно, ФНС был вылеплен как по заказу "демократической" пропаганды для иллюстрации "красно-коричневой" угрозы или тезиса известного советолога А. Янова о том, что советский коммунизм и русский патриотизм - в общем-то одно и то же (и оно же есть "фашизм").

Между тем, феномен "объединенной левой и правой оппозиции" есть миф, порожденный стремлением противоборствующих между собой сил выдать желаемое за действительное. Миф, жизнеспособность и распространенность которого объясняется тем обстоятельством, что и "демократические" власти, и национал-большевицкая оппозиция в равной мере заинтересованы в его функционировании: властям нужен жупел, подтверждающий их идеологические обвинения относительно всех своих противников в стране (действительно очень разных), а красной оппозиции - пристойное патриотическое прикрытие и возможность утверждать,

что она представляет "все патриотические силы" (чтобы никому не пришла в голову мысль - искать патриотов за пределами Фронта национального спасения). Вот почему и "демократические" и национал-большевицкие газеты с трогательным единодушием вдалбливают в головы населения соответствующую оценку ФНС.

Да, конечно, создание ФНС явилось воплощением торжества национал-большевицкой идеологии, можно даже сказать - апофеозом национал-большевизма. Но с какой стати считать это явление "правым"? Если же национал-большевицкие организации правыми не считать, то что там было правого? Ну, сидели в президиуме отдельные лица, в прошлом известные правыми взглядами, однако никого, кроме себя, они не представляли. Если И. Шафаревич счел возможным сесть рядом с красными, то это дело его личных представлений о целесообразной в данный момент тактике - и только. Что касается Н. Павлова, то он всегда был склонен к союзу с коммунистами и пропагандировал тезис об "искусственности" белых и красных. М. Астафьев и И. Константинов, несмотря на занимаемое ими положение в своих относительно правых партиях (первый - глава кадетов, второй - один из вождей РХДД), эти партии не представляли, поскольку и кадетская партия, и РХДД отмежевались от Фронта (на пленумах их руководящих органов были приняты решения не входить в ФНС). За исключением названных лиц, вся остальная публика, сидевшая под "соединенными" красным и черно-желто-белым флагами, к "правизне" и вовсе никакого отношения не имела.

Как-никак, чтобы считаться правыми, человек или организация должны, как минимум, противостоять левым - всякого рода социалистам и коммунистам и их идеологии. Не отдельным конкретным проявлениям, а принципиально - всей этой идеологии как таковой и всем ее носителям. Так вот: ни одной организации, борющейся с советским режимом и с социалистической идеологией или непримиримой к КПСС и ее номенкла-

туре - в ФНС не было. Не считать же таковыми организации, этой номенклатурой возглавляемые, или бутафорские русские партии (например, "Русскую партию национального возрождения"), служащие ширмой для бывших коммунистических аппаратчиков, как бы они ни именовались и какие бы лозунги на своих знаменах ни писали.

Правое не может не противостоять левому, вне такого противостояния оно просто не существует. Разумеется, не всякий, кому не нравится советский режим - правый (и в "левизне" достаточно оттенков). Но уж тот, кто склонен с ним хоть в чем-нибудь мириться или рассуждать о "неоднозначности" большевицкой революции - кто угодно, только не правый. Так что пресловутая "право-левая" оппозиция вообще и ФНС в частности есть объединение не правых с левыми, а левых - с левыми, изображающими из себя правых. Немало позабавил меня эпизод на съезде ФНС, когда собравшиеся взялись упразднить "гражданскую войну между белыми и красными" и даже проголосовали (причем десятка три каких-то твердокаменных коммунистов проголосовали против, это было особенно умилительно). Хотел бы я знать, кто должен был изображать там белых... Похоже, дело обошлось даже без массового самозванства, а смахивало на то, как если бы на пленуме ЦК КПСС вдруг было заявлено, что в его составе есть люди противоположных убеждений, и публике было предоставлено гадать, какие из секретарей обкомов "контрреволюционеры".

Вернемся, однако, к национал-большевизму. Как уже говорилось, едва ли нуждается в доказательствах его левая сущность. Он основывается на полном или частичном признании "правомерности" большевицкого переворота и приемлемости советского режима. Именно *советчина* составляет душу национал-большевизма. Он неотделим от почитания реалий того конкретного строя, той конкретной власти, тех черт, проявлений, личностей, институтов и всего остального, что имело

место в нашей стране после 1917 года. Потому и сильно его влияние, что "советскость" вошла в плоть и кровь огромного числа людей, вся жизнь которых прошла при советской власти и которые всякую другую представляют себе крайне слабо, если вообще представляют. Выбор в этой системе координат может делаться только внутри самого советского режима - между его отдельными фигурами и "уклонами": между Сталиным и Троцким, Хрущевым и Сталиным, Андроповым и Суловым, Яковлевым и Лигачевым и т.д.

Родоначальником национал-большевизма является, конечно, Сталин - такой, каким он становился с конца 1930-х годов и окончательно заявил себя в 1943-1953 годах. Режим этого периода - с "патриотическим уклоном", но тот же самый советский режим - был первым реально-историческим образчиком национал-большевицкого режима. В дальнейшем национал-большевицкое начало присутствовало как одна из тенденций в среде советского руководства. После Сталина "патриотическая" составляющая была выражена слабее, у нынешних национал-большевиков она представлена значительно сильнее, чем у Сталина, но все равно речь идет лишь о степени, о градусе "патриотизма" одного и того же в принципе режима.

Понятно, что в любом случае это режим левый, революционный, социалистический. И Сталин никем, как левым, никогда не был: он был и оставался коммунистом. Причем дело даже не столько в том, что он оставался социалистом, сколько в том, что он оставался именно большевиком. То есть человеком, который неотделим и от самой большевицкой революции, и от всех ее других деятелей, и от откровенно антирусского режима 1920-х годов, как бы он потом ни менял пропагандистские лозунги. Ни о каком отречении от революции и речи быть не могло. Придется напомнить красным "патриотам", что его отношение к другим большевикам диктовалось не принципиально-политическими, а чисто личными мотивами: из двух равнозначных и од-

нозначных фигур Троцкий считался сатаной, а Свердлов - "архангелом".

Считать Сталина правым - не больше оснований, чем Гитлера, который тоже был социалистом и революционером, то есть вполне левым (хорошо известно, что он ненавидел олицетворявших старую Германию "юнкеров" и аристократов любого покроя, равно как и всякую "контрреволюцию"). Очевидный абсурд квалификации их как "правых" порожден тем обстоятельством, что на Западе, как отмечал в свое время известный польский антикоммунист Ю. Мацкевич, понятие "революция" принято рассматривать как понятие сугубо положительное, а "контрреволюция" - как отрицательное, даже как оскорбление. Особенно в США, которые назвали революцией создание независимого от Англии государства. То же самое в Европе, где "Великую Французскую революцию" принято рассматривать как начало новой прогрессивной эры. То есть те силы, которые формируют на Западе общественное мнение - сами насквозь левые и "революционные", враждебные "старому порядку". Но находиться в одной компании со столь же враждебными этому порядку Сталиным и Гитлером им, понятно, неудобно и неловко, и потому этих деятелей они относят к "правым".

Если "левое" реализует себя через такие понятия, как революция, прогресс, социализм, вообще некоторый "новый порядок", то "правое" базируется на традиции и по отношению к "левому" проявляет себя как контрреволюция, реакция. Стоит ли удивляться, что для сил, возобладавших в среде формирования общественного мнения на Западе, "революционер" Ленин был лучше "реакционера" царя, а старая Россия, насквозь "правая" - хуже "левой" Совдепии.

С точки же зрения человека правых взглядов (к каковому я отношу целиком и полностью и себя) не существует принципиальной разницы между идейными наследниками французских якобинцев и российских большевиков, между "новым порядком" Гитлера и тем

"новым порядком", о котором все настойчивее говорят последнее время, разумея устройство мира по американскому образцу; между совдеповской культурой "пролеткульта" и "соцреализма" и современной западной "масскультурой". Все это вещи, равно враждебные тем ценностям, на которых на протяжении столетий развивались традиционные культуры Запада и Востока. И когда французский социалист укладывает прибывшего с визитом советского коммуниста на ложе французских королей, я нахожу это столь же отвратительным, сколь и символичным.

II.

Этими соображениями я и руководствовался, характеризуя положение того или иного движения или партии в политическом спектре сегодняшней России, ими же определяется и мое отношение к социализму вообще и национал-большевизму в частности, отразившиеся и в моей статье в "Вече" № 46, вызвавшей озлобление в национал-большевицком стане. Однако, имели место и претензии со стороны тех, кто заявляет о своей непринадлежности к нему, высказанные, в частности, в статье С. Солдатова "О цвете знамен российского патриотического движения" ("Вече" № 48). Весьма удачно мне довелось с ней ознакомиться как раз во время подготовки настоящей публикации. Потому что выраженные в ней взгляды характерны и для определенного направления патриотической мысли в России (наиболее полно представленного Национально-республиканской партией Н. Лысенко), о котором я почти не упомянул, хотя и следовало бы, возможно, остановиться на нем подробнее. Попробую сделать это сейчас, тем более, что эта тема прямо связана с проблемой "правого" и "левого".

Главное, что инкриминируется мне представителями этого направления - то, что я будто бы неправоммерно зачислил в национал-большевики "всех патриотов,

симпатизирующих отдельным положениям социализма", тогда как "существует целое течение, пытающееся сочетать национальный идеал с элементами немарксистского социализма", которое "можно назвать национальным социализмом". Это обвинение несправедливо и является плодом недоразумения. Что такое национал-социализм, я себе хорошо представляю и в национал-большевики его представителей не зачислял (туда я отнес лишь тех, кто не желает расставаться с пристрастием к реально существовавшему советскому большевицкому режиму и никогда этого не скрывал, а вовсе не приверженцев "абстрактно-социалистических" идей). Национал-республиканцы Н. Лысенко (т.е. именно те, чьи взгляды выражает С. Солдатов) были условно отнесены ко второму из названных мной в № 46 направлений. Другое дело, насколько существенно отличается это направление от национал-большевизма как на практике, так и в свете роли социалистической идеи в российской истории. Вот в этом и попробуем разобраться.

Да, "немарксистский социализм" и национал-социализм в частности - явление относительно самостоятельное, и мы знаем по историческому опыту, что его практиковали режимы, ставящие целью создание эффективной системы контроля внутри собственной страны, а вовсе не озадаченные идеей мировой пролетарской революции. Так что в принципе приверженность "социалистическим элементам" вполне может сочетаться с патриотизмом. Если бы у России была другая история, то, может быть, и мы имели бы подобные примеры. Но в реальной-то российской истории (другой у нас нет!) социалистическая идея оказалась намертво связана с антигосударственной, с идеей уничтожения исторической России, ее традиций и устоев. Начиная с Чернышевского и К^о именно под левыми, социалистическими лозунгами выступали всегда враги российской государственности. Далекое не все антиправительственные партии и группировки в дореволюционной России были марксистскими, но это не значит, что они не были

левыми и революционными. И уж всегда и все социалистические группировки были революционными и левыми. В реальной нашей истории после 1917 года социализм – это большевизм, это советский режим и ни что иное.

Вот почему на практике новоявленный русский национал-социализм очень трудно отделить от национал-большевизма. Носителей обоих течений объединяет одна главная черта: они *глубоко советские люди*. Их объединяет тот самый советизм, который лежит, как я уже говорил, в основе национал-большевизма и который настолько силен в Совдепии, что даже некоторые диссиденты, боровшиеся с советским режимом и пострадавшие от него – как русские (сам С. Солдатов), так и антирусские (напр., А. Синявский), ухитрились при этом оставаться *советскими* людьми. Они не отвергали полностью Октябрьскую революцию и советский строй, каждому да было это чем-то симпатично: одним нравились "социалистические элементы", другим – антиросийская сущность "великого перелома". Мне же, как человеку *антисоветскому*, в революции и в советской власти *ничего* не нравится.

В статье Солдатова названы некоторые принципы, которые он считает элементами "немарксистского социализма" и которые должны оправдать патриотический характер этого социализма: сильная государственность и др. Не стану отрицать, что они действительно могут быть свойственны ему. Но, во-первых, социализм здесь не при чем: чтобы разделять эти принципы, вовсе не надо быть социалистом; а во-вторых, совсем не эти черты отличают национал-социализм от правого патриотизма и противопоставляют его легитимизму. Черты, которые действительно являются "родимыми пятнами" национал-социализма, его последователи стараются особенно не выпячивать, потому что они противостоят некоторым ценностям (сейчас настолько популярным, что даже национал-большевики часто предпочитают открыто не шельмовать их, а

прикрываться ими) - но шила в мешке не утаишь. Они фактически названы и в статье Солдатова, хотя очень осторожно - в виде "вопросов", которые будто бы звучат в среде рядовых участников патриотического движения, ведущих "великий спор" с его "генералитетом", который придерживается якобы принципов православия, самодержавия и народности (все это имеет мало общего с действительностью: "генералитет" на самом деле не православно-монархический, а национал-большевицкий, а "рядовые" и "офицеры" в большинстве не национал-социалисты, но сейчас речь не о том).

Так вот, черты эти суть: во-первых, плохо скрытая неприязнь к православию (Солдатов: "не следует ли привлечь и другие духовные ценности?"; отсюда - попытки реанимации язычества, утверждения, что оно не противоречит православию и т.п.), во-вторых - полное отрицание монархии и принципиальный республиканизм ("монархическая традиция почти необратимо исчезла из народного сознания"; насколько силен должен быть антимонархический настрой, чтобы патриотическую партию нарочито поименовать "республиканской"...), в-третьих - неприязнь к реально существовавшей старой России и отсюда - к первой эмиграции (рассуждения о том, что значит не Бог вещь какая замечательная была страна, раз так быстро "в 12 лет" рухнула, и о том, что сами первые эмигранты ее и погубили), в-четвертых - неумное ребяческое "новаторство", неумное желание установить некоторый *свой*, "новый" порядок. В чем С. Солдатов совершенно прав, так это в том, что национал-социалисты противопоставят православно-монархическому течению как "патриоты-обновленцы" - "патриотам-традиционалистам"; национал-социализм есть движение людей, желающих строить Россию не в соответствии с освященной веками традицией, а по своему образу и подобию: не "мы должны быть такими, какой была Россия", а "Россия должна стать такой, каковы есть мы".

В своей политической и пропагандистской практике национал-социализм совершенно естественно смыкается с национал-большевизмом. Это находит отражение как в том, что Национал-республиканская партия стала активнейшим участником национал-большевицкого Фронта национального спасения, так и в том, что аргументация С. Солдатова (зарубежного единомышленника этой партии) один к одному повторяет национал-большевицкую (статья его, несомненно, вызовет восторг в национал-большевицких рядах как образец "достойного ответа раскольнику патриотического движения"). Мы встречаем здесь привычные обвинения в стремлении поставить "огненное клеймо" на лбу "честных рядовых коммунистов", которые ни в чем не виноваты (хотя я всегда считал криминалом не факт состояния в КПСС, и даже не принадлежность к ее номенклатуре как таковую, а лишь практические реальные действия по пропаганде ее идеологии или обслуживанию таковой, чем, кстати, занимались и люди, никогда в КПСС не состоявшие). Или обвинения в стремлении "вычеркнуть советский период из истории" - вот уж фантастическое обвинение (я вообще представить себе не могу, кто и как мог бы это сделать, и менее всего склонен "объявить небывшим" этот период, который "фикцией" никак не был, а был именно "живой и суровой действительностью". Но неужели бескомпромиссно осуждать и проклинать это убийственное для России время - значит "вычеркивать" его? Неужели русская эмиграция отмечает 7 ноября как День непримиримости для того, чтобы забыть о нем? По моему разумению, как раз наоборот: чтобы никогда ничего не забыть).

Такие упреки на страницах эмигрантского журнала как-то и читать неловко... Помилуй Бог, но сетования на то, что "сейчас нам предлагают перепрыгнуть советский период и признать единственным источником легитимизма основы и принципы прежней России" - это и есть национал-большевизм чистейшей пробы! Коль скоро С. Солдатов берется говорить от лица национал-

социализма, то стоит ли ему после этого упрекать меня в том, что я причисляю его к национал-большевизму? Я-то этого не делал, но, выходит, напрасно?

Нельзя пройти и мимо понимания этим автором легитимизма - понимания, прямо скажем, довольно неожиданного. Легитимизм ведь не нечто абстрактно "хорошее", о чем можно спорить - какое именно. И источник его - не утверждение неких "повышенных духовных ценностей", а конкретная политическая и юридическая реальность, именно - традиционная российская государственность, прерванная преступными действиями антигосударственных сил. Поэтому, помимо "основ и принципов прежней России", никакого легитимизма просто быть не может, как не может быть никакой духовности вне Духа Святого. По-видимому, слово "легитимизм" обладает-таки какой-то привлекательностью, коль скоро на него претендуют и представитель течения, откровенно легитимизму враждебного (не приходится, кажется, сомневаться, что национал-социализм с его "обновленчеством" и новым порядком является как раз антиподом легитимизма, суть коего именно в "традиционности").

Плоха ли, хороша ли была старая Россия, но другой у нас не было, и мы, "традиционалисты", предпочитаем ее всем прочим образцам. Да, возможно, не все в ней было ладно, возможно, многое надо было исправлять. Но и со своими слабостями и недостатками она все-таки для нас, правых, бесконечно лучше и милее, чем любые модели, предлагаемые левыми - будь то Совдепия, "новый мировой порядок" в духе Рах Америгана или задумки национал-социализма. Ведь ценности, на которых зиждилась старая Россия, будут существовать столько, сколько род человеческий; сами по себе они неистребимы в любую историческую эпоху; дело лишь за тем, чтобы обратиться к ним.

Белый цвет - есть цвет легитимизма, "традиционализма"; красный - цвет революции, "обновленчества". Не было в истории и быть не может чего-то среднего

между ними. Всегда торжествует что-то одно. Никакого особого третьего качества от такого "смещения" красного и белого произойти не может. Может быть белая власть, допускающая "красноту", или красная власть, изображающая "белизну", но в конечном счете сама эта власть всегда по существу своему будет либо белая, либо красная. Например, все режимы во Франции XIX-XX вв., кроме реставрации 1815-1830 гг., несмотря на все различия между монархиями Луи Филиппа и двух Наполеонов и пятью республиками, вели свою родословную от революции XVIII в., а не от "старого порядка", и в основе их лежали ее идеалы и представления; тогда как монархия 1815-1830 гг., несмотря на сохранение ряда "завоеваний революции", все-таки была воплощением легитимизма, подлинной королевской Франции.

Применительно к конкретным условиям нашей страны это означает, что всякая правая будущая власть будет основываться на дореволюционных принципах, а всякая левая - все-таки на советских (как основывается на них "демократический" ельцинский режим и как будут, естественно, основываться в случае своего прихода к власти национал-большевики). И на тех же, на советских, принципах будут основывать свою власть национал-социалисты, что бы они сейчас ни говорили, ибо сущность их - тоже левая (а потому и враждебная православно-монархическому направлению, которое стопроцентно правое).

Когда нам говорят, что в России никогда уже не восторжествует Белая идея, то это означает, во-первых, то, что, следовательно, будет продолжаться господство идеи красной, а во-вторых, что утверждающие это и не желают торжества Белой идеи. Ну что же, это дело вкуса, и я не вижу предмета для спора там, где речь идет просто-напросто о разнице в политических убеждениях. Еще раз подчеркну: не верящие в возможность возрождения "основ и принципов прежней России" (именно так, а не "лучших начал" ее, как принято выражаться в "прогрессивных" кругах) - на самом деле и

не хотят такого возрождения, каких бы оговорок и реверансов в сторону старой России они по тактическим соображениям ни делали.

Что же касается перспективы такого возрождения, то меня нисколько не смутила бы даже возможность остаться на некоторое время и в полном одиночестве со своими убеждениями и пристрастиями. Потому что за ними - многовековая великая традиция, обладающая огромным потенциалом и всегда способная найти себе сколько угодно сторонников при благоприятных обстоятельствах; а за тем же национал-социализмом (даже если бы соответствующая партия действительно представляла собой что-то серьезное и способное набрать несколько процентов голосов, что пока не так) - лишь его собственные амбициозные задумки да примеры кратковременного и неудачного опыта в некоторых странах.

III.

Конечно, формирование подлинно правых сил в сегодняшней России происходит с трудом. Слишком силен "советизм" в сознании населения, слишком крепко сформирована в общественном сознании отрицательная установка на все "правое", еще прочны нити, привязывающие людей к привычным советским реалиям. Огромную роль играет и неизменный стереотип господствующей в обществе "демократической" пропаганды, подобно большинству западной и по тем же причинам (о чем см. выше) связывающей "правизну" с национал-социализмом и национал-большевизмом (тем, кто стоит у власти, конечно, невозможно признать, что пресловутые "красно-коричневые" - такие же левые, как они сами).

Надежды на лучшее потому и связываются мною с поколением нынешних двадцати-тридцатилетних, что оно в наибольшей степени свободно как от груза впитанных и вдолбленных советских предрассудков, так и

от слепого доверия к пропагандистским стереотипам вообще. (Советский строй воспитал породу людей, чрезвычайно восприимчивых к влиянию средств массовой информации и избавленных от привычки думать самостоятельно. Этим, кстати, и объясняется быстрый успех "перестройки" и триумф Ельцина: достаточно было переориентировать основные средства массовой информации - и советские люди уверовали в спасительную миссию "демократов"). Между прочим, одним из положительных моментов является то, что за последний год произошла утрата доверия основной массы населения к телевидению и газетам; теперь, хотя монополия на эти средства и сохранилась, но оружие это во многом потеряло свою эффективность. Кроме того, с формальным отстранением КПСС от власти "советизм" все-таки перестал воспроизводиться ежедневно и ежедневно, как это было в предшествующие годы, и люди, воспитание которых происходит сейчас, хотя и открыты воздействию другой заразы, но такими же советскими людьми, как их родители, они, по крайней мере, уже не будут.

Следует откровенно признать, что в ближайшем будущем правые силы не смогут рассчитывать на успех, однако к следующим выборам (если они состоятся), возможно, образуют коалицию и выйдут на политическую арену в качестве самостоятельной силы. Первая попытка такого рода, предпринятая в феврале 1992 г. в виде "Российского Народного Собрания", как теперь стало очевидно, потерпела провал (из-за недальновидной политики лидеров РНС, вскоре вступивших в союз с коммунистами и социалистами разных мастей и оттенков). К концу 1992 г. РНС фактически прекратило свое существование, оказавшись в довольно странном и смешном положении: многие его лидеры оказались в национал-большевицком Фронте национального спасения, в то время как все основные правые организации, входящие в РНС (чьи члены составляют абсолютное большинство его руководящих органов - кадеты, РХДД

и Русский Общенациональный Союз), от Фронта отмежевались.

Между тем, формирование коалиции правых патриотических сил - насущная задача. По-видимому, если такая коалиция, наконец, будет создана, то уроки РНС будут учтены: никакие красные туда допущены не будут и на сотрудничество с ними больше не пойдут. Встает, однако, вопрос о том, кто мог бы составить такую коалицию. В принципе, наверное, те организации, которые в свое время составили основу РНС, и те национальные партии, которые решительно отмежуются от национал-большевизма. Однако антагонизм между последними и право-либеральными партиями (кадеты и РХДД) может оказаться слишком сильным. К тому же РХДД и кадеты, склонные к шараханью из стороны в сторону (от "Демроссии" к коммунистам и потом снова от них) могут предпочесть не создание такой коалиции, а присоединение к центристским силам - Гражданскому союзу.

В этом случае роль организатора правой коалиции может взять на себя одна из наиболее перспективных правых организаций - скорее всего, Русский Общенациональный Союз (РОНС), а в случае неудачи ее создания - выступить как самостоятельная сила. До сих пор РОНС держался в тени и был известен не более, чем одна из многочисленных "русских партий". Что касается последних, то, при всем уважении и симпатии к искреннему патриотизму их членов, партии эти представляют собой не более, чем секты, и всегда таковыми останутся. Об их серьезном участии в выборах, например, говорить не приходится, они никогда не смогут, выступив в собственном виде, собрать более нескольких процентов голосов по причине совершенной своей нереспектабельности.

РОНС, однако, который поверхностный наблюдатель мог бы принять за одну из таких партий, качественно от них отличается и интеллектуальным уровнем своих членов, и серьезностью проводимой им работы по анализу и осмыслению положения в стране. Разрабатыва-

емая им программа - одна из самых легитимистских. Это те русские правые, которым, возможно, и суждено со временем возглавить правое патриотическое движение. РОНС, во всяком случае, такая организация, которая вполне способна вести предвыборную борьбу и самостоятельно. И если он решит выйти из "полуподполья" и заявить о себе достаточно громко, то не исключено, что добьется некоторого успеха уже на первых предстоящих выборах. Эффект, разумеется, мог бы быть значительнее, если бы РОНС встал во главе правой коалиции. Все будет зависеть от того, как он себя подаст и зарекомендует при выходе в политический свет.

Что касается привлечшего к себе внимание с весны 1992 г. Русского Национального Собора, то его идейно-политическое лицо до настоящего времени (начало декабря 1992 г.) так окончательно и не прояснилось. Сразу после своего создания он выглядел вполне национал-большевицкой организацией, что ярко иллюстрировалось составом его руководства (лучшей витрины национал-большевизма и не надо - хороша патриотическая организация во главе с красными генералами, чинами КГБ и идеологами КПСС). Поэтому вполне логичным казалось участие Собора во Фронте национального спасения.

Однако вскоре после учреждения Фронта лидер Русского Собора А. Стерлигов выступил по телевидению с заявлением о том, что его не устраивает засилье там коммунистов и что ему, русскому патриоту, с ними не по пути. В ответ последовала бурная реакция: четверо членов руководства Собора во главе с Г. Зюгановым опубликовали заявление о том, что стерлиговское мнение не отражает позиции Собора. Впрочем, последнее слово осталось, видимо, за Стерлиговым - судя по тому, что на пресс-конференции Собора 17 ноября он выступал уже единоличным его руководителем (без Зюганова и прочих) и, главное, пошел еще дальше в духе своего первого заявления: было сказано, что в перспективе наиболее приемлемой ему видится монархическая фор-

ма правления, а Собор свой охарактеризовал как организацию белую. Подобная метаморфоза хоть кого способна была поставить в тупик. Формально Стерлигов действовал, конечно, как правый русский патриот, случайно и неожиданно оказавшийся в непристойной красной компании, но остается открытым вопрос, является ли он таковым на самом деле. Отсутствие среди его сподвижников лиц, известных своими белыми убеждениями, дает, во всяком случае, пищу для сомнений, но, с другой стороны, добросовестную эволюцию совершенно исключать тоже нельзя. Дальнейшие события, впрочем, поставят все на свои места. В настоящий же момент "Русский Национальный Собор" заявил себя как организацию однозначно правую, и если он такой и является, то, возможно, станет участником гипотетической правой коалиции или же вознамерится сам создать и возглавить таковую.

В целом положение патриотических группировок остается незавидным. Следует иметь в виду, что до 80 процентов населения вообще никогда не держало в руках образчика прессы, которую принято относить к "патриотической" (в том числе и национал-большевицкой) и что, по опросам общественного мнения, эти группировки вместе взятые пользуются поддержкой чуть больше 10 % населения. Настроения избирателей, конечно, переменчивы, но если бы выборы состоялись в конце 1992 г., то "Демроссия" и ей сопутствующие получили бы процентов 20, "Гражданский союз" (Руцкой сейчас самый популярный политик) - до 40 %, коммунисты (в том числе "пассивные" - всякие председатели колхозов и прочее местное начальство) - до 30 %, а патриотам досталось бы совсем немного. Возможно, что ко времени выборов 1995 г. произойдет объединение наиболее респектабельной правой оппозиции с патриотическими элементами "Гражданского союза" (или того, во что он к тому времени превратится).

Нелепая картина современной политической жизни России во многом определяется тем, что у нас не поли-

тические организации проводят в парламент своих депутатов, а депутаты организуют свои партии, вес которых определяется личной известностью данного лица. Поскольку же настоящих правых патриотов среди депутатов вообще не обнаруживается, то и партии соответствующей известности до сих пор нет. До 80 % нынешних депутатов - люди совершенно случайные. И если выборы будут проводиться по тем же законам, то число таких снова будет значительным. Но выборы по партийным спискам могут дать патриотическим партиям шанс получить реальное представительство во властных структурах.

Другого пути для них, по-видимому, не существует, ибо попытки "поднять народ" столь же для них непосильны, сколь и бесперспективны. Они уже неоднократно терпели провал в прошлом (в самые, казалось бы, подходящие для этого моменты), и нет никаких оснований думать, что нечто подобное возможно в обозримом будущем. Строго-то говоря, абсолютное большинство народа во время проведения таких попыток просто не подозревало, что его кто-то хочет "поднять", потому что "патриотические" газеты, как уже говорилось, ему в руки не попадают. В обычных условиях у патриотов просто нет элементарной возможности сколько-нибудь равноценно донести до населения свою точку зрения (тиражи самых известных газет типа "Дня" в прошлом году не достигали и 100 тысяч, тогда как один "Московский комсомолец" имел тираж около 2 млн.). В ходе же предвыборной кампании шансы хотя бы частично выравниваются, потому что телевизионный зритель будет получать более или менее равноценное представление о различных политических силах (полностью обойти требования закона о равном доступе на телевидение в период предвыборной кампании все-таки не удастся).

В этой ситуации первостепенное значение приобретает привлекательный имидж партии, респектабельность ее лидеров, а не количество членов и прошлая

известность. В таких условиях шансы на успех могут иметь и такие слабые группировки, какими ныне являются патриотические. Стоит вспомнить небывалый успех на президентских выборах никому не известного Жириновского, лидера чисто фиктивной партии: достаточно оказалось появиться на экране среди тупых коммунистических номенклатурщиков человеку, говорящему многие правильные вещи - и, несмотря на свои недостатки (а можно было ведь и держаться гораздо солиднее, да и говорить осмотрительнее), он с нуля вышел на третье место. Поэтому больше шансов на успех будет иметь та организация, которая в большей степени способна к предвыборной борьбе. Как бы ни показалось это кому-нибудь из патриотов огорчительным, но именно на этом, чужом и неприятном для них поле будет скорее всего решаться вопрос о власти.

Кто-то надеется, что "поднять народ" удастся если не им, то коммунистам, которых можно будет потом как-то оттеснить или перевоспитать. Конечно, у коммунистов такая возможность есть хотя бы теоретически. Но если им, не дай Бог, это и удастся, то какой-нибудь М. Астафьев, бросившийся к ним в поисках "сермяжной правды", совсем не будет там нужен. Поступившись своими убеждениями, подобные люди, отягощенные интеллигентским комплексом посредничества, все равно не обретут ничего, кроме унижения. Им же еще и предложат "перевоспитаться" самим. Общаясь с людьми, считающими себя правыми и одержимыми притом идеей перевоспитания левых, не устаешь удивляться, насколько быстро и успешно при дружбе их с коммунистами происходит обратный процесс: младший научный сотрудник, вознамерившийся воспитать для лучшей жизни бывшего секретаря ЦК, проникается "идеей социальной справедливости" и убеждением, что такие-то люди и "спасут страну". Такие-то у нас бывают правые...

Следует отдавать себе отчет в том, что режим в России в ближайшие годы будет оставаться левым.

основанным на традициях не российской государственности, а Совдепии и большевицкой революции - независимо от того, уцелеет ли ельцинский режим, победит ли национал-большевицкая оппозиция или произойдет замена ельцинских "радикальных демократов" чем-то "центристским" в духе Хасбулатова и левой части "Гражданского союза". Поэтому правые в любом случае будут оставаться в оппозиции, пока не подготовят общественное мнение к восприятию своей идеологии или пока стечение обстоятельств не сделает их победу возможной. Придется запастись терпением и не прельщаться сомнительными дивидендами, способствуя смене одного левого режима другим. Рано или поздно развитие страны вернется в свое естественное русло и вынудит обратиться к ее легитимной государственности, поборниками и наследниками которой являемся только мы.

Москва, 1 декабря 1992 г.

Соблазн примирения

Сегодня часто говорят, что в России понятия "белый" и "красный" начинают размываться, теряют свое первоначальное значение. Думаю, с этим нельзя согласиться. Понятия, раз и навсегда утвержденные историей, остаются неизблемы. Меняются лишь толкующие их люди, конкретные политические деятели, что называют себя "белыми" или "красными". Но из того, что носящие черно-желто-белый значок согласны заключать союзы с носящими значок серпа и молота, отнюдь не явствует, что идея "православной монархии" могла подпасть некоей реформе и стала объединима с идеей "коммунистической республики". Нет, из этого явствует лишь царящая в современном российском обществе идейная путаница.

Для иллюстрации ее возьму на выбор любой из случайно попавших ко мне в руки номеров газеты "Народная правда", а именно № 41 (43) за октябрь 1992 года. Газета, как помечено на титульном листе, издается в Ленинграде-Петербурге и является, что сразу видно, резко оппозиционной нынешнему кремлевскому руководству. Выражения типа "обездоленная страна", "осторожно - демократия!", "господин Ельцин будет проклят за такую жизнь", а также "экономическая удавка, брошенная на тощую шею народа" - часто встречаются на страницах этого органа печати.

"Народная правда" зовет к неприятию "демократических господ", т.е. теперешних правителей России. В номере 41 (43) говорится о "великой державе", власть в которой "захватили чужеродные силы". Читателя призывают "любить Родину", "служить Отечеству". Ветера-

ны вспоминают, как некогда шли в бой "за народное дело".

Итак, все ясно. Перед нами подлинно патриотическая газета, стоящая на страже российской государственности, хотя и несколько сбита с толку, на что указывает адрес "Ленинград-Петербург". Но вот на видном месте письмо читательницы А. Маклиной. Скоро, пишет она, - "мы решим, какую партию поставить у власти. Патриотов в возрождающихся коммунистических партиях достаточно. Они снова сумеют сделать нашу жизнь счастливой".

"Э-э, нет", - сразу приходит в голову мысль. "Что-то здесь не так". Тут же в редакционной заметке с похвалой отмечают, что многие молодые подписчики газеты остались верны "коммунистическим идеалам, комсомольским традициям". Тут же профессор Иван Осадчий открывает нам глаза на прошлое родной страны. Оказывается, проблемы начались с известного борца за внедрение в России кукурузы.

"С хрущевских времен в КПСС начал формироваться привилегированный слой партийной аристократии, что явилось источником падения авторитета коммунистов и разложения партии". До Хрущева, соответственно, все было в порядке. У коммуниста была только "одна привилегия: первым пойти в бой и погибнуть за свою Отчизну, за свой народ" в схватках с белогвардейцами либо позже с фашистами, которых Осадчий ставит на одну доску.

Кажется, опять-таки все ясно. "Народная правда" - издание коммунистической направленности, представляет известно чьи взгляды и под "восстановлением бывшего величия нашей Родины" понимает "установление настоящей диктатуры трудящихся". Народ, в ее толковании, это, само собой разумеется, "советский народ", а отечество - СССР. Преданный ленинец Ф. Дзержинский звал коммунистов быть "слугами народа", но его не послушались, потому что "карьеристы и проходимцы" замутили воду. В чем и заключается корень бед.

На этом газету "Народная правда" можно было бы отложить, но тут вспоминаешь, что видел в ней что-то еще, что-то совсем иное, никак вроде бы несовместное с "информацией к размышлению товарищам коммунистам", как называется одна из заметок. А что же со статьей "Где живое сердце твое, Россия?", с искренней болью повествующей о гибели русской деревни, о том, как "советская власть за церкви принялась" с помощью взрывчатки? Как же с "заступником земли русской", Сергием Радонежским, о котором явно писал не бывший лектор-атеист, а человек воцерковленный? Как же с "Обращением к православным пастырям" председателя Союза православных братств Санкт-Петербурга К. Душенова?

Вот что говорит Душенов: "Лукавые и лъстивые оборотни, пришедшие к власти, делами разоблачили себя как изощренные преемники коммунистов-богоборцев". Сие на странице 7, а на странице 1 тем же богоборцам поют хвалебную оду. На седьмой уверяют, что "Русь просыпается святая", а на пятой обещают социализм и диктатуру пролетариата. В соседних друг другу столбцах заклиняют: "Встань с колен, великая Русь!" и выступают за возрождение лозунга "Вся власть Советам!"

Как возможно подобное соединение несоединимого, этакая безбожно-поверхностная эклектика в компоновке одного газетного номера? В "Народной правде" нескрываемый перевес на стороне публикаций, более или менее открыто обеляющих действия КПСС и ее идеологию. Чисто патриотические, иногда даже религиозные материалы тоже встречаются, но пребывают в явном меньшинстве. Зачем они вообще понадобились? Как может редакция публиковать письмо о "великой Руси... с пустыми глазницами оскверненных церквей", "униженной, с болью в сердце стоящей на коленях", при этом оправдывая и возвеличивая большевизм, Русь на колени поставивший? Что это - бездумное объединение антагонистических взглядов по принципу "лишь бы

против Ельцина с командой" или же более тонкое лукавство, желание путем подмены понятий привлечь людей к себе, к остывающему коммунистическому костру, утешными фразами о патриотизме, России, Православии?

Просто "Правда" любит нынче порассуждать о пользе интернационализма, о вреде национал-шовинизма и засилья "коричневых". А вот у "Народной правды" подход иной. Тут допускаются и любовь к отечеству (понимай, как знаешь, к какому), и панегирики народу-страстотерпцу (то ли советскому, то ли русскому), и откровенная марксистская агитация, и заметки на церковные темы. Редакция "ленинградско-петербургского" издания столь всеядна, что из одного его номера спокойно можно было бы скроить две газеты, оппонирующие друг другу - одну ленинско-большевистско-державную и другую, поменьше, русско-национальную.

На чьей стороне тут оказались бы симпатии журналистского коллектива - довольно ясно. Но почему авторы искренних публикаций в патриотическом духе соглашаются помещать их в таком неподобающем соседстве? Что, упомянутый мною уважаемый председатель Союза православных братств не читал до тех пор "Народной правды"? Не знал, в чем, по ее мнению, начало нынешней российской трагедии? А именно в том, что "Хрущев отказался от классового подхода" и "заменял социализм на тривиальную демократию"? У неокommунистов вечно Хрущев виноват, такая уж его судьба.

Кажется, что в лежащем передо мной обыденном газетном номере октября 1992 г. высветилась тенденция, последнее время громогласно заявившая о себе и логично вылившаяся в создание Фронта национального спасения. Это - тенденция у значительной части нынешних "белых" к пониманию большевиков как естественных союзников в борьбе с правлением либерально-эгалитарных "демороссиян".

Сама по себе, данная подвижка в сознании оторванных от традиции исторической непримиримости патри-

отов по-человечески объяснима. Действительно, ситуация сложилась так, что под мощным прессом властей и патриотические, и неокommунистические силы существуют как бы в полуподполье. Загнанные туда вместе, заранее сваленные демократической прессой в общую кучу "красно-коричневых", и русские националисты, и большевики-интернационалисты делают на поверхности схожий вывод: такую власть надо менять.

Но для возможного сотрудничества этого еще явно недостаточно. Необходимы иные точки соприкосновения, и они вроде бы находятся в общем неприятии ослабления и распада великого государства, в осуждении некритического поворота к самому худшему, что есть в западной цивилизации, в отрицании человекоборческих экономических реформ правительства Ельцина. Опираясь на эти точки соприкосновения, спеша приблизить желанный момент смены нынешнего режима, патриоты и коммунисты, как кажется, договариваются о соединении своих усилий.

В элементарной, арифметической простоте такого решения ($1 + 1 = 2$, а значит больше, чем 1 и 1 по отдельности) для патриотов таится большая опасность. В политике сложение сил часто оборачивается ущербом для одной из сторон. Искусство компромисса заключается в том, чтобы, используя выгоды временного альянса, в ответ не поступиться глубинными, существенными основами собственной позиции, то есть, выиграв копейку, не потерять рубль.

В данном случае для радеющих за Русь это означает, грубо говоря - спасая страну от пагубного напора лжедемократов, не толкнуть ее из огня да в полымя, вновь в руки коммунистов или же неких сил, с коммунистическими весьма схожих. Ведь, праведно гневаясь на нынешних кремлевских владык, мы должны четко понимать причину нашего гнева. Она все же не в том, что "демороссияне" разрушили союзную империю, а в том, что, наслаждаясь великими потрясениями, они отказались воссоздавать на ее месте великую Россию.

У небольшевиков все наоборот. "Российское государство", о котором они вдруг полюбили говорить, для них лишь лозунг, вербальная форма, содержанием которой продолжает оставаться СССР, то есть райкомы, партсъезды, пятилетки, совхозы и прочая и прочая. Но меж райкомов и партсъездов абсолютно нет места для таких заповеданных, святых любому русскому патриоту понятий, как Православие, соборность, Третий Рим.

Поэтому должно быть ясно, что пути "красных" и "белых" вскоре и неизбежно разойдутся вновь. Нельзя забывать, что далеко не каждый противник "демороссийской" власти автоматически является пособником дела русского возрождения. Чрезвычайно важно, голосуя, когда это надобно ради страны и народа, заодно с большевиками, в то же время не становиться ими ни на йоту, избегать излишнего сближения, которое, с одной стороны, угрожает возможностью реставрации коммунистической системы, а с другой, что еще хуже, поскольку необратимо, выхолащивает самую сокровенную суть национальной идеи, завещанной нам русскими святыми и царями, крестьянами и воинами отнюдь не для ревизии, но для охранения и претворения в нашу сегодняшнюю жизнь.

Опасность такого сближения существует, и она реальна. Можно оправдывать патриотически настроенных авторов "Народной правды" - сочли за главное донести свои мысли до читателей (их, по данным редакции, около 100 тысяч), подумали, что стоять рядом с некоммунистами против обладающих ныне властью, а потому кажущихся ббльшим злом "демороссийан" - не зазорно. И действительно, на первый взгляд русско-национальные материалы в газете только лишь стоят рядом с прокоммунистическими, вроде бы не принимая их в себя.

Однако, кончится ли дело простым пребыванием вместе, плечом к плечу в одиночной стычке? Нынешних правых и левых теперь все чаще призывают не только крепить антиправительственную коалицию, но и побра-

таться, через сверхусилие слившись навеки и тем преодолев исторический раскол. События революции и гражданской войны изображаются при этом именно как злосчастный раскол русского народа, "русской идеи", на две братские, но по недоразумению столкнувшиеся в непримиримой схватке компоненты, "белую" и "красную".

Средоточия этих компонент главный редактор газеты "День" А. Проханов определяет следующим образом: "красное" - социальная справедливость для отдельного человека, поиск земного рая; "белое" же - национальная справедливость для осознающего свое великое призвание народа. Примирение "красного" и "белого" необходимо для общего спасения. Только так возможно побороть третью, наносную силу, добившуюся успеха, пользуясь противостоянием двух первых. Только так мы сумеем восстановить государство Российское. Сейчас не место спорам, каким этому государству быть. Оппозиция обязана стоять на позициях непрещенчества. "Все распри должны быть оставлены перед ликом оскорбленной Отчизны"¹.

Конечно же, при виде происходящего сегодня в России оставаться равнодушным нельзя. Нет сомнения также, что русской нации для очищения, для исполнения ее провиденциальной задачи надобно внутренне сплотиться, обрести утраченную цельность. Однако достижима ли эта цельность путем союза "красного" и "белого"? Существовало ли когда-нибудь их исходное единство? Можно ли считать непреложным, что в годы великого перелома в России бились друг с другом две исконно русские идеи?

Ответы на эти вопросы далеко не так однозначны, как нам представляют. Несомненно, в русском национальном сознании присутствует и то, что А. Проханов называет "красным", и то, что он называет "белым". Но уже следующее допущение является весьма произво-

¹ День. 1992. № 43/71. 25-31 окт.

льным. Подумаем, применима ли данная характеристика, например, "красного" к существовавшему в действительности красному движению революционной поры? Известные факты и оценки современников вроде бы заставляют очень и очень усомниться в такой применимости.

Сторонники право-левого братания поясняют: мы имеем в виду не грубые, земные, ставшиеся в революции формы "красного" и "белого", но мистическую, астральную, долженствовавшую быть сущность их. Тем самым в историю как бы вносятся поправки. Задним числом происходит своеобразное облагораживание прошлого для "красных" и упрощение, искажение его для "белых". Зато конфликт переносится из области чудовищно-конкретных, устоявшихся за 70 лет антипатий в абстрактную сферу борьбы идей. Владимир Ленин и Николай II никогда не смогли бы примириться, будь они живы. Но если видеть в них лишь носителей "двух энергий", двух принципов - "социальной правды" и "национальной красоты", то проблема, разумеется, теряет непосредственную, личностную остроту.

Энергии - это, конечно, дело тонкое. Суждения о них неизбежно субъективны и ведут лишь к бесполезным спорам до хрипоты. Казалось, можно было бы не вдаваться в чисто эмоциональную полемику. Но Проханов и его единомышленники тут же опровергают сами себя, возвращаясь на твердую почву и делая из своих эзотерических рассуждений весьма вульгарный практический вывод о надобности слияния не только астральных сил, но и вполне плотских, реальных небольшевиков и патриотов наших дней, подымающих на митингах портреты Сталина и хоругви, красные флаги и флаги черно-желто-белые.

Ведь если даже согласиться с тем (а согласиться едва ли можно), что А. Проханов премило раздает всем сестрам по серьгам, по половинке антиномии, выделяя всемирность - красным, народность - белым, социальную утопию - опять же красным, зато жажду Царствия

Небесного - белым, то где и каким образом из этого проистекает возможность и, главное, необходимость полного и безоговорочного братания Российской коммунистической рабочей партии и Союза русского народа, большевиков и монархистов? Не наблюдается ли тут знаменитый, часто цитируемый силлогизм: "Человек произошел от обезьяны, следовательно, мы должны любить друг друга"? Иными словами, насколько здесь второе выводимо из первого?

Кажется, что выводимо плохо. Получается разрыв. С одной стороны вынужденно сложившийся "право-левый блок", с другой - историсофская концепция, которую пытаются подвести под этот блок в качестве теоретической базы. И сдается, что для политического взаимопонимания в рядах нынешней "объединенной оппозиции" тезис Проханова о "красной" и "белой" идеях вроде бы является не так уж и нужным, чем-то наподобие пятого колеса.

Того, что нынешние власти творят в стране, вполне достаточно, чтобы инициировать и обосновать любую направленную против них коалицию, в том числе и столь разнородную, как у некоммунистов и патриотов. Такая коалиция сложится, выполнит свою миссию, а затем естественным путем распадется. Если А. Проханов придерживается некоего нетрадиционного мнения по поводу революции 1917 года - это его право. Русским националистам, вошедшим во Фронт Национального спасения, на первый взгляд ничто не мешает возразить, отмежеваться, тем более, повторюсь, что само существование "объединенной" оппозиции" от подтверждения либо отрицания чьего-то особого мнения ровным счетом никак не зависит.

Меж тем возражений не слышно. Все молчат, разрешая, по поговорке, трактовать свое молчание как знак согласия. То самое недопустимое и неоправданное сближение с коммунистами, которое слишком часто приходится сегодня наблюдать, терпится патриотами и принимается чуть ли не как должное. Концепция двух

идей, ничтоже сумняшеся уравнивающая белогвардейцев и комиссаров, Россию и Советский Союз, Столыпина и Сталина, православие и атеизм, а также множество иных, столь же однозначных вещей, явочным порядком становится почти официальной идеологией "объединенной оппозиции".

Таким образом, стремление к преодолению русского раскола, само по себе естественное, на глазах правых из ФНС вырождается в эклектическое смешение взаимоисключающих понятий и выведение всякого рода нежизнеспособных чудовищ, наподобие "православного коммунизма". Отчего это происходит? Может быть, патриоты совершают маневр и столь неловким, сомнительным образом пытаются накрепко и надолго привлечь в свой лагерь необольшевиков, действительно рассматривая Фронт как образчик национального согласия, примирения, всепрощения, как некий народный союз, который будет существовать и после поражения сил, находящихся сейчас у власти в Кремле?

Если это верно, то, сходясь с коммунистами, забывая о вчерашних распрях, патриотам никак нельзя упустить из виду возможные распри завтрашние. Для того, чтобы подойти к ним во всеоружии и не стать жертвой собственного прекраснодушия, нужна двойная и даже тройная осторожность. Когда делается реальная политика, иллюзиям не место. Вступая в "красно-белый блок", необходимо заранее себе уяснить, какой смысл вкладывают нынешние соратники в девизы, внешне их вроде бы объединяющие.

Например, государственность. Нет, вероятно, более сильного мотива для единения у всех патриотических течений, у всех коммунистических группировок, чем тяга к созданию или, точнее, воссозданию великой державы на шестой части суши. Однако, несмотря на то, что все оппозиционеры стремятся к укреплению государства и в этом друг с другом близки, представления об облике и предназначении данного государства у многих из них в корне различны.

Возьмем влиятельную газету "Гласность"², выступающую в поддержку ФНС. В этом органе печати левые пишут для своих и излагают планы четко и ясно. Антигосударственной их платформу не назовешь. Наследники КПСС убеждают, что не станут "мириться с унижением и самоуничтожением нашего общего Отечества", что "восстановят его достойное место в мире", что будут "всемерно крепить обороноспособность страны" и проч., и проч.

Но приведенные мной благородные слова желательно рассматривать в контексте, а именно - в рамках программного заявления XX партконференции: "За социализм, за союз народов, за единство коммунистов". В заявлении нам объясняют, что "КПСС жива" и что Октябрь 1917-го "стал историческим вкладом народов России в прогресс человечества". Благодаря этому вкладу "была преодолена вековая отсталость царской России и особенно ее национальных окраин". Дальнейшее в том же духе. Никаких заигрываний с терминами "патриотизм" и "русский". Напротив, подтверждается, что "КПСС - партия интернационалистическая по своей сути" и ратует "за воссоздание СССР". Этот СССР, разумеется, возобновит "движение вперед по социалистическому пути развития".

Что называется - начали за здоровье, а кончили за упокой. Впрочем, делегатов XX партконференции следует поблагодарить за откровенность. Изложенные ими принципы "коммунистической державности", на мой взгляд, не требуют дальнейших пояснений и способны остудить пыл самых рьяных приверженцев "праволевого единения" из числа русских патриотов.

К сожалению, не всегда так просто распознать, что те или иные российские политики скрывают за у всех примерно одинаковой фразеологией. Уж слишком многие записались сейчас в государственники: и "красные",

² Гласность. 1992. № 35. 22-28 окт.

и "белые", и члены ФНС, и не вошедшие в него, и оппозиционеры, и даже члены ельцинского правительства.

Вот, скажем, В. Жириновский. Он, судя по речам, является собой эталон державного мужа, кредо которого выражается в следующих возвышенных словах: "Политические партии возникают, лидеры приходят и уходят, но вечным, незыблемым должно оставаться наше государство!"

Звучит, вроде бы, хлестко. Но ведь государство не гостиничная комната с неизменной мебелировкой, в которую "лидеры приходят и уходят". Оно - общественный организм. Вожди, партии, главенствующие идеи накладывают на него отпечаток, иногда неизгладимый, направляют развитие страны по верному или ложному пути.

"Для нас главное - ТЕРРИТОРИЯ нашего государства", - уверяет Жириновский. И снова - "мы за восстановление исторических границ и восстановление Российского государства". Каких, однако, границ? Восстановление какого, собственно, государства: советского ли образа правления? русского ли самодержавия? буржуазной республики после Февраля?

Кажется, что нам навязывают своего рода Ноев ковчег. "Пускай на нашей земле живут и монархисты, и коммунисты, и анархисты, и социал-демократы, и христианские демократы, и либеральные демократы". И если они "смогут в перспективе создать нормальную многопартийную систему, многопартийный парламент - это будет очень хорошо!"

Так ли уж будет в данном случае хорошо - большой вопрос. "Нормальная демократия может быть только в сильном государстве", - много раз повторяет Жириновский. Как способна существовать "сильная" власть при парламенте с вышеперечисленной расстановкой политических сил - от коммунистов до анархистов? Какую скрепляющую всех идею предлагают "державники" из Либерально-Демократической партии?

Похоже, что никакой. Разве что абстрактную, либерально-подозрительную "свободу в рамках закона". Положительная программа "государственника" Жириновского весьма туманна, но очевидно его отталкивание от традиционных форм русской государственности, от таких понятий, как "православие", "самодержавие", "народность".

Уже не удивляет, что в партийной газете "Либерал"³ не найдешь ни одного положительного упоминания о дореволюционном прошлом. О царской России в ней говорится, вполне в духе маркиза де Кюстина, что "рабство пустило там глубокие корни в народную жизнь". Зато нас приглашают "вернуть государственность СССР", тепло рассказывают о советском народе. Замену названия "советская армия" на "армия российская" Жириновский отмечает безо всякого энтузиазма - "коль скоро... то пусть".

Я не собираюсь критиковать "центристскую партию ЛДП", намеренную повести нашу страну по пути "высокой духовности и всеобщей грамотности". Быть может, когда-нибудь либерал-демократам удастся понять, что в России до февраля 1917 г. было еще нечто, кроме "рабства", "отсталости" и огромной военной мощи, которой страшились все соседи. Пока же будем смотреть на вещи трезво. Выступает ЛДП за единое неделимое государство - хорошо. За защиту интересов русского населения - тоже хорошо. Но мы должны четко сознавать, где жириновцы сближаются с патриотами-традиционалистами, а где расходятся, перенимая установки уже совсем иных "державных мужей" из казалося бы враждебного лагеря.

Возьмем, к примеру, интервью А. Руцкого журналу "Шпигель"⁴. Вице-президента представляют доверчивому немецкому читателю как "патриота и националиста", и он не жалеет сил, убеждая корреспондентов, что

³ Либерал. 1992. № 6-7.

⁴ Der Spiegel. 1992. 26. Okt.

любит родину куда правильнее, чем всякие "псевдо-патриоты" и "национал-шовинисты" из числа оголтелых ретроградов. В доказательство штатный по должности русофил А. Руцкой использует следующие выражения - "великая держава", "сильная власть", "интересы нашего государства с его более чем тысячелетней историей должны быть представлены вовне энергично и ясно", "Россия была дойной коровой Союза".

Секундочку, все это уже только что было. Действительно, в формулировках у Руцкого с Жириновским сходство удивительное. Один - "либеральная сила центра", а другой из "Либерально-демократической партии центра". Один - "только сильное государство может обеспечить переход от тоталитаризма к плюралистически-демократическому обществу". Другой - "нормальная демократия может быть только в сильном государстве". Один - за "эволюцию", другой - "за эволюционный путь в общественном развитии". И герои у обоих одинаковые. У Руцкого - главный на Руси "эволюционер" Петр I, а также Столыпин. В жириновском "Либерале" - те же, Петр и Столыпин, и эта чудноватая привязанность сразу к двум принципиально различным деятелям лишь из-за их "реформаторства" наводит на печальные мысли.

Вот вам всепримиряющий критерий "державности". Жириновский борется со "лже-демократами", а Руцкой, махая шашкой направо и налево, с "красно-коричневыми". Жириновский выступает за неделимость России, а Руцкой, губя на корню якобы милую ему идею "сильной власти", щедро признает "право каждого народа на самоопределение". Но в остальном кажется, что государства, которые они намерены строить, имели бы более сходства, нежели различия. Чего не скажешь о вроде бы находящихся ныне по одну сторону баррикад русских патриотах и некоммунистах, представления которых о государственности весьма и весьма неодинаковы.

Хотя, впрочем, и это как посмотреть. Общая платформа, на которую встали сейчас участники "красно-белого союза", содержится в так называемой "Политической декларации левой и правой оппозиции"⁵. В адрес теперешнего кремлевского руководства там выдвигаются два основных обвинения: в умышленном развале, "расчленении единого государства" и в "тотальном уничтожении экономики страны". Второе, в общем-то, объясняется первым.

Соответственно, комплекс антикризисных мер, предлагаемых ФНС, группируется вокруг двух первостепенных задач - восстановления разрушенного государства и восстановления разрушенного хозяйства. И эти задачи сливаются в одну, так как вывод экономики из кризиса мыслится оппозицией только на путях государственного регулирования, что, кстати, в сложившихся условиях единственно возможный путь.

Итак, главная связующая цель, теперь уже как общепринятый лозунг - возрождение великой державы. Несомненно, сегодня это самое насущное и понятное для большинства людей требование. Но мы уже видели, что формального единения на основе "державности" еще недостаточно в виду несхожего смысла, который вкладывают разные политические силы в понятие "державы", не договорившись о том, какой этой державе в будущем намечено быть.

Декларация справедливо констатирует, что судьба страны может решаться только "волеизъявлением народа". Однако это волеизъявление сразу же вводится в рамки "прямого, тайного и равного голосования", то есть западной псевдодемократической методы, исторической России полностью чуждой, а при Советах применявшейся известно как. Что за государство возродится в результате таких выборов? Бог весть.

Пока что для спасения России нам предлагают восстановить действие Конституции СССР 1977 года и един-

⁵ День. 1992. № 43/71. 25-31 окт.

ство Союза ССР. Тем самым патриотическая часть "объединенной оппозиции" фактически признает легитимность большевистской власти, некогда утвердившейся в стране путем переворота, а следовательно и законотворчество этой власти и все созданные ею государственно-правовые реалии.

Конечно, с того самого злополучного Октября немало воды утекло. Отрицать сейчас чисто юридическую состоятельность коммунистического правления, тем самым ставя как бы вне закона жизнь и плоды жизни нескольких поколений русских людей, далеко не так просто, как в пору революции. Однако непризнание советской власти всегда было краеугольным камнем позиции исконных "белых", и если уж отказываться от этого принципиального положения, то в обмен на серьезные встречные уступки партнеров по ФНС.

Меж тем, никаких уступок подобного рода мы не замечаем. Вообще, если анализировать текст Декларации, то в нем не обнаруживается практически ничего из постулатов традиционного русско-патриотического движения. То, что в документе, подписанном представителем ЦК РКРП, не может быть никаких упоминаний о "православии" и "самодержавии" - это еще понятно. Но и "народность" в контексте Декларации представляется весьма неясной. Призывов к "нашему народу" предостаточно, но сознательно нет ни слова о том, что это за народ - русский, "россиянский", понимаемый как конгломерат населяющих Россию народов, или может быть, полумифический советский?

Понятно, что Декларация является плодом компромисса, который свел правых и левых на единственно возможной для них общей платформе - государственного патриотизма. Поэтому, упирая на слова "отечество", "родина", "великая держава", оппозиция не уточняет, какое именно отечество имеет в виду - историческую ли Россию, Советский ли Союз. Возникает впечатление, что "родина" - это некое абстрактное "единое и

сильное Российское государство", вбирающее в себя то общее, что есть у первых двух.

Но что же у них общего? Что останется, если вынести за скобки русское православие и советское богоборчество, русское самодержавие и советский интернационализм, русскую духовность и советский "социалистический реализм"? Останется оболочка - экономическое могущество, единство и неделимость громадной территории, независимость от чужаков. Эти державные компоненты нужны, но разве может на них основываться подлинное возрождение России, которое произойдет только через осознание нашего воистину особого пути, через религиозно-культурное осмысление роли России и русского народа в мировой истории, через внутреннее, а не через внешнее?

Как хотелось бы верить, что нынешние правые из ФНС все это прекрасно понимают, считая собственные блоки и декларации лишь неизбежным злом, вынужденным, чрезвычайным мезальянсом для достижения конкретной цели - отставки антинародного правительства Ельцина. Но эта вера слабеет, когда видишь, что попущения идут все дальше и дальше, что слишком многие патриоты слишком легко отказываются ради великого Российского государства от Святой Руси, чересчур охотно, соблазняясь о державности, забывают про духовную сущность, без сохранения которой всякая грядущая империя, сколь бы могуча она ни была, навсегда останется лишь Вавилонской башней.

Впрочем, какая уж тут духовная сущность, раз не только гостеприимный Жириновский зовет на нашу землю всех чистых и нечистых, от монархистов до анархистов включительно, но и теоретик объединенной оппозиции А. Проханов также призывает в патриотические ряды "монархистов, коммунистов, либералов, технократов, теократов, атеистов, язычников", убеждая их сплотиться "перед образом обездоленной Родины"⁶.

⁶ Там же.

Ну, казалось бы, зачем А. Проханову понадобились язычники? По какой неотложной надобности он приглашает в ФНС почитателей Перуна, Велеса и Ярилы, политический и идейный авторитет которых в нынешнем российском обществе клонится к нулю? Ведь языческие группировки, вроде Союза венедов, смотрят на нашу жизнь не справа, не слева, не сверху, но с какой-то уже совершенно запредельной стороны, неуклонно называя Россию - Русью, русских русичами, а начало всех бед относя в стародавние времена.

Вот, например, новороссийская газета "За Русь!"⁷ считает появление у нас христианства идеологической диверсией, какими-то иудейскими происками, порицая Владимира Красное Солнышко за то, что он "провел крещение сопротивляющихся киевлян, чем положил скорбное начало поражению душ русских людей ущербным мировоззрением".

Тут же газета повествует нам о славном языческом прошлом, публикуя в отрывках некий литературный труд под названием "Песнь о побиении Иудейской Хазарии Святославом Хоробре". "За Русь" полагает этот глубоко сомнительный опус, якобы одновременный "Слову о полку Игореве", но впервые напечатанный в Польше в 1847 году, исторически подлинным.

Изумленный читатель "Песни" узнает, среди прочего, что письменность у древних славян зародилась не только что до Рождества Христова, но и раньше, чем у эллинов и египтян. Культурное влияние Руси на Элладу было существенным. Славянами-россичами являлись такие небезызвестные личности, как Пифагор, Гераклит, Демокрит (кстати, киевский уроженец), Архимед и ряд прочих, "Сварожия читавшие скрижали".

Пусть экстравагантные взгляды современных язычников на русскую историю говорят сами за себя. Предположим также, что повышенная любезность к ним А. Проханова объясняется его неоевразийством,

⁷ За Русь! 1992. № 1.

которое, как кажется, допускает теперь одинаково благодушный, воистину экуменический подход к различным формам веры и неверия. Но что же остальные? Как они относятся к постоянному присутствию язычников на оппозиционных форумах? Алые стяги в одной шеренге с хоругвями кое-где наблюдать уже приходилось. Значит ли это, что скоро вслед за ними будут носить на руках деревянных идолов?

Подобные "сапоги всмятку" не по ноге сегодня многим, как патриотам, так, кстати сказать, и некоммунистам. Существуют правые и левые, которые чураются всяческих блоков и коалиций не столько, конечно, из-за язычников, хотя и те делают свое дело, невольно и зло пародируя суть нынешнего "национального примирения", сколько по старой памяти, по генетическому неприятию друг друга. Эта их позиция, отметим, полностью соответствует представлениям о "красной" и "белой" идеях самих исходных революционеров и контрреволюционеров, которым мысль о возможном сотрудничестве была абсолютно чужда.

Соответственно - для крайне левой, ортодоксальной ВКПБ во главе с Ниной Андреевой все, ныне происходящее в России, суть "реставрация капитализма в СССР"⁸. Наступившие разруха и хаос - по Марксу понятый экономический "кризис" этого толком еще не реставрированного капитализма. Противостояние в стране - "перегруппировка сил в правящем классе", "схватка между космополитствующим и национальным капитализмом". Существенной разницы между двумя видами эксплуататоров трудящихся ВКПБ, естественно, не видит. Иностраный капитал ей так же неприятен, как и российская буржуазия, коварно применяющая в своих целях "народный антураж".

Считая создание любых оппозиционных союзов мерами такого антуража, ВКПБ горько иронизирует по поводу единодушия писателей-почвенников и коммуни-

⁸ Единство. 1992. № 12/41. Июль.

стов в теплой компании "чернорубашечников с нарукавными знаками реформированной свастики, черных ряс и христоробивых осанистых казаков, блестящих царскими наградами". ВКПБ, однако, на этой мякине не проведешь. Она собирается играть в обществе роль "третьей силы", выступающей против реакции, в какие бы "гуманные" или "патриотические" одежды она ни рядилась. Отсюда ясно, что у партии Нины Андреевой никаких соглашений с "объединенной оппозицией" нет и быть не может.

Из организаций правой направленности отказывается работать в совместных с коммунистами структурах Народный фронт "Память". Его аргументы весьма серьезны. В специальном заявлении "Памяти" по данному вопросу⁹ говорится о необходимости религиозного осмысления революции, о невозможности двигаться дальше без всенародного покаяния в содеянном. Вместо этого, согласно заявлению, оппозиция пытается объединить необъединимое, ищет "некие общие принципы", не желая отдавать себе отчет в том, что, например, понятие "государственность" несет для монархиста и коммуниста совершенно различный смысл. И далее - "практика объединенной оппозиции показала, что ее левый фланг не соблюдает лояльности к союзникам справа, почти открыто использует их в качестве прикрытия своего стремления к коммунистической реставрации".

Делая эти резонные замечания, "Память" в то же время обрушивает тяжесть критики не на красно-белый брак по расчету, а на само патриотическое крыло оппозиции. Его по сути нет, утверждает лидер "Памяти" Д. Васильев, а есть "прокоммунистические союзы, которые перекрасились"¹⁰. Такие лжепатриотические образования Д. Васильев называет «искусственно созданным буфером против "Памяти"». У них "никакой веры в Бога нет, а есть фарисейство, которое выдается за веру".

⁹ Историческая память. 1992. № 2.

¹⁰ Там же.

Сидят там подозрительные личности, которые лишь "борются за право узурпировать власть", всерьез не заботясь ни о народе, ни об отечестве. Того хуже, в центрах идеологического руководства "т.н. оппозицией" мы видим "огромное количество сионистов, скрытых или открытых".

Подобный ход мыслей, к сожалению, характерен для "Памяти", часто склонной доводить совершенно здравые поначалу рассуждения почти до абсурда. Огульное отрицание всех прочих патриотических сил настораживает. По меньшей мере неэтично братья судить, у кого из православных есть истинная вера Христова, а у кого ее нет. Не один лишь Д. Васильев намерен строить будущее государство Российское на принципах Православия-Самодержавия-Народности, но почему-то "Память" решительно противопоставляет себя остальным, настаивая на первородстве в деле национального возрождения России. И это, в общем-то неоправданное, искусственное обособление мешает восприятию тех программных положений "Памяти", которые не могут не быть близки любому русскому патриоту.

Получается, что если "белые" из ФНС несколько клонятся влево, то "белые" из "Памяти" дают крен вправо, неоправданный и непростительный. И лишь очень немногие, единицы из числа русско-национальных партий и движений взвешенно и последовательно продолжают выступать как против "демороссиян", так и против неокommunistов, однако без надрыва и перегибов, не обязательно в черных рубашках, способных скорее отпугнуть неискушенных в политике людей, чем привлечь.

Таким образом, круг замыкается с двух сторон. Левацкая ВКПБ и группировки ее толка склонны видеть во всей прочей оппозиции "национальных капиталистов", а право-консервативная "Память" и тяготеющие к ней силы - коммунистов и сионистов. При таком чтении политической карты никакие союзы, конечно, невоз-

можны. Но почти все остальные патриотические и коммунистические течения идут на сотрудничество, по мере готовности принимать установки друг друга, выстраивая довольно четкую линию от окружности к центру. В центре – полное благорастворение воздухов в виде "национал-коммунизма". По откосам – разные степени взаимоотталкивания и сомнений. С точки зрения "белых", сомнений абсолютно оправданных, если учесть, что центр, к которому тяготеет "объединенная оппозиция", стоит на позициях, практически исключающих возрождение исторической России.

Национал-коммунисты вроде бы довели сближение левых и правых до логического конца. Национал-большевистское течение зародилось в эмиграции еще в начале 1920-х годов. Его первотеоретик, проф. Н. Устрялов, считал коммунистов, при всех их грехах, объективными защитниками российской государственности, собирающими великую державу. Того же хотят и русские патриоты, подмечал Устрялов и делал вывод: "При всем бесконечном различии идеологий путь – един"¹¹. Так что бороться с коммунистами ни в коем случае не надо, тем более что в будущем Россия все равно "перемелет" коммунизм, он отомрет, и оставшаяся после того империя будет русской.

Как видим, в термине "национал-большевизм" Устрялов все же ставил ударение на первом слове. Его теперешние последователи явно делают упор на втором, отчего их правильнее назвать по-иному, а именно: национал-коммунистами. Они уже не противопоставляют советских коммунистов и русских патриотов, но полагают, намеренно используя понятия "советский" и "русский" как синонимы, что коммунисты и были самыми настоящими, доподлинными патриотами России сиречь Советского Союза, которые также едины суть. Отсюда ясно, что в борьбе красных и белых "исторически правыми оказались большевики", а не эмиграция, которой

¹¹ Устрялов Н. *Patriotica* // Смена вех. Прага. 1921.

понять происходившее в Стране Советов "мешали классовая озлобленность и ослепление"¹².

Приведенное мною мнение М. Антонова для нынешних национал-коммунистов абсолютно типично. Естественно, что революцию они видят в светлых тонах, как дело рук народа, уверовавшего в "идею социальной справедливости, построения мира без богатых и бедных". Общим местом является допущение того, что, несмотря на коллективизацию, сталинские чистки, антирелигиозные войны и т.п., люди десятилетиями "в большинстве своем верили в счастье преобразования России, звали в светлое завтра, шли за ним в уверенности, что они добывают справедливость всем". При этом у национал-коммунистов левого толка, например, у Ю. Власова, изображение народного энтузиазма, в частности военной поры, приобретает характер гротеска: «Люди умирали с возгласами "За Сталина! За Родину!". Имя его [Сталина] воплощало образ единства, образ будущего общества без бедности и унижений"¹³.

Сторонники национал-коммунизма, скрепя сердце, признают, что путь к золотым чертогам, по которому русский народ якобы столь самозабвенно шел, получился "тернистым". Были и тираны, были и репрессии. "Иные исходные установки оказались ошибочными, не выдержали проверки жизнью". Но главное - "Люди верили, и в большинстве были честны"¹⁴. Да и сама система, если приглядеться, в принципе совсем не так плоха.

И Ю. Власов, и М. Антонов - убежденные хилиасты, строители земного рая. При этом прозаически настроенные левые центристы не прекращают поисков идеального атеистического общества под девизом: "Большевизм оказался тупиковым ходом истории, но не идея

¹² Правда. 1992. 19 нояб.

¹³ Советская Россия. 1992. 5 нояб.

¹⁴ Правда. 1992. 19 нояб.

социализма¹⁵. У просто центристов, напротив, сильны религиозные мотивы, так что их даже называют "христиан-коммунистами". Отсюда следующее утверждение: "Сама идея построения социализма как Царства Небесного на земле, без Бога и даже против Него - это утопия"¹⁶.

Но из этой совершенно верной посылки М. Антонов делает произвольный и странный вывод - надо вернуться к золотым временам 1930-х годов, очистить тогдашнюю теорию и практику социализма от нанесенной скверны и вновь начать сооружать коммунизм, но уже на христианской основе, окрыляясь Православием. В какой-то мере, собственно, присталинское общество, по М. Антонову, так и так продолжало русско-христианскую традицию коллективизма, аскетизма, цельности личности. Вот и вышло, что классово озлобленные белоэмигранты, "считавшие себя верующими, оказались на обочине истории, а гордившиеся своим безбожием строили новую Россию, где со временем зародится православие"¹⁷.

Пусть меня простят христиан-коммунисты, но веет от таких рассуждений, как и от блоковского Иисуса во главе красноармейского отряда, неким темным утопическим соблазном, вражьей прелестью, сектантством. Страшноватая получается картина: молодые комсомольцы с чистыми горящими глазами сносят храм Христа Спасителя, жгут иконы, гноят священников и монахов, губят душу свою и своего народа, совершая смертный грех, а из нынешнего далека М. Антонов умиленно глядит на этих несмышленишек, радуясь созданной ими "советской русской" цивилизации и "могущественной державе на совершенно иной, невиданной ранее социальной основе"¹⁸.

¹⁵ Советская Россия. 1992. 5 нояб.

¹⁶ Русский Восток. Иркутск. 1992. № 2. Апрель.

¹⁷ Правда. 1992. 19 нояб.

¹⁸ Там же.

Теперь несмышлениши выросли, но наотрез отказываются взрослеть. Даже у лучших из них натужная романтика социалистического строительства хотя и перегорела, но не умерла, отозвавшись неистребимой ностальгией по замороженному умелой пропагандой пионерскому детству, по обманутым надеждам, по обещанному, но оказавшемуся недостижимым советскому раю. Можно предположить, что именно эта ностальгия заставляет сегодня "христиан-коммунистов" принимать великую государственность (которая была бы так и так, поскольку Россия велика) за исключительную заслугу коммунистического строя, который изначально хорош и нуждается лишь в одухотворяющем влиянии православной веры.

Не будем торопиться бросить камень в христиан-коммунистов. Они дети своей эпохи. В конце концов, ничто в мире под воздействием времени и глобальных катастроф не может оставаться неизменным. Империи возвеличиваются и гибнут. Нации переживают расцвет и приходят в упадок. Естественно, что три четверти века советской власти оставили на русском народе, на русском обществе свой отпечаток. На ком-то из нас он заметен сильнее, на ком-то слабее, но лежит - на всех, вызывая повышенную и, с точки зрения традиционных "белых", роковую склонность к обелению теории и практики коммунизма.

Мы, люди настоящего, не принадлежим по воспитанию, по мироощущению, по судьбе к поколениям предреволюционным и революционным. Со старой Россией мы связаны кровью, языком, местом рождения. Не склонны ли мы преувеличивать эту связь? Пройдя через горнило советской власти, мы закалились в нем, но и утратили нечто исконное, заповеданное, православное. В поисках этого нечто, без которого невозможно возродить живую, целостную, соборную душу народа, находятся сейчас русские патриоты.

Одни, и среди них христиан-коммунисты, заведомо сбиваются с пути. Другие следуют за Ариадниной

нитью исторической традиции, возвращаясь к истокам народной жизни и веры. Но и они не застрахованы от ошибок, от того, чтобы вместо желанной России не начать воссоздавать некий русско-советский гибрид, в котором "советскость" вроде бы неуместна и не нужна, но привычна и понятна многим людям, отродясь не знавшим ничего иного.

Опасность возникновения такого гибрида очень велика. Призрак его, как некогда пресловутый призрак коммунизма по Европе, бродит сейчас по России, смущая умы и появляясь в самых непредвиденных обличьях. Возьмем в качестве примера газету "Литературный Иркутск" за сентябрь прошлого года¹⁹. На первой странице этого безусловно патриотического, близкого Православию издания помещено обращение к читателям. "Чем жила, чем спасалась Россия во времена смертельной опасности?", - спрашивает редакция и отвечает: "Верой отцов своих! Православием". Далее говорится о молениях, которые совершали русские люди перед Куликовой битвой, перед Бородино. Все благочинно и по сути глубоко верно. Но вот следующий пассаж, вызывающий глубокое удивление:

"Вспомним кровавую Великую Отечественную, когда перед битвой за Москву Сталин ночью облетел столицу на самолете с иконой Казанской Божьей Матери и дал приказ вернуть в Лавру мощи преподобного Сергия Радонежского".

Откуда это взято? Из какого научного труда? Со слов какого очевидца? Своим небрежным "вспомним" автор процитированных строк игнорирует, пытается переписать заново всю новейшую историю нашей страны. Глазам своим не веришь и начинаешь колебаться, что же истинно - давнее, сотнями книг и десятками тысяч мученических свидетельств подкрепленное знание о богоборчестве атеиста Сталина, о гонениях при нем на Церковь, о разорении храмов, о физическом

¹⁹ Литературный Иркутск. 1992. Сент.

уничтожении духовных лиц в его правление - или же беглое, как о всем известном факте, упоминание о Сталине, умиленно склоняющемся перед чудотворной иконой?

Вроде бы весь наш опыт о коммунизме, все ощущения и чувства подсказывают - первое истинно. Я уж не говорю о той немаловажной "детали", что Чудотворная Казанская икона Божьей Матери, явленная в 1579 году и найденная будущим Патриархом Всея Руси Ермогеном, в начале XX века была украдена и уничтожена²⁰, а значит не могла оказаться в руках Сталина лишь по этой простой причине, не считая всех прочих. Так откуда же и главное зачем извлек "Литературный Иркутск" вышеупомянутый апокриф? Никакие соображения тактики, необходимости блока с коммунистами и борьбы с "демороссиянами" тут не причем. Контекст публикации совершенно иной. Но зачем тогда?

Поступок газеты можно объяснить лишь какой-то аберрацией зрения, сознательным или подсознательным отождествлением русского с советским, созданием того гибрида, о котором я уже говорил. Российская империя - советская империя. Нашествие 1812 года - нашествие 1941 года. Православный император Александр I осеняет войска иконой - главнокомандующий Сталин облетает позиции своих армий и... вновь появляется чудотворный образ, ибо, по благочестивой мысли автора "Литературного Иркутска", не может полководец русского воинства не просить для него Божьей помощи.

Но не было этого. Не нуждалась Россия в сталинском благословении. Победила и так. Да, Сталин ввел определенные послабления Церкви, понимая нужду использовать для победы над Германией патриотические силы народа. Но ввел их в 1943 году, никак не в 1941-м, когда разворачивалось немецкое наступление на Москву. Очевидно, что послабления были со стороны

²⁰ Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. Москва (Русская книга). 1992.

властей вынужденными, ибо до войны тот же Сталин провозглашал "безбожную пятилетку", после которой "имя Бога должно было быть забыто" на всей территории СССР²¹. Недоучившийся семинарист, за посвященные им коммунизму годы он ни разу в храме не был, за молитвой никем не замечен и иконы в руках не держал. Просто потому, что не видел надобности.

"Отец народов" с чудотворным образом - это, конечно, для нашей патриотической печати единичная обмолвка. Но она дает представление о тех иллюзиях, которые порождает сейчас у многих имя Сталина. Обостренное державное сознание, само по себе необходимое и свойственное русскому человеку, является причиной уклона иных патриотов чуть ли не в культ государства, в этатизм. Уверенно ставя форму над содержанием, они с приязнью рассматривают сталинский период советской истории, когда была выиграна великая война, а из державы сделалась сверхдержава, находившаяся тогда в зените ее славы и влияния.

Такие люди усматривают в Сталине охранителя, который восстановил подорванные было основы государственности и, в опоре на русские партийные кадры, победил инородческое крыло компартии, настаивавшее на мировой революции и полном разрушении России. За эти заслуги Сталину готовы многое простить даже некоторые нынешние монархисты, которые видят в нем чуть ли не продолжателя имперских традиций, по какой-то дурной иронии судьбы забывая о базисных, метафизических различиях царской и сталинской империй.

Итак, соблазн примирения "белых" и "красных", коммунистов и националистов, правых и левых сегодня очень велик. Кто-то из патриотов идет на союз с наследниками КПСС по убеждению, любой ценой ища "национального согласия" и допуская для этого самоубийственные компромиссы. Кто-то просто сбился с

²¹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. Париж. 1977.

пути, смешивая советское и русское, Россию и Советский Союз безнадежно и навсегда. Кто-то против воли подчиняется сиюминутной логике политической борьбы, надеясь одолеть захвативших Кремль либерал-апатридов, а затем продолжить с коммунистами принципиальный спор о будущем России.

Последним со всех сторон говорят: оставьте сомнения и оговорки, не критикуйте, не отталкивайте союзников. Сейчас не время старым раздорам, потому что отечество в опасности. И даже самые искренние и уважаемые русские патриоты большей частью согласны с увещателями, полагая, что сегодня рознь и чрезмерная подозрительность внутри оппозиции - лучший подарок Ельцину и К^о.

Конечно, не хочется делать плохим людям незаслуженных подарков. Но все же - и если я говорю об этом, то раскрываю секрет полишинеля - наши "белые" и наши "красные" никогда не смогут явить миру пример библейских льва и агнца. Слишком уж глубока пропасть между ними. Слишком противопоставлены друг другу российский патриот и советский коммунист.

Патриот говорит о русском народе в соборном братстве и о его естественных, полноправных союзниках - прочих народах в рамках единой империи. Коммунист, будучи интернационалистом по определению, уповает на искусственно смоделированную, никогда не бывшую химеру - советский народ, в толчее которого прочие, исходные народы, в том числе и русский, теряют свою коллективную уникальность. Патриот желает возрождения России, памятуя о ее всемирно-исторической роли "удерживающего", которая становится нам теперь все более ясна. Коммунист настаивает на воссоздании Советского Союза, нарезанного на дольки псевдонациональных республик. Русский патриот, веруя в Бога, естественно православен, уважительно относясь к прочим религиям народов России. Коммунист дерзает построения земного рая, а значит атеистичен по природе своей.

Уже перечисления этих различий достаточно, чтобы понять: патриотическое и коммунистическое крылья нынешней оппозиции способны на время соединиться для одоления общего неприятеля, но никак не смогут и не должны остаться в согласии, неприятеля одолев. Такое возможно, только если одна из сторон пойдет на отказ от ее самых глубинных убеждений. И если коммунисты отойдут от своих позиций, упомянутых выше - да пусть они называют себя, как угодно, пусть ходят под красным стягом, став уже единокровными братьями патриотов, их соратниками в деле строительства России!

Но, боюсь, это едва ли случится. Коммунисты, как мы их знаем, скорее всего убеждения свои сохранят, а потому всякие союзы между "белыми" и "красными" лишь до поры. Если, конечно, останутся на принципиальных позициях и сами "белые", памятуя, что компромисс компромиссу рознь, что есть в политике, как и в душе, некая "точка невозврата", за которой русское безнадежно и необратимо становится коммунистически-советским. И можно лишь надеяться, что возвышающий многих патриотов обман "национального согласия" не станет им дороже тьмы низких истин реальной, земной, столь важной для нашего будущего жизни.

Январь 1993 г.

С. Фомин

Вокруг алтаря сатаны

Обратиться к этой теме вновь¹ побудили отнюдь не продолжающиеся страсти вокруг судьбы "объекта", лежащего пока что в мавзолее. Побудили к этому, с одной стороны, - обсуждение на высшем уровне в сентябре 1992 г. плана застройки центра Москвы, и с другой - замысел восстановления Красной площади в первоизданном виде со всеми ее православными святынями - храмами и часовнями. Последнее, разумеется, не может не вызвать самых добрых чувств, ибо речь идет не просто о воссоздании исторического облика "главной площади страны", а о возобновлении храма под открытым небом, каковым испокон веков была Красная площадь.

Однако один из пунктов этого плана не может не вызвать, по крайней мере, недоумения. Речь идет о предусматриваемом водружении над мавзолеем креста (вслед за выносом оттуда мумии) и, таким образом, попытке, по мнению авторов, имитации Голгофы. Все это еще раз подтверждает, что подобного рода самочинные деяния, осуществляемые без благословения Православной Церкви, чреваты непредсказуемо дурными последствиями, пусть даже и при самых благих намерениях, которыми, как известно, все же вымощена прямая дорога в ад.

*

Вот уже и советчина вместе с красными флагами и ржавыми от народной кровушки серпами-молотами приказала долго жить, большевицкими темпами кон-

¹ См. "Московский литератор". 1991. № 19. С. 4.

фискованное имущество компартии основательно засижено либерал-демократами, а Ленин по-прежнему с нами - в многочисленных расплзшихся по телу страны истуканах, щурится с фотографий в музеях, дает о себе знать в названиях предприятий, институтов, учреждений, судов и других "долгих делах", на старых и новых (постперестроечных) банкнотах (что-то не слышать ныне криков: "Уберите Ленина с денег!").

Но откуда же такая "жизненная сила"? Кто и почему сопротивляется, казалось бы, естественному мирному процессу изглаживания кошмарного "неотпетого злодея" из исколотой идеологическими швайками народной памяти? Неужто одни лишь старые коммунисты да темные массы, отчаявшиеся, а заодно и окончательно обнищавшие в результате очередных экспериментов генетических потомков большевиков, которые вдруг объявили себя демократами с частнособственническим уклоном? Кто управляет всем этим театром марионеток, искусно и в нужный момент дергая ту или иную ниточку? Какова сверхзадача манипуляторов, предпочитающих тень яркому солнечному свету?

Чтобы точнее ответить на все эти вопросы, нужно четко осознать, какое место занимает культ Ленина в навязанной нам большевиками оккультно-каббалистической системе миропонимания: пятиконечная звезда Соломона (Люцифера, Денницы, Сатаны, масонских лож), молот (знак власти Мастера), серп (символ кровавой жатвы), соседствующий со срезанными колосьями. Некоторые из этих эмблем сегодня освобождают сцену. По словам современного исследователя В.М. Острцова, "коммунистические клейноды - красные знамена, пионерские барабаны, отрубленная голова "основателя" снова перемещаются во мрак масонских мистерий, откуда они были когда-то взяты напрокат, и, сделав свои дела, туда же и вернулись" ("Русский вестник", 1992. № 9. С. 5). Кстати, о голове "основателя". Отнюдь не случайную, в этом смысле, конфигурацию "обрел" барельефный профиль Ленина (имеется в виду прежде

всего срез шеи). Достаточно вспомнить иудейских терафимов - пророчествующие головы, особым способом отделяемые от тел медленно умерщвляемых людей, помещенных в масло (подробнее о терафимах см.: Розанов В.В. Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб. 1914. С. 191-198, 283-291). Весьма характерно: получение головы-предсказательницы именовалось В.В. Розановым "изготовлением бога".

Трудно дается нам сегодня, после 70-летнего наваждения, освобождение от "идолища поганого". И все-таки быстро бежит время: о журналах помолчим, даже газетам - не угнаться. Кажется, еще вчера украшенная орденом Ленина "Правда", намеренно обходя слово *возвращение* имени, фальшиво призывала: "Отстоим город Ленина!"; лихорадочно создавала фонд поддержки музея Ленина (собственно, против музея никто не возражал, но *такое* здание - опять-таки *краденное* - не жирно ли?). Да, все это было вчера... А сегодня: где тот орден² на первой полосе? Где тот град? Да и музей, похоже, доживает свои последние дни. Та же "Правда", между прочим, напрочь забыла о нем: чует - дело проигранное. Не до жира: теперь "правдисты" вынуждены просить деньги в фонд поддержки своей собственной газеты, выпускать Пасхальный спецномер, рассказывая в нем о взорванном храме Христа Спасителя (пес вернулся на блевотину свою). И все-таки 14 сентября 1991 г. ленинское детище вышло под шапкой: "Комендант Кремля опровергает слухи о выносе тела Ленина из мавзолея". Последний, так сказать, бастион...

Со слов астролога (!) Тамары Глобы "Правда" грозно предупредила³ (30.10.1991): "Вскоре после того, как

² Недавно вновь поспешно пришили.

³ Впрочем, одними предупреждениями дело, похоже, не ограничится. "Живой цепочкой" намерена воспрепятствовать выносу вождя из гробницы анпиловская "Трудовая Россия", участники которой, по их словам, собираются "сохранить мавзолей и победить - с Лениным" ("Куранты", 18.08.1992). 21 декабря 1991 г., как сообщила "Независимая газета"

вскрыли гробницу Тамерлана, началась война. Гробницу догадались закрыть только в 43-м. И на фронтах начался перелом. Зачем нам новая война, призрак которой и без того витает над страной". (Просто не верится, что читаешь газету твердолобых материалистов-марксоидов!). А 24 сентября 1991 г. номер газеты просто сочился безутешными слезами, читателям рисовали картину, которая может возникнуть в случае перезахоронения Ильича на Волковом кладбище Петербурга: "Уплывут за рубеж за сотни тысяч долларов ленинский пиджак, брюки, носки, сорочка, галстук, значок члена ЦИК СССР". Тут уж, право, не знаешь, чему сильнее дивиться, бесстыдству ли, с каким каждый день на страницах газеты легко продаются подлинные интересы нынешних рядовых коммунистов, или непомерным рыночным аппетитам, разыгравшимся у "правдивистов" на почве ленинских носков.

Уж газетчикам ли не знать поистине inferнальные подробности, сообщенные недавно одной из центральных газет: оказывается, спецмастерская, со времен Сталина обслуживающая высшую советскую элиту, обшивает и труп Ленина, поставляя в мавзолей по определенному графику костюмы, рубашки и даже, извините, нижнее белье... И если у "Правды" есть сведения о споре заокеанских толстосумов на ленинское

(03.01.1992), «в Подмосковье в обстановке строгой конспирации был учрежден Российский союз защиты Ленина и социализма (...). 26 декабря союз выступил со своим первым заявлением, в котором обязался в течение 6-7 месяцев (начиная с 15 декабря) не вести антиправительственной борьбы (...). Единственное, что может подвигнуть союз защиты Ленина и социализма на вооруженные действия, это попытка вынести из мавзолея прах В.И. Ленина. При этом меры могут быть приняты самые серьезные: "Мы объявляем, будь то министр или народный депутат: кто рискнет приложить руку к преступному посягательству на тело В.И. Ленина, заочно приговаривается нашим союзом к смерти и будет неизбежно казнен"...».

"неглиже", то почему бы не организовать в духе вроде бы уже поддерживаемых газетой рыночных отношений через какую-нибудь срочно созданную фирму торговлю этими дорогостоящими коллекционными предметами, разумеется за валюту. Было бы чем поддержать газету, а заодно и "большой красивый красный дом, похожий на дворец".

Другой "правдист", вопреки элементарному здравому смыслу, утверждает, что оскверняющее Красную площадь языческое захоронение соответствует "русскому православному обряду" ("Правда", 30.07.1992). Автор святотатственно сравнивает гробницу наказанного, но *нераскаявшегося* душегуба-сатаниста с упокоенными в Успенском соборе Московского Кремля первоиерархами Русской Православной Церкви. Мумию он сопоставляет с "мощами святых, выставленных для всеобщего поклонения". Говоря о том, что "ни Сергей Радонежский, ни Серафим Саровский, ни Иоасаф Белгородский не преданы земле", кандидат исторических (!) наук (школа невежества истинно ленинская) "забывает", что святые чудотворные мощи обретались, как правило, многие годы спустя после предания тел погребению именно в земле, а о каком-либо искусственном поддержании их нетленными, на которое работали бы целые институты, понятно, не могло быть и речи.

В материалах в защиту мавзолея мелькают "аргументы": "один из величайших памятников архитектуры", "инициатива сохранения тела Ленина на длительный срок принадлежит народу" (знаем мы эти "по многочисленным просьбам трудящихся"; вспомним те же субботники и повышения цен). Не сегодня, так завтра объявится "простой советский человек", который поведаст со страниц газеты, что-де не мыслит себе сложившийся архитектурный ансамбль главной площади страны без мавзолея и т.д. и т.п.⁴. Правда, как таковой

⁴ Даже небезызвестный В.В. Шульгин все же попался на сатанинскую удочку. В своей книге "Три столицы" (запись от

страны как будто уже и нет, а на памятник Минину и Пожарскому (стоявший как раз напротив сооружения, называемого нынешними острословами "платформой ЦК КПСС" или "анатомическим театром одного актера") духовным наследникам Дж. Алтаузена, знамо дело, наплевать:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею!
А может лучше было не спасать?..

Кстати, как поговаривали в те годы рисковые острословы (что было немедленно взято на карандаш знатоком московской всякой всячины П. Паламарчуком), причиной перемещения памятника была появлявшаяся на его постаменте частушка:

Смотри-ка, князь, какая мразь
У стен кремлевских улеглась:
Вон под стеной из кирпича
Лежит консерв из Ильича.

17.03.1926) он писал о мавзолее: «Я бы оставил его на вечные времена. Но с соответствующей надписью, конечно... В ней было бы сказано примерно: "Здесь похоронен Ленин (Ульянов). Этот человек казнил столько-то людей всех состояний и уморил голодом столько-то миллионов русских крестьян. Это он сделал, чтобы насадить социализм... Затем Ленин... сошел с ума и умер от прогрессивного паралича 8-21 января 1924 года Его набальзамированное тело, равно как и здание, сохраняется как память о величайшем человеческом безумии - в назидание потомству"... Да, так бы я сделал, а не разрушал бы этот мавзолей. Ибо этот сумасшедший дом уже стал частью русской истории...»

И все-таки, прежде чем принять какое-либо решение: оставить все, как было; Ленина предать земле, мавзолеей оставить на месте; тело похоронить, мавзолеей переместить на площадку уже демонтированных бронзово-гранитных призраков, - всем нам желательно было бы узнать правду о мавзолее (как, с какой целью, при каких обстоятельствах был он воздвигнут, как возникла чудовищная для православной страны идея искусственно мумифицировать тело мертвого вождя).

Первая неожиданность подстерегает нас уже, когда мы узнаем, что техническая, так сказать, идея сохранения трупа принадлежит Л.Б. Красину, наряду с Енукидзе и Молотовым, входившим в так называемую "исполнительную тройку" Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти Ленина. Секретарь Сталина, небезызвестный Б. Бажанов, неспроста недоумевал, что общего могло быть у этого "технократа" с большевиками. И действительно, вот подлинные слова Красина из опубликованной статьи того времени: "Первой задачей является сооружение постоянной гробницы на том месте, где сейчас покоится тело Владимира Ильича. Трудность задачи поистине необыкновенная. Ведь это будет место, которое по своему значению для человечества превзойдет Мекку и Иерусалим". Заметим, что в статьях 1924 г. (в связи с Ильичом и его телом) мелькают такие слова, как "апостол", "пророк" (Зиновьев), "паломничество" (Сталин). Вот и верь после этого экс-президенту Горби, заявившему: "Защита Ленина - это не поклонение богу" ("Правда", 14.09.1992). Не то писала "Правда" в 1924 г.: "Могила-склеп Ильича будет источником энергии и мужества, источником неисчерпаемой бодрости для трудящихся всего мира в борьбе за осуществление заветов Ильича". Чем не религиозный культ? (Вот только какой религии?)

Похоже, вологодский поэт Алексей Ганин еще в 1924 г. все понял (потому, вероятно, и был расстрелян): "В лице ныне господствующей в России РКП мы имеем не столько политическую партию, сколько воинствующую

секту изуверов-человеконенавистников, напоминающую, если не по форме своих ритуалов, то по сути своей этики и губительной деятельности средневековые секты сатанистов и дьяволопоклонников. За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение, разрушение и смерть⁵... Для нас теперь нет никакого сомнения, что та злая воля, которая положена в основу современного советского строя (аппарата), заинтересована в гибели России как одной из нынешних христианских держав..." ("Путь". 1992. № 6. С. 11).

Однако вернемся к Красину. Секрет обращения "технократа" к внеправославной мистике оказался прост. По словам доктора геолого-минералогических наук П.В. Флоренского (внука о. Павла), Л.Б. Красин был ревностным последователем еретичествовавшего "духовного" философа Н.Ф. Федорова, выдвигавшего, как известно, идею искусственного оживления всех предков⁶. Скорее всего Красин надеялся на воскрешение вождя во плоти (конечно же, при помощи "передовой пролетарской науки будущего"). "Отчего же тогда, - рассуждал один из героев "Котлована" А. Платонова (как известно, горячего поклонника идей Н. Федорова), - Ленин в Москве

⁵ Доказательству связи социализма со стремлением к самоуничтожению (или "инстинктом смерти") посвятил свою работу "Социализм как явление мировой истории" (Париж. 1977) И.Р. Шафаревич. Весьма характерно, что книгу эту так долго не решались опубликовать у нас ни "левые", ни "правые". А когда все-таки издали (М. "Советский писатель". 1991), то сделали это смехотворно малым тиражом: 10.000 экз.

⁶ Об идейных связях большевиков в означенном ересиархом см.: Геллер Л. Вселенная за пределом догмы. Лондон. 1985; Svanidze B. Im engsten Kreis. Stuttgart. 1953. S. 189; Hagemeister M. Nikolai Fedorow. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. München. 1989. S. 265. [См. также статью игумена Геннадия (Зякаловича) "Овладение временем", опубликованную в "Вече" № 25 (1987): об исследователе Федорова В.Н. Муравьеве (1885-1931). - *Ред.*]

целым лежит? Он науку ждет - воскреснуть хочет". И действительно, по словам современного публициста Б. Куркина, ленинский любимец Бухарин в свое время "писал о необходимости достижения бессмертия в кратчайшие сроки как о неписаном, но главном пункте большевицкой программы, автором коей он был. Смерть, по Бухарину ("курносая меньшевичка"), есть самое ужасное и самое контрреволюционное в мире существо, средство от которого должен был непременно выдумать немец-ученый (...). Без изобретения средства от смерти Бухарин не видел смысла даже в самой Мировой революции..." ("Кубань". 1991. № 6. С. 91). Поистине сатанинская идея плотского земного бессмертия в устах большевика, по его же признанию, еще в детстве всерьез задумавшегося, не антихрист ли он⁷, - тут есть над чем задуматься. Кстати, в самой идее земного бессмертия нет ничего экзотического, вспомним хотя бы многочисленные газетные публикации, книги, кинофильмы, рассказывающие об идее "искусственного бессмертия", разрабатывающейся в США путем замораживания умерших. Разумеется, для широкой публики все это подается в виде курьеза, но заметим: первыми претендентами "на заморозку" стали члены масонских лож и различного рода оккультисты. На этом примере видны связи профанических научных кругов с тайными организациями.

Все подобные исследования в СССР, ведшиеся с первых лет советской власти, до сих пор остаются terra incognita. Одним из наиболее заметных представителей "пролетарской науки", занимавшейся опытным путем реализацией бессмертия, был философ, писатель, социал-демократ, соратник Ленина А.А. Богданов (Малиновский). В сочинениях этого ученого содержатся прямые апелляции к откровенному сатанизму. Основатель "Института крови" (Государственного научного института

⁷ Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Москва. 1989. С. 373.

переливания крови) и первый его заведующий, Богданов ставил опыты с использованием недобровольных доноров. Суть этих опытов отчасти раскрывается в книге самого Богданова "Всеобщая организационная наука (Тектология)" (Петроград-Москва. 1923): «Молодая кровь с ее материалами, взятыми из молодых тканей, способна помочь "стареющему организму"». Кто же были те недобровольные доноры? Юноши? Мальчики?... Характерно, что сам Богданов в конце жизни лишился рассудка. Умер он 7 апреля 1928 г. при довольно странных обстоятельствах во время "опыта, произведенного на себе", как туманно сообщали в некрологе, осуществляя "опытную проверку методов повышения жизнеспособности человеческой организации".

В то же самое время был создан "Институт мозга (Ленина)" с целью проникнуть с помощью материальных средств в тайну "гениальности" мозга "вождя и учителя"⁸. Выставленный на всеобщее обозрение в банке со спиртом мозг увезли для исследования в Германию, где следы его вскоре затерялись ("Сельская молодежь". 1989. № 10. С. 37).

⁸ Поначалу мозг Ленина необдуманно выставили в банке со спиртом на всеобщее обозрение. Ю.П. Анненков, которому доверяли из-за принадлежности отца к революционному движению, в "Дневнике моих встреч" вспоминал о том, как в основанном в Москве Институте Ленина его "прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа во время балзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке - сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней банка исчезла из института... Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской..." "Сам Семашко, - писал в 1924 г. И.А. Бунин, - брякнул сдуру во всеуслышание, что в черепе этого нового Навуходоносора нашли зеленую жижу вместо мозга..." ("Слово". 1990. № 10. С. 68).

Дело будущих исследователей (да, уверен, и следователей тоже) разобраться в характере деятельности этих институтов, функционирующих до сих пор. Пока же о подобных "научных" учреждениях известно очень и очень мало. Так, лишь недавно журналистам удалось прорваться в НИИ биологических структур Минздрава СССР, так называемую Лабораторию при мавзолее Ленина, располагающуюся в Москве - вот совпадение! - на улице Красина. Немногие из 150 ее сотрудников владеют тайной бальзамирующего состава, применяющегося, как стало известно, для сохранения тел Агостиньо Нето, президента Гайаны и некоторых других "объектов" (каких - пока неизвестно).

Судя по всему, и сегодня этих "ученых" (а в действительности, как мы увидим далее, служителей культа сатаны) мало беспокоит будущее дела, которому они служат. Судя по признанию президента Международного банка Храма Христа Спасителя В.С. Балакирева, наряду с "восстановлением" православных храмов, "духовности" и "национальной культуры", эта суперэкуменическая организация "взяла под свое попечительство" (вдумайтесь в каждое следующее слово!) "Лабораторию Кремля (Русскую школу бальзамирования)". И - уверен - далеко не случайно как раз на противоположной странице "пасхального спецвыпуска" газеты "Правды" мы видим заметку В. Никитина "К Всемирной Пасхе", в который раз пропагандирующего еретические мысли "духовного" философа Н.Ф. Федорова и в такой же мере любезные автору мечты о сближении православных с католиками (однако, вряд ли среди православных найдется много желающих приложиться, подобно Никитину, к ручке папы римского).

В свете всего сказанного какой-то зловещий смысл приобретают слова известного сатаниста, "магистра белой и черной магии" Юрия Лонго из его послания коменданту Кремля: "Последние события в стране несомненно показывают, что тело Владимира Ильича Ульянова (Ленина) будет захоронено. В связи с этим у

меня возникла просьба. Разрешите мне провести опыт над упомянутым телом. Как, может быть, вы знаете, я несколько раз проводил эксперименты с трупами в московских моргах. Их смысл: восстановление двигательных функций умерших людей. В некотором роде - оживление их. Опыты имеют научное значение... До этого дня эксперименты проводились над трупами 3-5-дневной давности. Сейчас появилась реальная возможность провести опыт над телом, пролежавшим 68 лет. Другой такой возможности в нашем Отечестве, быть может, и не представится. Не хотелось бы, чтобы этот случай был упущен для науки. Прошу оказать содействие..." ("Московский комсомолец", 12.02.1992).

А сейчас самое время поговорить и о самом мавзолее. Скажу сразу: для меня и до сих пор остается загадкой, как талантливый архитектор, поставивший в России не один православный храм, среди которых и Марфо-Мариинская обитель, сооруженная по заказу Св. мученицы Великой Княгини Елисаветы в Москве, и последняя дореволюционной постройки церковь на поле Куликовом, как этот, несомненно, православный человек мог пойти на такое...

Однако обо всем по порядку. В книге Георгия Марченко "Карл Маркс?"*, фрагменты которой печатались в журнале "Кубань" (1991. № 1) читаем: "Архитектор Щусев, построивший мавзолей Ленина, взял за основу проекта этого надгробного памятника - Пергамский алтарь. Это было в 1924 году. Известно, что Щусев получил тогда всю необходимую информацию от Фредерика Поульсена - признанного авторитета в археологии". Из специальной литературы известно, что этот дохристианский языческий алтарь в 1878-1886 гг. раскопали немецкие археологи и позже выставили в одном из

* Георгий Марченко - литературный псевдоним Ричарда Вурмбрандта, известного протестантского проповедника румынского происхождения. Цитированная брошюра в оригинале называется "Карл Маркс - сатанист?". Она переводилась на русский язык и была издана за рубежом. - *Ред.*

берлинских музеев. По сообщению шведской газеты "Svenska Dagbladet" (27.01.1946), после взятия Берлина Пергамский алтарь был вывезен в Москву, однако он в СССР нигде не был выставлен. По некоторым данным, он хранился в запасниках Государственного музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве.

Несколько слов следует сказать о самом городе, считавшемся некогда столицей Мизии и Малой Азии и располагавшемся на реке... Калке. Именно к Пергамской Церкви обратил Христос загадочные слова: "Знаю дела твои, и что ты живешь там, где *престол сатаны*, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей, даже в те дни, в которые у вас, где живет *сатана*, умерщвлен верный свидетель мой Антипа" (Отк. 2, 13; курсив наш. - С.Ф.), по преданию брошенный в раскаленного медного быка. Г. Марченко заключает: "По-видимому, Пергам был центром сатанинского культа в те давние времена".

Подтверждение этому находим и в других книгах Священного Писания. Так, в последней 14-й главе книги пророка Даниила (она, как и 13-я, в западных изданиях Библии, в том числе и для православных, как правило, не воспроизводятся) сказано: "Был у Вавилонян идол, по имени Вил... Царь чтит его и ходил каждый день поклоняться ему..." (Дан. 14, 3-4)⁹.

⁹ Зять и племянник Дария Мидянина, царь персидский Кир, после смерти родственника ставший именоваться "царем вавилонским, царем народов", восстанавливая вавилонские божества, строил храмы. Уважением его пользовался и Вил, считавшийся "отцом богов", господином и повелителем как низших божеств, так и всего существующего на небе и на земле, а также покровителем ассиро-вавилонского народа. Живым образом его считали громадного дракона. В честь Вила в Вавилоне был воздвигнут знаменитый храм, отличавшийся необычайной пышностью и великолепием. По словам Геродота, в плане он представлял собой четырехугольник. Храм образовывали семь суживающихся одна за другой башен.

Чтимый идол, имя которого ВИЛ (аббревиатура В.И. Ленина), находился в охраняемом и запиравшемся на ночь храме типа "нашего" мавзолея. Главной заботой 70 жрецов было убедить царя и народ, что идол не мертвый, а живой. Но ведь это знакомое нам с детства: "Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!". Именно такой одушевленной сатанинской твари вполне можно было рапортовать:

Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адская
будет сделана
*и делается уже*¹⁰.

(В. Маяковский. "Разговор с товарищем Лениным")

Для служения божеству к храму было приставлено 70 жрецов, принимавших подносимые Вилу дары, они совершали жертвоприношение, толковали предсказания, якобы сделанные божеством. Глубокое почтение вавилонян к Вилу поддерживал своим примером и сам Кир, каждый день ходивший в семиэтажный храм для молитвы и жертвоприношений до тех пор, пока обман жрецов не разоблачил пророк Даниил.

Кир, как известно, осудил после этого жрецов вместе с женами и детьми на смерть, а самого идола отдал своему другу-пророку, который разбил его, а сам храм разрушил (впрочем, разрушено было только нижнее святилище, где стоял идол и приносились жертвы, ибо, по словам Страбона, позже этот храм разрушал Ксеркс, а, опять восстановленный, его описывал Геродот). (Песоцкий С.А. Святой пророк Даниил, его время, жизнь и деятельность. Киев. 1897. С. 448-458).

¹⁰ На сатанинский смысл этих, выделенных нами, слов, на первый взгляд лежащий на поверхности и потому, наверное, оказавшийся скрытым для массового сознания, впервые указали старцы Псково-Печерского монастыря.

Некоторые полагают - и, возможно, небезосновательно - что мавзолей хранит не одну тайну. В последнее время было опубликовано немало исследований о цареубийстве, об отделении перед уничтожением тел Честных Царских Глав ("Наш современник". 1991. № 7; "Литературная Россия". 1991. № 37). Автор одной из версий А. Широпаев пишет: "Имеются сведения, что Честные Главы Царственных Мучеников, согласно сатанинскому ритуалу, были помещены под саркофагом Ленина - так враги России тщились выразить свою победу над ней..." ("Земщина". 1990. № 9).

Насколько дорожат мавзолейной куклой, можно судить хотя бы по просочившимся сквозь завесу секретности сведениям о системе эвакуации идола в случае опасности. Специальный герметический бронированный вагон с микроклиматом готов в любую минуту вывезти "объект" за пределы столицы. Недавно со ссылкой на ежегодное издание Министерства обороны США "Советские Вооруженные Силы" (1991) газета "Аргументы и факты" (1992, № 5) рассказала о трех спецлиниях метро, связывающих Кремль "с несколькими загородными и одним городским командным пунктами, находящимися на глубине 200-300 метров под землей": 1) юго-западная (27 км от Москвы) - в сторону Внуково, к резиденции бывшего президента СССР; 2) южная (60 км от Москвы) - к бункерам Генштаба; 3) восточная (25 км от столицы) - к главному комплексу командования ПВО.

16 сентября 1991 г. по Российскому телевидению прозвучал один из возможных вариантов судьбы Горби: надев тибетейку, бежать в одну из среднеазиатских республик. И подумалось: нельзя ли в этом же духе решить судьбу мавзолея? Во всяком случае на земле Православной России, да еще в таком святом месте, как Красная площадь, языческому капищу, каковым, несомненно, является мавзолей, - нет места. Да и Русская Православная Церковь недвусмысленно высказалась уже по этому поводу. В последние годы своей земной жизни Святитель Тихон Московский, недавно канонизи-

рованный, узнав о том, что в мавзолее прорвало канализацию с нечистотами, пряча в бороде улыбку, заметил: "По мощам и елей".

По существу сейчас с небес со страшным свистом на последнее прибежище вождя несется скала - падает обросший неисчислимыми жертвами и безмерными народными страданиями "пролетарский булыжник", брошенный в безумии теми, кто семь с лишним десятков лет пытался "штурмовать небо". Ей Богу, пишу это без малейшей тени злорадства: просто констатирую факт (ибо кто не знает: "Мне отмщение, Аз воздам"... Втор. 32, 35). В жизнь неумолимо воплощается предназначенное когда-то большевиками для других: "VIII Отдел [ведавший отделением Церкви от государства. - С. Ф.] полагает, что в XX столетии в советской Республике трупы или останки трупов, или имитация трупов не могут частными лицами в целях укрепления или эксплуатации религиозных верований быть предоставлены в их свободное распоряжение, а тем более для извлечения из сего доходов теми или иными религиозными организациями..." ("Революция и Церковь". 1919. № 6-7. С. 111.)

Таким образом, с точки зрения восстановления основ традиционной духовной жизни Православной страны, судьба мавзолея не вызывает сомнений. Но значит ли это, что мы своим человеческим произволением имеем право сами - как умеем - разрушить (или, как говорили еще недавно, "разобрать") "алтарь сатаны", а находившегося в нем 67 лет перезахоронить (а точнее - наконец-то похоронить) по обыкновенному гражданскому ритуалу (некоторые кощунственно предлагают даже отпеть!) как простого смертного, умершего три дня назад? Думается, что нет. Налицо высочайшего трагедийного накала антиномия, когда, с одной стороны, оставлять, как было, нельзя, а с другой - как *это* сделать, пока неизвестно.

Поступить по своему произволу, разрубить туго завязанный узел - значило бы развязать силы зла, что было бы вполне равнозначно Мартобрю - мартовско-

октябрьской революции 1917 года, приведшей к неисчислимым кровавым жертвам. Оставлять же все по-прежнему - обрекать всех нас на медленное гниение...

Решить проблему может обращение к историческому опыту народа. Стоит, наверно, вспомнить, как труп Гришки Отрепьева ("еретика", которого величали, когда он был у власти, не иначе как "красное солнце России") на Красной площади "лежал на столе в маске, с дудкою и волынкою"; как погребли его "в убогом доме за Серпуховскими воротами"; как "пошли разные слухи: говорили, что сильные морозы стоят благодаря волшебству расстриги, что над его могилою деются чудеса; тогда труп его вырыли, сожгли на Котлах и, смешав пепел с горохом, выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда пришел он", - на Запад. Но готов ли наш нынешний обезбоженный народ обратиться к опыту своих православных предков?..

Москва, декабрь 1992 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drawing
(für RNV e.V. und "Veche")
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
Germany

Философия имени

Полезно бывает не читать газет. Особенно в наше время. Не читаешь месяц, другой, а потом берешь в руки - первую попавшуюся (а попадет всегда проправительственная) - и испытываешь словно эстетический катарсис. То, от чего пишущая братия отрекалась как от несомненного зла, вдруг за эти месяцы превратилось в столь же несомненное добро. А сам момент кульбита ты, не читая газет, и не заметил. Поэтому будто при цирковом фокусе присутствовал.

Может, и были какие промежуточные звенья (и наши замороженные профессиональными фокусниками несчастные люди уже и тому поверить готовы, что начавшаяся диктатура президента - это и есть та "демократия", которую им обещали и которой клялись), но ты-то, читатель аутсайдер, не успел подсуетиться, а потому бываешь совершенно поражен.

Причем зачастую новую ориентацию правительственного курса с сейсмической точностью артикулируют совершенно третьестепенные фигуры. Тем и интересны. Что у хозяев на уме, то у обслуживающей хозяев прессы на языке.

В этот раз меня поразили лингвистические зигзаги, фокусы с наименованием страны и народа. Но вначале необходимо отступление. Оно - о философском содержании наименования, *имени*. Русские философы, находясь в тотальной атмосфере экспериментирования двадцатых годов (времени, во многом похожем на наше), поневоле задумались о философии имени, о связи имени и сущности вещи.

Из новосибирской газеты "Северо-Восток" № 11, 1992.

Двадцатые годы замечательны глобальным отречением от истории России, от тысячелетней христианской традиции (как известно, даже слово "воскресенье" было заменено на "праздничный день"). Усиленно насаждались так называемые "перекрещения" - замены собственного имени - чужими, связанными с "прогрессивной" символикой. Отказ от своего имени, от своего прошлого, от себя самого являлся главным результатом антирелигиозной пропаганды.

В один год - 1923 - были написаны две книги на одну тему. "Имена" - работа священника Павла Флоренского, "Философия имени" - книга молодого Алексея Лосева. Само их написание явилось фактом русского сопротивления.

Приведу некоторые выдержки из них.

Священник Павел Флоренский: «Имя - тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность. Обращаясь к строению и внутренним силам собственной нашей личности, мы легко убеждаемся, что... если мы знаем в себе что реальное, то это есть наше собственное имя. Ведь около него именно оплотняется наша внутренняя жизнь, оно - твердая точка нашей текучести, в нем находит себе объективный устой и неизменное содержание наше Я.

Окончательная утеря имени общественного всегда означала гражданскую и историческую смерть, окончательное исчезновение с горизонта истории; напротив, вхождение в историю, закрепление в ней своего места, своей реальности всегда обозначалось как "создание себе имени"... Памятование Богом имен значит вечное существование этих Я, а окончательный разрыв с бытием равносителен забвению Богом имени...

Расстройство личности нередко сопровождается утратой именем его сосредоточенного места. Многими лжеименами пытается называть себя раздирающееся между ними Я; а настоящее имя делается одним среди многих, случайным и внешним придатком. Наконец, при дальнейшем расстройстве личности, оно вовсе утрачи-

вается. Мыслим, наконец, распад еще более глубокий: когда вообще утрачивается какое бы то ни было устойчивое имя, и Я проявляет себя постоянно сменяющимися и крайне неустойчивыми суррогатами имен».

Алексей Лосев: «Природа имени... магична. Именем мы и называем энергию сущности вещи, действующую и выражающуюся в какой-нибудь материи... Знать имя вещи значит быть в состоянии в разуме приближаться к ней или удаляться от нее...».

Все эти слова в полной мере относятся к имени страны и к имени народа.

Отношение к этим именам у правящей ныне группировки было всегда определенное и не менялось в этом духовном кругу уже лет восемьдесят, если не больше. Достаточно вспомнить, например, выборы в депутаты Руцкого (тогда еще не бывшего вице-президентом). Стоило только заподозрить патриотическую его ориентацию, принять за "русского патриота" (как затем выяснилось, ошибочно), то тут же, переводя это словосочетание на новояз, так прямо и писали "Руцкой - фашист". Правда, тогда писали такое только на заборах.

Вехой стало употребление левой прессой словечка "русскоязычные" в сугубо нейтральном стиле (а ранее ведь просто заходились в гневе, ежели правая пресса публицистов третьей волны эмиграции называла не русскими, а русскоязычными). Таким образом, Россия внезапно усилиями бывших партпропагандистов, которым стали больше платить и называли "демократами", заселилась вся сплошь некими "русскоязычными" людьми. И без всякой истерики и пены у рта демонаппарачики и себя стали тоже называть русскоязычными.

Так демократичней. Русскоязычные в Казахстане. Русскоязычные в Прибалтике. Причем я что-то не успел заметить синхронное заселение Франции - франкоязычными (вместо французов), Италии - италоязычными (вместо итальянцев), Германии - немецкоязычными (вместо немцев). Даже, комментируя события в бывшей Югославии, говорили отчего-то не о сербоязычных и

хорватоязычных, а попросту - пользуясь "староязом" - о сербах и хорватах. В крайнем случае скажут о боснийских сербах, и не более. Что там! Даже население Грузии не стало мгновенно грузиноязычным.

А ведь могло быть так красиво. Обращается, скажем, президент Армении к своему народу и говорит: "Дорогие мои армяноязычные...". Более того, насколько мне известно, в Краснодарском крае (что там - в Армении!) компактно проживают по-старому не армяноязычные, а самые настоящие армяне.

Впрочем, я ошибаюсь, прилагательное "русские" не вполне исчезло из речи бывших комсомольских работников, только несколько сузилась сфера его употребления. Остались: "русские танки", "русская лень", "русские оккупанты", "русский синдром", "русский фашизм", "русская мафия" (орудующая на Брайтон-Бич).

Затем на "Радио России" поселились "россияне" (в специфическом значении этого слова). Вначале дикторы педалировали - канал "не только для русских". Затем разъяснение сняли, ибо и так все понятно, что работает "Радио России" не столько для русских, а, может быть, и не для русских вовсе. И мотивировку подобрали: *другим* "россиянам" будет обидно название "русские".

Мотивировка об "обиде" очень понравилась демократам. Хотя в статье об имени негоже все употребляют это имя. Учитывая почти поголовное членство в партии сих "демократов", уместнее и справедливее их именовать социал-демократами. Просто российские социал-демократы. На Съезде депутатов российские социал-демократы решили: и само имя Россия как название будет страшно обидно ее народу.

Россия только одну ночь успела пожить под своим законным именем на законных (юридических) основаниях. Очень плохо спал в эту ночь президент, ему тоже было обидно. Может быть, обиднее всех. И наутро имя это вновь было отнято - волею перепугавшихся депутатов - и отодвинуто на второе место. Россию переименовали в "Федерацию", только пока не "россиянскую и

не "русскоязычную", а всего лишь "российскую". Не все сразу.

Отчего-то нашему примеру не последовали в других землях. Не слышно о Грузинской Федерации или Казахстанской (где бы проживали казахстаноязычные граждане). Ну, Бог с ними, с японоязычными китайцами. Вернемся лучше к нашим русским баранам.

Интересно, какие все-таки социал-демократические новости, подумал я и купил "Независимую газету" от 10 сентября 1992 года. И вижу - статья некоего Мишина под заголовком "Расставание с мифами, или Трансформация русских". Любопытно!

Автор с первых же строк приходит «к решительному выводу: на наших глазах происходит трансформация русской нации в новую нацию». Да это уже просто научное открытие. "На наших глазах", а мы, слепые, и не видим. В какую же "нацию" мы, незрячие, трансформируемся? Л.И. Брежнев тоже ведь все время настаивал, что трансформация русских уже произошла, и открыл "новую нацию" (он, правда, назвал ее "новой исторической общностью - советским народом"). И каковы же аргументы у нашего автора? «Самым сильным подтверждением является фактическое исчезновение самоназвания. Слово "русские" почти не употребляется, чаще советские, россияне или просто москвичи, петербуржцы и т.д.». Лично я как-то не заметил, что в толще русского народа "почти не употребляется" слово "русские"... А вы, уважаемые читатели, заметили?

Тем не менее, Мишин, по-видимому, отчасти прав. В той журналистской среде, в которой он вращается, «слово "русские" почти не употребляется» в качестве самоназвания, а разве что в качестве бранной характеристики. Священник Павел Флоренский, уже цитированный нами, хорошо показал, какими симптомами сопровождается *расстройство личности*. У Мишина наличествуют все эти симптомы, только он отчего-то по старой комсомольской привычке говорит от имени *народа*, а не от сво-

его имени. Впрочем, как говорить от *своего*, ежели оно как раз *утрачено*...

Что же касается государства, то, если верить Мишину, государство нам вовсе ни к чему. По крайней мере, русское. Во-первых, там некому пока жить (а, говорит Мишин, "предугадать характер новой нации сложно, возможно, изменится самоназвание"). Во-вторых же, и это главное, "русская держава выполнила свои исторические задачи". Впрочем, далее все задачи автор, по невежеству своему, свел к одной, да и то внеположной России: помощи в обретении независимости православным государствам.

Видимо, "задачи" России изначально, по мысли автора, были превесьма скверные, поскольку "путь к коммунизму начался не в 17" году, а именно тогда, "когда начали нести свободу православным". Иными словами, как только начали выполнять свою историческую задачу... Впрочем, "к коммунистической истории можно отнести, - по мнению эрудита-автора, - раннехристианские общины с общностью имущества". Отчего только "раннехристианские"-то? Вот и Сергей Радонежский говорил о том же. Прочтите Карла Маркса, товарищ Мишин, он вам популярно разъяснит, когда и с кого начался "путь к коммунизму".

Предложения и советы автора сводятся к следующему. «Главное, и это принципиально, не надо печалиться об утере царской России (к "царской России" у наших социал-демократов неистребимая ненависть просто в генах. - И.Е.), исчезновения СССР, не надо бояться распада Российской Федерации».

Вот это нечто новенькое. Ведь, помнится, *отказ* от русских территорий, ставших вдруг "украинскими" и "казахстанскими" как будто мотивировался одним: чтобы Россия (виноват, ее обрубок - РСФСР) именно *не распалась*. Тем же нам объясняли позорное невмешательство в молдавскую бойню, стоившую жизни многим сотням людей, связавшим свою судьбу именно с исторической Россией. И вдруг - "не надо бояться распада".

Итак, не существует русского народа как народа (существование такого - "миф", об этом и заглавие рассматриваемой статьи). Единство уже того, что от России осталось, - несомненное зло, а распад - благо (для нас же, которые "трансформировались"). Итак, «нужно решиться на переустройство всех российских границ (внутренних; вот в Северной Осетии и решились. - И.Е.). Всем регионам и национальным образованиям разрешить взять желаемую степень независимости (да и "взяли" уже, либо берут - Чечня, Татарстан. - И.Е.). Торжественно принять процедуру обретения независимости - обязательно локальные референдумы (число голосующих от 10 тысяч)». Очень разумное предложение. В Новосибирске, или даже Академгородке, согласно идее автора статьи, возможно образование не одного государства, а нескольких. Лично я предлагаю конфедерацию, в которую вошли бы в качестве суверенных государств республика "Щ", республика Шлюз (со своим морским флотом и береговой охраной) и другие. Между прочим, не самыми маленькими были бы республиками: население-то намного более искомых десяти тысяч!

«Таким подходом мы продемонстрируем ближнему и дальнему зарубежью принцип решения региональных и национальных конфликтов (конечно же, после нашей "демонстрации" все цивилизованные страны непременно последуют нашему примеру: Испания разрешит "взять желаемую степень независимости" баскам и Каталонии; Франция - Бретани, Эльзасу и Лотарингии; США обязательно вернут Калифорнию Мексике; Эстония на второй день воспользуется нашим "принципом" и "отпустит" Нарву. - И.Е.), обеспечим спокойную жизнь нашим детям и внукам (уже обеспечили - в той же Северной Осетии, Ингушетии и почти всех бывших "союзных" республиках. - И.Е.), сделаем первый шаг к возвращению русской нации статуса культурного лидера». Автор в конце статьи забыл о главном своем открытии - что нации-то русской и нет... Поэтому и предлагает вернуть - посредством распада - нации статус "культ-

турного" лидера. Однако о культурной автономии, скажем, немцев и слушать не хотят - в *этом* случае нужно, чтобы все были вместе, и непременно подавай отдельную единую республику!

Зачем же все-таки распадаться России? Затем, что в результате распада страны «с неизбежностью возникнет новое договорное содружество (видимо, мини-СНГ. - И.Е.). Для этого равноправного содружества, естественно, напрашивается название - Великая Россия». Таким образом, Великая Россия - это распавшееся на мельчайшие куски (с населением до 10 тысяч человек) территориальное образование. Теперь мы хоть будем знать, что подразумевает эта братия, говоря о стремлении к Великой России. И, по-видимому, они все сделают, чтобы Россия стала именно такой.

Вы помните еще оруэлловские "три лозунга на белом фасаде министерства правды" (уж не нынешний ли российский Белый дом увидел сквозь "магический кристалл" Джордж Оруэлл?):

«ВОЙНА ЭТО МИР. СВОБОДА ЭТО РАБСТВО. НЕЗНАНИЕ - СИЛА»...

Теперь мы знаем, какое государство они нам строят.

Какие еще лозунги готовит своим гражданам утерявшее самоназвание россиянокое (виноват, русскоязычное) правительство? Подожду месяц-другой, а потом вновь куплю газету...

Москва, 1992 г.

В. Вулич

О болезни и об исцелении

1. Система, которая хлеб превращает в камень

На Западе с социализмом расстанутся трудно. То и дело в газетах вспыхивают дискуссии на эту тему. Например: "Без мечты - умирает жизнь" (это - о социализме!). Писатель Гюнтер Грасс и политик Грегор Гизи - в первых рядах участников подобных дискуссий в Германии. "Социализм - процесс перманентной демократизации", "воплощение мечты о свободном обществе" и т.п.

Имея в виду такой оборот событий, сегодня фальсификация особо опасная - "упрощать" биографию социализма. Примеров фальсификации искать не нужно, они на каждом шагу. Например: "Социализм - это просто новый тип социальных отношений... Кто первый рискнет, кто примет вызов, брошенный историей? Начала - Россия" (М. Хейфец). Как бодро, просто, ясно, кратко и гладко. Правда, Хейфец проливает и запоздалые слезы: в компании... с Пайпсом!

Другой сорт пояснения: что в истоках "идеи" лежало стремление к экономической справедливости и лучшей жизни (так у Д. Штурман). Но, при всем блеске общего анализа, Штурман тоже преподносит несколько завуалированную биографию социализма. У Штурман социалистические истоки - "в охранительной ограде разума, доброжелательности" (к кому?) и т.д. И как источник оптимизма то, что разум же может и помочь перед судьбоносным виражом.

Но вот, в зарываемой живьем в землю России, - именно об этом можно написать тома... И о разуме, и о помощи... Да и в Румынии, в Восточной Германии...

Как иррационален сам социализм, так и его утверждения и определения - смысловые оборотни. "Описки, вкрапленные в логику" - таят в себе опасности. Теория социализма - вовсе не "ошибочно-тупиковые реакции на зло" (Д. Штурман), но как раз наоборот: теория идеально организованного зла! Методологическая опасность подобных "рациональных" объяснений - именно в признании этой крупницы "ratio". Именно такое признание может завлекать новичков строить свой "хороший социализм". Тот, кто с социализмом знаком на практике, - повторно строить не станет (если он не Горбачев и не Гюнтер Грасс), но девственные этнические регионы на земле - в преизобилии...

Д. Штурман ставит, снисходительно-иронически, вопрос: "Синонимы ли энтропия и дьявол?" А ведь вопрос - вовсе не пустой.

2. О ВЫВИХИВАНИИ МОЗГОВ

Болезнь - результат отпадения от естественности. История евреев неоценима в показе и доказательстве того, как лишались естественности все естественные ценности мира.

Ницше: «Евреи - самый судьбоносный народ мировой истории... Они хотели *быть* - любой ценой. И эта цена была - радикальное извращение природы, всего естественного. (...) Они отделяли себя от всех условий, при которых до них жили люди (...). Они неизлечимо извратили, по очереди, религию, культ, мораль, историю, философию».

Эта религия угрожающе тлела столетия, пока не вылилась, в апогее, в учение Маркса, по сути определившее, в совершенстве, создание нашего сегодняшнего мира со всей его духовной нищетой.

Идеи марксизма были заботливо уложены в теплые гнезда соответственных "инкубаторов", поистине как "роковые яйца", и из них вывелись неведомые до тех пор чудовища, прочно обосновавшиеся на земле, питающиеся живыми людьми и отравляющие поколение за поколением. Можно ли при этом удивляться тому, что люди *больны*? Тяжело больны?

*

Нам всем была навязана судьба: ходить в шорах материализма. Вспомним определение истории у Маркса: "Исторический процесс - это естественно-исторический процесс, детерминированный законами материального производства".

Не существует никакого детерминизма, ни "*законов истории*", как нет и гармонического "социального космоса", в котором движение обусловлено законами. Есть - интересы, эгоизм, организованная сила и воля отдельных лиц или групп.

Гегелевское "вся история разумна", "история - откровение духа" у Лейбница, "самопереживание бессознательного разума" у Гартмана, "история - выживание приспособленных" Дарвина - все эти родственные утверждения произвольны, либо утверждают нравственный мировой порядок, соединение идеи и жизни, за которое ничем нельзя поручиться.

Теодор Лессинг, блестящий и оригинальный историк, пишет: «Судьбоносный поворот придал европейско-американскому развитию К. Маркс, со своей, полностью основанной на *воле*, всюду победоносной еврейской страстью к определению *понятий*, которые заменили бесчисленные человеческие связи и *общности* единственным: классовой борьбой. Нигде дух европейского общества так ясно не представлен, как в "Капитале" (...), чтение которого буквально приводит в ужас, когда наталкиваешься на определение "человек", заменяемое через: "коэффициент рентабельности", "экспонент труда", "индекс средней квоты выгоды", "заменитель циркулярной

прибавочной стоимости' или другими терминами обездушенного и обескровленного словотворчества. А где же душа? На ее месте поставлена *воля*. Где общность? На ее месте - общество...».

Идея социализма - совершенно противоречит *природе человека*.

В применении ее к жизни каждая искусственная теория несет в себе зародыш болезни, уже в силу своей искусственности. Факт непреложный: в социализме все убивается - культура, жизнь, человек. А "справедливость и хорошая жизнь" существуют в социализме только как вывеска. Но и это - не самое страшное в его практике. Самое страшное - в переходе на рельсы политики и идеологии. Когда доктрина делается средством. В этой стадии машина делается непобедимой, и не может иметь места никакой оптимизм, тем более - *рассудка*. И в этой его иррациональности кроется его заряженность смертью. Социализм как бы выталкивает в четвертое измерение, настолько все в его программе противоестественно и противоречит здравому смыслу. Можно ли называть его "заблуждением ума", как это делает Д. Штурман? Сходство всех осуществляемых моделей социализма показывает *единую* модель, независимо от стран. И осуществляемый порядок - не может быть иным!

Видится "эсхатологическая жажда", лежащая у истоков учений как социализма, так и коммунизма. В этом смысле - это именно "инстинкт смерти". Социализм - *болезнь духа*, воли к жизни, отказ от человеческой доли. Это социальный СПИД. Кто им заболевает - обречены... Разные виды безумия в основе имеют заболевание психики. Выражение "инстинкт смерти" можно понимать и как "просто" психическое тяготение к самоубийству. В психиатрии это тоже считается заболеванием. Вопрос сводится к тому, можно ли считать безумие "умственным заблуждением", от которого можно избавиться? такие "благодущные" объяснения - не что иное, как смешение (и смещение!) измерений бытия!

Можно рассматривать социализм и как что-то вроде "самоубийства по внушению" (тоже действие инстинкта смерти). Ярчайшей, страшной, небывалой по неправдоподобию иллюстрацией этого было в 1978 году массовое самоубийство маскировавшейся под "религиозную" социалистической секты "пастора" Джонса в Гвиане. Больше тысячи человек были принуждены, одновременно, совершить самоубийство. Этот жуткий спектакль был подробнейшим образом освещен мировой прессой. Все денежные средства своего "гуманитарного сообщества" Джонс (он застрелился) передал в советское посольство, завещав их на дальнейшее строительство столь любезного его сердцу - *социализма*.

*

Рассказ-быль о поющих немцах. Ко мне заехал гость, молодой немец из бывшей Восточной Германии. Немец прочувствованно рассказал, как он принимал участие в грандиозных демонстрациях-митингах в Лейпциге, перед объединением Германии. Участвовало до 120 тысяч человек. Зрелище было величественное, и при этом (конечно!) идеальный порядок. И - все вместе пели "Интернационал"! (Все 120 тысяч!)

Я рассмеялась, постаралась как можно ядовитее...

- В чем дело? Что здесь смешного? - возмутился немец.

- Очень смешно! Такое несметное количество умалишенных собрались вместе! Кроме того, припоминается одна невыносимо фальшивая сценка, у Гюго, где на гибнущем корабле, в бурю, компрачкосы становятся на колени и хором поют псалмы... Еще можно понять, когда недавно демонстрировали против английской королевы при ее посещении Дрездена, хотели даже помидоры швырять - но ведь люди вспомнили счет: триста тысяч жертв за один только день бомбежки союзников... А когда ваши демонстранты пели "Интернационал" - вспоминали вы о десятках миллионов социалистических жертв? И в это время, кажется, был широко извест-

тен "Архипелаг ГУЛag"... Имей я перо Орвелла - написала бы о "Скотском хуторе", где сто двадцать тысяч зверей устраивают, на бойне, демонстрации и хором прославляют убойные топоры и ножи... Но вы войдете в историю. И портреты напечатают, поздравляю.

Немец обиделся.

3. Искушение властью

Сегодня, после "суда" над КПСС (в то время, как бывшая номенклатура, фактически, занимает все командные места в государстве и нарастают хаос, развал и угроза катастрофы, а будущее грозит подавлением всех, едва начавшихся, свобод и, возможно, даже пролитием "большой крови", если зло перестрашует и переорганизуется согласно программе тайного сценария) - крайне поучительно заглянуть в дидактические истоки, на которых эта партия выросла еще до того, как обзавелась собственными "основоположниками" (которых принес добрый аист на капустные грядки...). Откуда у этой благословенной партии ее цепкость, стиль организации, железная хватка, партийная дисциплина и прежде всего - воля к власти, ее захвату, удержанию и железная тактика ее использования.

Интересное замечание в книге М. Назарова "История философия смутного времени" о "процессе объединения сил - носителей апостасийного начала, от католицизма до коммунизма...". Это - историческая сноска. А вот сейчас, в газетах, доходящих из России, проявляется беспокорство в связи с новым проникновением эмисаров католической Церкви в Россию и широким диапазоном этой деятельности - до глубин Сибири...

Польский Папа ведет наступление католицизма. Иезуиты, изгнанные из России еще при Александре I, делают Россию вновь целью своих устремлений. Лесковского "бритого иезуита" пока не видно, по утверждению В. Зелинского. Но - смотря где и как искать...

Потому что налицо - преемственность: и идеи, и метода, и тактики. Вспомним Достоевского: «Иезуиты... Они просто римская армия для будущего всемирного земного царства... Самое простое желание власти...».

«Католики ненавидят масонов оттого, что видят в них конкурентов, раздробление идеи, тогда как должно быть едино стадо и пастырь...»

Что же касается Ветхого Завета, то он к завоеваниям, как всегда, готов. Библия - монументально агрессивная книга, как никакая другая. Время от времени она делает истинные "нашествия". Достаточно вспомнить совершенно беспрецедентное распространение библейских обществ в России в начале XIX столетия (впоследствии, под давлением духовенства, запрещенных Александром I). С 1813 по 1823 гг. возникло 289 библейских обществ и было издано миллион Библий на 12 языках! Лев Толстой писал: "Библейские общества - стали истинным правительством..."

*

История имеет эзотерические прослойки. Глубоко в тени остались элевзинские мистерии. Тщательно охранялись главные секреты масонов. Да и деятельность католических верхов (вплоть до сегодняшнего дня...). Можно предполагать всюду - сгущенные формы *воли*. Таковые присущи, безусловно, и Марксу, и в еще большей степени Ленину. Всякое действие разрушения основывается на воле, организующей акты разрушения. И трагедия современной "борьбы с коммунизмом" заключается именно в отсутствии твердой и четкой *воли* у людей.

Ниже - один пример предельной организованности воли, который можно считать классическим, который вошел в историю - и делал историю.

*

Целью Ордена Иезуитов, основанного Игнатием Лойолой, было спасение и укрепление папской универсальной монархии против всех выпадов протестантизма. Иезуитам приписывается правило: "Цель оправдывает средство". В XVIII веке их изгнали из многих стран, из России они были изгнаны указом от 1 января 1817 года.

Но Орден выжил. Третий генерал Ордена Иезуитов, Франц Борджиа, говорил: "Мы проникаем, как агнцы; мы правим, как волки; нас изгнали, как собак; но, как орлы, мы обретем новую молодость".

Религия - это метафизика в жизни. Но ее переживали не как чувство, а как *понятие*. Понятия стали единственными мерками в бодрствованиях аскетов. Понятиями (не образами, как Майстер Экхарт) пользовался и Паскаль. Ведьм сжигают, потому что доказано, что они - ведьмы. (Спустя четыре века тоже понятиями Передового Учения определялась жизнь социалистического государства. И так же - сжигали ведьм...). Все четко определяющие себя эпохи истории по большей части - драмы, действующие лица которых - определенные человеческие типы, которые, по ходу действия, попадают либо в трибуналы судящих, либо на костры. И каждая эпоха имеет свои костры, в преизобилии. Огонь же их - неугасим, его переносят из одной эпохи в другую.

Средневековье жило под непосредственным протекторатом Бога, но и в непосредственном соседстве с активным и предприимчивым дьяволом. Казалось, что естественный иммунитет человека против зла был сломлен, присутствие дьявола ощущалось всеми почти телесно, и люди, как замороженные, вступали в опасный контакт с ним.

И на судах - в этом каялись, совсем как на процессах века двадцатого! Дьявол необычайно активно действовал среди людей, под разными обличьями он соблазнял, мучил веру, искажал чистоту. Он был почти телесно осязаем, и смущал спасительный *порядок*.

Через - *ересь*. Господство *Догмы* предписывало беспощадную борьбу с ересью. (Как это знакомо!) Борьба с

дьяволом велась с мрачным ожесточением. В XVII веке было сожжено более миллиона ведьм, не только на протестантском Севере и католическом Юге, но и в Америке, и в Индии. В "царстве Лойолы" тоже было пуританское оживление. Даже кроткий Франциск Ассизский, согревавший своим телом прокаженного, стоял за решительные меры в борьбе с еретиками.

Мнения об Игнатии Лойоле как основателе Ордена с самого начала расходились. Не обладая оригинальностью как мыслитель, он, однако, обладал в высокой мере оригинальностью как организатор. Он установил железную дисциплину в Ордене. Знаменитые его "Exercitien" были духовным упражнением, которое каждый член Ордена обязан был повторить два раза в жизни. Это было отождествление себя с Христом и мысленное повторение Его жизни. Молитва самоотдачи Игнатия Лойолы: "Возьми, Господи, мою свободу и память, мой рассудок и мою волю. Я возвращаю все это Тебе, чтобы Ты вел меня по Своей воле".

Это было бы прекрасным, если бы "отдача воли" не была действием чисто условным. Очень продуманными были также программы *заботы о душах*. И именно этот сорт веры успешно выковался в *политику*.

*

Поражает структурное и функциональное сходство с партией, созданной Лениным! Даже формально.

Испытуемые получали название кандидатов. Высшая сфера похожа на Центральный Комитет. Все вместе - подчинялось высшему руководителю, избираемому из собственной среды. В плане генеральном, внедрении и защите веры, - были хороши все средства, и мораль при этом была весьма податлива. (И у Ленина его партия послужила ему рычагом, при помощи которого он взломал Россию! Достаточно было сравнительно небольшого числа *профессионалов идеи*, обученных и подчиненных центральному руководству.)

Как далек от религиозного вдохновения тщательно продуманный, милитаризированный порядок Ордена Иезуитов! Ведь это - партия, очень напоминавшая "партию нового типа". И кое в чем масонские ложи. Как видится, Ленин читал своим особым вниманием не только Маркса и Клаузевица (тактика как принцип ведения войны!), но и Игнатия Лойолу (организация длительной и прочной власти). И - особо важно! - "заботу о душах", что едва ли ускользнуло от Ленина. Что касается Троцкого как проводника марксизма, то достаточно вспомнить только его "изменения в сознании людей" (известно также, что Троцкий очень основательно штудировал и масонов).

Лойола способствовал превращению Церкви (как Ленин - партии) в инструмент политики и власти. И это оценили все его последователи (даже С. Родс в завещании, оставлявшем все его громадное состояние Ротшильду, не забыл заручиться следованием принципам Игнатия Лойолы). Ниже - весьма интересные отзывы исследователей истории Ордена (и католичества).

«Сама персона основателя Ордена демонстрирует будущие его цели и влияния... При помощи многих маскировок, в разных костюмах, не служили ни Богу, ни человеку. Невысказанной высшей целью являлась власть. Одежания священнослужителей использовались, чтобы мысли о власти никогда не представляли обнаженными. Ведущая идея иезуитов, по своей глубочайшей природе, не религиозна, это - насквозь политика. Но это политика, которая всегда и везде оборачивалась несчастьем людей и народов. Потому что ее клерикальные цели никогда не соответствовали задачам наций, диктуемым кровью, почвой и временем» (Gerhard Schultze-Pfaelzer, писатель).

И еще одно, крайне интересное, мнение: «Лойола был гениальным организатором. Немногие, за все время истории, были так последовательно настойчивы в проведении провозглашаемой ими идеи, с таким напряжением воли осуществляли свои идеи и мысли, как

Игнатий Лойола. *Только Ленин (!)* сумел подобным же образом... подчинять людей своей воле, громадную часть человечества! Оба эти человека с железной решимостью воздействовали на людей, не довольствуясь действием поверхностным, но полностью подчиняя себе их рассудок и волю, и по своему их переделывая» (R. Füllor-Miller, историк культуры).

Метаморфозой идеально выверенной организации "духовной" власти во власть чисто политическую наследство Лойолы, в лице Ленина, тяжело обрушилось на наивно непрактичную, мечтательную Россию.

4. Феномены и события

Думая об истории России, нельзя отделить от нее понятия "феномен". Огромная и удивительная страна была феноменом в том, что касается и ее имперской формы, и ее этнической многоликости, и географической раскинутости. Все в ней происходило в результате естественного роста и естественного совместного существования. Роста и цветения. Это был здоровый, юный гигант.

И для России нет мерок, кроме ее собственных, тех, которые были даны ей судьбой. Она обладала особым видом имперскости, построенным на добровольном существовании, определенным именно ее протяженностью и нуждой составлявших ее народов во взаимной поддержке. В России тенденция к слиянию была естественной. Америка индейцев просто уничтожила. Россия же свои народы - приняла.

А как общая суть - Россия была огромным *духовным* образованием, единственным в мире и неповторимым.

Волею судьбы и характером ее народа было России дано продолжить историю человечества, начатую Христом, когда человек *был объяснен самому себе*. Осмысление христианства, вылившееся в форму православия, оплотом которого Россия стала, нашло свою почву в России.

Оно наиболее чисто воплощало учение Христа и воспринималось русской душой в "целомудрии и смиренномудрии, терпении и любви", и в светлой пасхальной радости тоже. Переживание Христа заложено в русской душе как предельное этическое переживание.

Ниже - из письма Вл. Соловьева Императору Николаю Второму:

«... Россия должна обнаружить духовную силу и сущность своей жизни. Не завоевания мечом и огнем ждут от нас народы, не оружием должны мы объединить мир, а духом и истиной. Духовная сущность России есть православие, т.е. - чистейший и совершеннейший вид христианства».

Россия была страной молодой, крепкой, наделенной физическим и нравственным здоровьем. Но - веками велись атаки против нее, в мире она была всегда телом инородным. Атаки велись в двух планах: психологическом - извращением характера, и психическом - атакой, производимой еще глубже в области метафизически-религиозной. Поражением даже не тела нации - но корней.

Запад всегда стучал в двери России, ввергался в ее историю. Католическими нашествиями, заимствованиями Петра, "философией" Чаадаева, "сладостной ненавистью" Печерина, черной ненавистью революционеров-преобразователей, и организованной, насквозь убийственно-старозаветной, атакой революции и ее деятелей.

Болезнь в народ внедряли давно...

Но и падение беспримерно. Россия сегодня - картина развала, грабежа, обмана, потерянности. Бескрайней растерянности и унижения. А ведь это о России писал Гердер более 150 лет назад, предсказывая, что "прилежные славянские племена превратят свои страны в цветущие сады и сменят Европу у штурвала мировой истории..."

И это о России писал Вальтер Шубарт, что из ее недр появится гармоничный "иоаннический" человек...

Гибнет величайшее зло, и сама его суть определяет атмосферу этой гибели. Но все же, каким образом стало уже "классическим" ходом событий, когда все, предпринимаемое в стране, немедленно себя дискредитирует, проваливается, ничего не достигнув, не показав, не доказав и не реализовав никакой пользы и связи с насущными проблемами России. Объяснить тем, что всюду действуют Лебеди, Раки и Шуки? Но почему-то и Раки враждуют с Раками, и Шуки со Щуками... Не говоря уж о благородных Лебедях, которым по рангу, очевидно, определено петь "лебединые песни"?

Измельчение и распыление там, где к спасению может вести только ощущение общей монолитности и слитности как очага силы...

Вот так приходишь к осознанию - насколько Россия больна... Ощущение противоестественности началось уже в революции. Очень умное замечание П. Жильяра, воспитателя Наследника:

«Русская революция не могла быть исключительно политической, она неизбежно должна была принять *религиозный характер*. Падение Царской власти оставляло в политическом и религиозном сознании русского народа зияющую *пустоту*... Царь олицетворял собою *мистические* запросы русского сознания. И падение в эту *пустоту* со всеми присущими русскому характеру крайностями - было падением в *анархию*, хаос. Западно-европейские формулы не подходят к России. И сама по себе революция не была действием народных масс!»

Это ценнейшее замечание в "истории болезни" целого народа, коль скоро мы осмысливаем народ как образование с традициями характера, душевного склада, "душевной валентности", а не по принципу насильственного включения в какую-либо партию. Может быть, критерий партийности ни от одного народа в мире не отстоит так далеко, как от народа русского. И оттого, именно сейчас, освобожденный из колодок партийности - он так предельно растерян. В данном случае это не призыв к монархии, хотя, безусловно, монархия -

одна из умнейших, народнейших и естественнейших форм правления (желательно - форма будущего; просто потому, что атмосфера сейчас слишком запутанно нечиста и предпочтительнее принцип постепенности перемен. Тише едешь - дальше будешь).

Моя тема сейчас - болезнь как главный и ближайший враг, стоящий на пути каждого здорового действия, реакции, свершения. И это - не легкая простуда, но заболевание смертельное, если его вовремя не преодолеть.

Можно предполагать, что главной причиной всякой болезни является разрыв с состоянием естественности (что состояние здоровья - нормально, само по себе!). История России в XX веке демонстрирует это на каждом шагу.

Страна стоит над бездной. Погружается в хаос. А русский человек, как Гулливер, связан тысячами нитей и не может позволить себе ни одного свободного движения. Его удел - только горечь, боль, растерянность и бессилие. Исчезла не только стабильность. Но и сама реальность. Так как была фантомом вся перестройка - нереальна вся сегодняшняя жизнь. И - полная инфляция всего...

К каким ударам человек, в растерянности нереальности, еще готовится? К новому рабству? К продолжению старого? К подчинению инопланетянам? К самоуправствам мондиалистов? Но, может быть, самое страшное, что показало бы гадание в зеркале, было бы и самое неожиданное: *его* собственное лицо. Вместо ожидаемого в зеркале "лица судьбы", друга или врага, добра или зла. Потому что наша судьба - это мы сами!

И сейчас, когда судьба к нам приблизилась и стоит осязаемо близко, мы глухие и немые, стоим бездейственно, безучастно, разъединенные, в трагической утере извечной и спасительной нашей общности, словно мы не *один* народ, проживший такую долгую жизнь вместе!

Это - самое страшное в нашей болезни: утерянность общей души нашей.

Трагедия страны, трагедия народа, трагедия армии, трагедия будущего... А из ящика Пандоры вылетают, выползают, сыпятся - все новые беды, чудища, эпидемии, яды...

Утешение ли нам, что больны не только мы, но весь мир? Что великий оползень расплзается по всему миру и очень давно уже? Что фронты войны проходят через каждого человека, потому что объект войны сегодня - сам человеческий дух? Что безумный мир от сытости, лени, фальши и глупости готов запеть в унисон: "Коммунизм умер, да здравствует коммунизм!" - ?

Вокруг - болезнь, гниение и распад.

На наших глазах распадаются нормальные человеческие содружества, которые вырабатывались в результате столетий, на сосуществование единиц, как и в доисторический, пещерный период, с выпадением из всех традиций, с пещерным эгоизмом; человеческие общества превращаются в равнодушных глухонемых; духовное оцепенение и национальный летаргический сон сковывают неподвижностью; гражданское малокровие медленно убивает...

Верно, что в судьбе великих наций действует фактор постоянства доминанты нации - "национальных запасов инстинктов, эмоций и морали" (Ив. Солоневич). Но только до этих запасов надо еще добраться. Они - в сейфе, а ключ пока затерялся.

И самое главное, что России прежде было несвойственно: устрашающий беспорядок в понимании категорий добра и зла, а отсюда - ненависти и любви. Маниакальная ненависть и удручающий недостаток любви. Если даже "Евангелие было проповедано две тысячи лет назад, но только начинает свой путь на земле" (Вл. Зелинский; и то же самое говорил Лесков в "Соборяхнах" - "Мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся"), и если даже неразделимость Христа и Иуды стала лейтмотивом судьбы России, то зло понятное - зло преодоленное. Но устрашающе выросла при этом, под влиянием таинственных режиссеров, роль Иуды...

5. И еще о болезни

Свершения XX века - неоглядны. В результате запланированных мировых войн уничтожены великие империи, расколота Европа, а весь мир ввергнут в состояние перманентных войн.

Только в отношении России политика Запада не изменилась. В истинной культуре заложена нравственность, и это ее главное качество. Отказ от нравственности означает смерть культуры, утерю ею права на существование. Запад вступил в эту стадию.

Со всех кафедр "мировидения" - религии, философии, науки, в самоослепительной непровидчивости, мир придавал событиям локальные мерки, тогда как они были цепной реакцией общемирового распада. Сейчас они вырвались "за орбиту", в общемировую катастрофу.

Не надо быть Геншером, чтобы определить, что остро кризисное положение в России и Восточной Европе скоро и тяжело отзовется на Западе. И не надо быть президентом США, чтобы видеть ясно, что не удастся ему, как в предвыборной лихорадке, подобно страусу, прятать голову в песок изоляционизма, провозглашенного спасительной позицией еще Вашингтоном в 1796 г. Планы Америки в том, что касается "Нового мирового порядка", заставляют подвергнуть это сомнению. И "верный Личарда", ООН, заботливо сохраняется. Хотя пользы от ООН мало, вреда - много.

Объединенные государства Европы - европейский "перевод" Соединенных Штатов Америки. Но, дух времени - дух распада! Армия бесчисленных агентов этой "фирмы" трудится, не покладая рук, как хорошо слаженный оркестр с усердным дирижером. Раз навсегда выбранная и предпочтенная тональность, в которой "играют" - прагматизм, "религия" материального благополучия. Он прочертил путь от Аристотеля, через ментальность фаустовского человека - к сегодняшнему разгулу бескрайней, беззастенчивой философии "про-

гресса науки" и неограниченности потребления. Куда это ведет - покажет самое ближайшее будущее.

Подготовка проводилась долго. В странах Латинской Америки, в Африке, на Ближнем и Дальнем Востоке. Так, будто невидимый калькулятор приводил все регионы мира к общему знаменателю: растерянности, полной зависимости, растущей нищете. И война в Ираке была репетицией новых методов и тактики, где оплачивать расходы оставили всему миру, новым вассалам.

В этой "ползучей революции", производимой бескорыстными "изоляционистами" ради захвата монополии на власть, все ведущие нити - в руках небольшого числа "игроков", обладающих всей силой финансов на не такой уж безгранично большой земле... Народы же - это стада, которые толкают к волчьей яме.

Мир участвует в мировом кризисе совершенно небывалых мерок. В преддверии Апокалипсиса. Но эта невеселая идея малопопулярна в обществе "прогресса" и потребления.

*

Современный кризис социализма показал все произведенные им внешние уродства. Но более страшны опустошения, произведенные в самом человеке, который затягивается омутом, не оказывая сопротивления. Человек вырван из кажущегося незыблемым мира ценностей, истин и даже естественного чувства страха, ограждающего от убийственного в этих условиях безразличия и общего непротивления. Человек вырван из самого времени, из смысла бытия. Он постепенно становится абстракцией, питающейся абстракцией оборотня-прогресса. Еще о. Павел Флоренский гениально предугадал это, в начале столетия, говоря о "будущей катастрофе не только русской государственной жизни, но и всего комплекса мировой общественной системы".

Происходящее на Западе - оборотная сторона происходящего в России. Распад современного мира сопровождается освобождением деструктивных энергий, стран-

ных и страшных сил. Как будто пришедших из-за таинственных границ. Больше всего связанных с человеческой психикой.

Мы видим, как в России целый огромный народ топчется на грани смерти и не в силах, не может сделать шагов к жизни! Происходящее в России - процесс глобальный. Возмездие?

Сегодня весь мир охвачен этим духовным СПИДом! Состояние мира - трагедия, в которой участвует все человечество и к которой оно не готово ни рассудком, ни душой. Ужас реальности, накатывающейся, как девятый вал, наталкивается на идиотизм, инфантилизм абсолютного немыслия.

То, что происходит - физическое самоуничтожение человека. Безумие. Ведь нельзя представить себе, чтобы нормальный человек стал прививать себе чуму! Или, чтобы стал, как у Чапека, «подогревать вулканы и подравнивать почву для наводнения». А ведь именно это всюду делается.

6. О духовном исцелении

«Это - смертельная болезнь, помутнение национального духа (...). Как будто в какой-то бездне кто-то взвился... и закрутился, и спешит столкнуть Россию в пропасть... Тут есть какой-то мировой процесс. Это не просто политический поворот, - это космическое завихрение. Эта нечисть, может быть, только начинается с России, а наслана - на весь мир»

А. Солженицын. "Красное колесо"

«Что с нами стало? Кто и за что погасил свет в наших душах? Кто задул лампу нашего сознания..?»

В. Астафьев

По мере того, как дух, интеллект, добро перестают быть твердой валютой, стабилизируется зло как форма, средство. Меняются формы выживания, и появляются новые приспособленные. Короче - меняется само содержание нации или народа.

С его извечными корнями, человека связывают мифы, говорящие на полузабытом языке: "кто он и откуда". В будущее - мост разрушен, рядом - пустота. История - это сама человеческая натура. Сегодня происходит небывалое в истории обезличивание человека, при участии индустриально-технического прогресса, мощной работы всех масс-медиа, общей стандартизации жизни, обработки самой психики человека. Главные потоки стандартизации, примитива, ограниченности - исходят из Америки, снабжающей все рынки мира "жевательной резиной" своей культуры. Всякий народ - это образ, связь поколений, традиций, обычаев. Сегодня все связи оборваны. Читаете ли вы Замятина, Хаксли, Орвелла - всюду вы видите в центре одно: человека, у которого Сила отнимает свободу и затем поражает его безумием. Русский народ поразила болезнь психическая, некое коллективное сумасшествие. Но чтобы лечить такую болезнь - совершенно недостаточно просто рассудка (вот оно бессилие в борьбе с социализмом!). Для нечистой силы нужно "заговоренное оружие"!

Самая насущная проблема сегодня - это духовное исцеление. Потому что решающее, страшное в сегодняшнем поединке жизни и смерти - даже не сила нападающего, но - податливость осажденного. Более двух тысячелетий назад некий больной пришел к Сократу, ища совета, как излечиться. Сократ ответил: "Если ты хочешь стать здоровым, ответь перед тем на вопрос: согласен ли ты отказаться от того, что вызвало твою болезнь?"

Определенная школа в психиатрии считает главной причиной безумия именно нарушения нравственности и лечение психических болезней видит в развитии у больных морального чувства.

*

Что сегодня осталось еще, после "промывки золотого песка истории"? - Идеалы Нагорной Проповеди. Остатки национальных культур. Нетленная, но израненная и больная душа человека.

Преобладающая часть цивилизованного человечества сегодня страдает все возрастающей психической атрофией. А неиспользование способности - ведет к ее утрате. Корни кризиса всюду общие: отрыв от естественного пути.

Рушится, невидимо, вечная Вавилонская башня. Так же, как и когда-то. И с тем же "успехом". С той, однако, разницей, что сегодня мир стал меньше, тесней и неприютней, глухота, немота и выброшенность радикальнее. И сама связь человека с жизнью - поверхностней, уязвимей, непрочней. Так, будто человеком утерян не только смысл бытия, но и его непосредственное ощущение, выражающееся в центральной формуле: "я хочу жить" (я ценю жизнь). Поражена больше, чем связь между людьми; - поражена связь между существом "человек" и глубиной бытия. Восстание против метафизики, украденное у нас небо - величайшая беда нашего времени.

Исчезла общность. Исчез разговор. Исчез диалог. Исчезает уже и мысль. Кто, что может помочь? Мы вошли в стадию феноменов, где человек не сопротивляется.

Спасение - в возврате. В возврате к человеческой норме. То есть - здоровью психическому. И помощи нельзя ждать ни от кого, только от самого себя. Это означает - найти путь к самому себе, осознать себя и пойти своим путем. Но пойти, сдвинуться с места! Под лежащим камнем вода не течет. Помощь может исходить только от нас самих как *русских*. От нашего ощущения мира и духа. Нам надо выбраться из мира нереальностей, нарочитой лжи, простого незнания. Выйти из немоты, слепоты, глухоты и найти дорогу к диалогу с

самим собой. Без этого мы не можем существовать дальше.

Принцип выживания, исцеления, связан больше всего с самим русским человеком, не с политикой, не с силой даже, но со здоровьем психики. Надо *найти себя*, чтобы вновь увидеть мир. Из отравленной разобщенности - вернуться в то духовное состояние, которое создало феномен-Россию: братство, общность, забытые нами в долгих десятилетиях гражданской войны.

От безумия - к излечению его. Это узловой вопрос нашей судьбы.

Февраль, 1993 г.

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e.V. und "Veche")
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
Germany

Е. Вагин

Об одном замолчанном "скандале"

5 декабря 1991 г. (когда-то это был "День Сталинской Конституции"!) итальянская газета "Унита" (бывшая главным органом ныне "перестроившихся" коммунистов, ИКП) опубликовала интервью, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы. И оно имело прямое отношение к бомбе не метафорической, а самой настоящей. "*Сверх-бомба ястреба Сахарова*" - под таким заголовком было помещено интервью с Карлом Поппером, который подверг исключительно резкой критике покойного академика А.Д. Сахарова, лауреата Нобелевской премии мира и "отца" советской водородной бомбы.

90-летний Карл Поппер (род. в 1902 г.), "австро-британский философ", проживающий ныне в Англии, до недавнего времени был излюбленным объектом нападений со стороны "философов" марксистских - как теоретик и апологет "открытого общества", противопоставлявшегося им "закрытому", социалистическому. На Западе авторитет Поппера, особенно в области социальной философии, неоспорим: его считают одним из последних живущих великих мыслителей нашего века - крах коммунизма стал убедительным подтверждением его антитоталитарной философии.

Следует упомянуть, что в 1981 г., в связи с 60-летием академика Сахарова, именно К. Поппер произнес в Нью-Йорке торжественную речь в честь Нобелевского лауреата мира, выдающегося борца за права человека и демократию в мире. И вот теперь - заявление Поппера, особо выделенное редакцией "Униты": «Я считал его героем, но теперь сужу его как военного преступника». Ибо - аргументирует Поппер свое тяжкое обвинение -

«в 1962 году Сахаров предоставил в распоряжение Хрущева сверх-бомбу, чтобы уничтожить США».

К. Поппер обосновывает свое изменившееся отношение к советскому физика на анализе его "Воспоминаний", опубликованных по-английски в 1990 году (тогда же "Издательство им. Чехова" в Нью-Йорке выпустило оригинальный русский текст), и "Воспоминаний" Хрущева (первое английское издание - Лондон, 1971; по-русски В. Чалидзе опубликовал "избранные отрывки" в своем издательстве в Нью-Йорке в 1979 г.).

Взявший интервью журналист "Униты" Джанкарло Босетти подчеркивает, с какой скрупулезной настойчивостью престарелый философ приводил ему цитаты из названных источников, "документируя" свои утверждения: «Я хочу сделать ясной мою мысль: Советский Союз проиграл Кубинскую войну 1962 года. Это - решающий момент. В России тогда имелось намерение уничтожить Америку. И тем самым потерпела крах единственная идея, какая еще оставалась у марксистского режима. Начался упадок, который привел к общему крушению».

К. Поппер убежден, что в хрущевские времена никто из советского руководства уже не принимал всерьез марксистскую доктрину, кроме одного ее пункта: капитализм, главный враг, должен быть уничтожен. Он ссылается на фразу Хрущева, которую нашел в английском тексте его "Воспоминаний": «Ликвидация капиталистической системы - решающий вопрос в развитии общества». Но - добавляет тут же Поппер - у России не было никакой возможности уничтожить Америку до тех пор, пока она не получила в распоряжение "бомбу Сахарова".

Он приводит цитаты из Сахарова - о создании им "рекордно мощного изделия": даже при испытании его в "чистом варианте" - с искусственно уменьшенной мощностью «его мощность превосходила бомбу Хиросимы в несколько тысяч раз!» (рус. изд., с. 289). ("Термоядерными изделиями... разных весов и мощностей, предназначенными для различных носителей" - Сахаров назы-

вает бомбы, создававшиеся на "объекте", в "секретном городе"; то был Саров, получивший кодовое название "Арзамас-16".) Согласно тексту интервью, Поппер говорит дальше: «Эта бомба была испытана в сентябре 1961 года... Сахаров долго работал при Сталине и сотрудничал с Берия, неоднократно разговаривая с ним часами и часами» (заметим, что из русского текста "Воспоминаний" это никак не следует). После чего переходит к Хрущеву, естественно, знавшему о положительном ходе испытаний (тогда Сахаров был награжден третьей медалью Героя Социалистического труда, с. 298) - во время визита в Болгарию ему пришла в голову идея установить ракеты с ядерными зарядами на Кубе, без ведома Америки. В воспоминаниях Хрущев говорит: «Мы поставили ракеты. Этой силы достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня. Америка, пожалуй, никогда не имела такой реальной угрозы быть разрушенной, как в этот момент» (изд. Чалидзе, с. 182).

Дальше - больше. Карл Поппер убежден, что Сахаров «не был пассивным работником, делавшим все, что он него требовали, но действовал активно». Он ссылается в подтверждение этого на эпизод, о котором рассказал сам физик в своих мемуарах: «После испытания "большого" изделия меня беспокоило, что для него не существует хорошего носителя (бомбардировщики не в счет, их легко сбить) - т.е. в военном смысле мы работали впустую. Я решил, что таким носителем может явиться большая торпеда, запускаемая с подводной лодки. Я фантазировал, что можно разработать для такой торпеды прямоточный водопаровой атомный реактивный двигатель. Целью атаки с расстояния в несколько сот километров должны стать порты противника... Конечно, разрушение портов - как надводным взрывом "высочившей" из воды торпеды со 100-мегатонным зарядом, так и подводным взрывом - неизбежно сопряжено с очень большими человеческими жерт-

вами...» И далее Сахаров пишет: «Одним из первых, с кем я обсуждал этот проект, был контр-адмирал Ф. Фомин (в прошлом боевой командир...). Он был шокирован "людоедским" характером проекта, заметил в разговоре со мной, что военные моряки привыкли бороться с вооруженным противником в открытом бою и что для него отвратительна сама мысль о таком массовом убийстве. Я устыдился и никогда больше ни с кем не обсуждал своего проекта» (с. 294).

К. Поппер комментирует: «"Устыдился" - это единственный момент в книге, где Сахаров говорит что-то в этом роде...». Это не совсем точно. В главе 6 воспоминаний А.Д. Сахаров специально останавливается на моральных аспектах своей работы: «Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались. Но только что кончилась война - тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне - но чувствовал себя *солдатом* этой научно-технической...» (с. 133, слово "солдатом" выделено самим Сахаровым). Этот мотив звучит и в другом месте, где он - слишком бегло - пишет об испытаниях "большого изделия"; отвечая Хрущеву, он сказал тогда, в частности: «Я работаю, выполняю приказ» (с. 288).

Журналист "Униты" задает Попперу вопрос: он хорошо знал Эйнштейна; считает ли он, что отношение Эйнштейна к созданию и использованию бомбы было бы иным? На что следует ответ: «Совершенно иным. Эйнштейн подписался под идеей создания бомбы, так как верил, что сами немцы сооружают атомное устройство. И он сделал это, чтобы защитить Америку. Сахаров же, в то время, о котором мы говорим, еще коммунист, который хочет, пользуясь словами Хрущева, "ликвидировать" капитализм. Он не был пассивным средством в руках агрессивных лидеров. Напротив, он был полностью убежден в этой идее. Ему было 39 лет, когда испытывали бомбу, и 40 - когда он разговаривал с контр-адмиралом».

Все это показывает, продолжает К. Поппер, что «человек, подобный Сахарову, с его умом, который, естественно, в состоянии был видеть, каким чудовищным был Советский Союз - что он и увидел спустя несколько лет - мог быть столь слепым. В своей книге он нигде не говорит: "Я был просто работником". Обращаясь к Хрущеву, он пользуется точно такими же словами, какими пользовались все немецкие военные преступники. Он говорит буквально: "выполняю приказ" - в связи с разногласиями по поводу ядерных испытаний... Можно было бы много еще говорить о Сахарове, потребовались бы для этого часы», - так завершается эта тема интервью.

Впрочем, не совсем. На возражение журналиста, что Сахаров впоследствии изменил свое мнение и что его политическая роль стала совершенно иной, 90-летний старец парирует безжалостно: «Он предпринял инициативу, чего от него никто не требовал, запрограммировать новый тип оружия, торпеду, чтобы разрушить Америку. Ясно, что в голове у него была идея о ликвидации капитализма, ясно, что он был ею одержим. Он был пленен тем, что я называю "мышеловкой", интеллектуальной черной дырой идеологии, основанной на принципе, согласно которому некто знает будущий ход истории. Но имеющему 40 лет человеку нельзя сказать, что он слишком молод для вынесения суждений. Совершенно верно, впоследствии он обратился. Но если человек, в 40 лет, тебя убивает, и спустя несколько лет говорит всем, что ему жаль, что он не должен был этого делать, - разве из-за этого он перестает быть убийцей? Я сохраняю высокое мнение о последних годах жизни Сахарова, но должен поправить, как мне ни жаль, общее суждение о нем. И должен сказать, что он начал как военный преступник и что его нельзя полностью простить благодаря тому, что он делал потом».

К. Поппер говорит, Впрочем, дальше - вспоминая и свои юношеские увлечения марксизмом: «Естественно, он оказался в ситуации более трудной, нежели я - что-

бы уметь распознать "западню". Я жил в стране свободной, относительно свободной (Австрия), когда выско-чил из "западни", в 17 лет; он же сделал это позже, жи-вя в России. Но это свидетельствует самым наглядным образом, что возможно воздействие идеологии на лю-дей, наделенных большим умом, талантом и мужест-вом (а это последнее дарование Сахаров действительно продемонстрировал)». То есть - Сахаров являет собой сына своего времени и своей страны...

В редакционной заметке газеты "Унита" указыва-ется, что, интервьюируя Поппера, с ним намеревались обсуждать другие темы, но что он сам настоял на пуб-ликации своих аргументов, которые намерен развер-нуть подробнее в особой книге. Оговорившись, что пуб-ликация интервью никак не означает согласия редак-ции с мнениями К. Поппера, подписавший заметку автор ее выражает надежду, что последуют отклики на эти «тяжелейшие, неожиданные, скандального характера» обвинения - прежде всего со стороны вдовы академика, Е. Боннер, вместе с которой он вел «нравственную и политическую борьбу против авторитарной советской власти».

На следующий же день (6.12.91) римская газета "Република" (тоже левого направления) посвятила целую страницу откликам на сенсационное интервью, под большим заголовком: «Поппер против Сахарова: "Он был военным преступником"». Московская корреспон-дентка газеты по телефону разговаривала с Еленой Боннер; ее материал озаглавлен в такой же агрессивной манере, свойственной, как известно, вдове великого че-ловека: «Жена: это обвинения фашиста». «Этот ваш фи-лософ повторяет обвинения, которые я слышала тысячи раз в моей жизни. Эти обвинения - любимый конек са-мых правых, самых фашистских газет СССР. И потому могу сказать, что для меня с этого дня он входит в разряд тех же персонажей, которые пишут в таких газетках», - так воспроизводятся слова Боннер, которая называет и один из печатных органов, в котором уже

после смерти подвергался критике академик Сахаров: "Военно-исторический журнал" (она определяет его как «один из самых фашистских журналов во всем СССР»).

Отклики появились и в самой "Уните" - из них самым любопытным, пожалуй, был телефонный разговор интервьюера Поппера с Федором Бурлацким. Бывший редактор "Литературной газеты", изгнанный коллективом этого "органа писателей", находился в США, где гастролировал с лекциями по университетам; здесь же только что вышла по-английски его книга "Хрущев и первая русская весна. Эпоха Хрущева глазами его советника". Журналист итальянской газеты пишет: «Мы ожидали, что перед лицом чудовищных слов венского философа Бурлацкий буквально оцепенеет, но ничего подобного». Действительно, "советник советских вождей" (не только Хрущева, но и Брежнева - чем он откровенно бахвалится в своих воспоминаниях) позволяет себе "поддиссидентствовать" относительно "отца водородной бомбы": «Относительно тяжкой ответственности Сахарова я полностью согласен с К. Поппером. Речь идет об особой ответственности - не только в отношении Советского Союза, но и всего человечества». Он вспоминает о другом академике, П. Капице, который решительно отказался работать над атомной бомбой (об этом пишет в своих "Воспоминаниях" и сам Сахаров, приводя странную мотивировку). Ф. Бурлацкий сообщает о своих "спорах" с академиком Сахаровым в последний период его жизни, утверждая, что он "меньше его" верил во "всемирное правительство"...

Нам неизвестно, были ли какие-то отклики на интервью К. Поппера в российской прессе. Позволим себе поделиться своими впечатлениями - отсюда, из российского Зарубежья.

Аргументация К. Поппера подтверждается внимательным перечитыванием знаменитого "Меморандума" академика Сахарова - "Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Впоследствии, в тех же "Воспоминаниях", академик с

завидной легкостью отказался от всех компрометирующих его - не просто "фраз", но положений, свидетельствующих о том, что он не имел намерения радикально рвать с советской системой, которой он служил не за страх, а за совесть: следы этого видны в его мемуарах.

Сахаров не очень-то распространяется об обстоятельствах создания своего "Меморандума", и невозможно из текста "Воспоминания" восстановить генезис его взглядов и складывающихся убеждений. Если, впрочем, не считать круга его ближайших сотрудников и друзей, которым он посвящает особую главу; в сущности, он и варился в этом котле исключительно и долгие годы, еще до того, как попал под целеустремленное влияние своей второй супруги.

Сейчас, когда перечитываешь этот столь нашумевший документ, поражает прежде всего *просоветскость* его автора: перед нами типичный советский академик, с этими клятвами верности "делу социализма", озабоченностью "судьбами мирового коммунистического движения" и т.п. Не может не удивить и абсолютное отсутствие хоть какой-то оригинальности: все это - сплошные "общие места". Весь академик Сахаров - это сплошное *общее место*, что касается его деклараций и (изменившихся) "убеждений": не это ли и послужило причиной избрания его в герои - "конвергенции", "борьбы за права", "демократической эволюции тоталитарной системы"? Убийственно точным оказывается определение итальянской газеты "Унита": «сын своего времени и своей страны» (подчеркнем - не России, но именно "страны": "О стране и мире" - вот характерное название его сборника статей и выступлений; нельзя не вспомнить и его обвинений Солженицына - в национализме и *шовинизме!*)

В "Воспоминаниях" Сахаров замечает об известном советском кинорежиссере: «Несомненно (!) Ромм фильма "Ленин в Октябре" и Ромм "Обыкновенного фашизма" - это два совершенно разных человека, которых разделяет целая жизнь» (с. 402). Нельзя не заметить, что та-

кие утверждения в последнее время делаются относительно очень многих "деятелей советской культуры и науки", захвативших на своем жизненном пути, действительно, две "разные" эпохи - сталинскую и послесталинскую. Достаточно назвать В. Гроссмана - почти то же утверждает о нем Е. Эткинд. Думается, когда Сахаров писал это о М. Ромме, он не мог не подумать и о самом себе. «Сейчас другое время, и мы все (?) другие» - эти слова режиссера-конъюнктурщика в каком-то смысле определяют идейную позицию и самого академика Сахарова.

Можно было бы с этим и согласиться (хотя помнятся уроки Достоевского: за сто лет до этого он протестовал против тезиса об определяющем влиянии среды на человеческую личность!). Но рождается одно недоумение... Далеко не всякое "тоталитарное прошлое", участие в нем, прощается сегодня организаторами общественного мнения. Не будем вспоминать нашумевший случай К. Вальдхайма (как будто, полностью реабилитированного - но это уже никого не интересует) - напомним об известном германском мыслителе Мартине Хайдеггере: и после смерти ему никак не могут простить его "симпатий" к национал-социалистическому режиму в его стране. Посмертно ищут "доказательств", чтобы сильнее скомпрометировать, опорочить, осудить. К коммунистическому "тоталитарному прошлому" относятся с несравненно большей мягкостью. Проблема, которая, несомненно, заставляет задуматься и требует обсуждения.

*

Этот материал был подготовлен год назад, но редакция "Веча" решила тогда не печатать его - несмотря на несомненно сенсационный характер... Прошел год, и события последних месяцев (как, впрочем, и весь "контекст" нынешней российской действительности) свидетельствуют об актуальности этой темы, во всех ее аспектах.

Так, событием можно считать статью-интервью в "Известиях" (8.12.1992) академика Ю. Харитона, с характерным "риторическим" заголовком: "Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно?" Ю. Харитон, кажется, впервые выступает в "открытой" печати, и это его выступление - возмущенная реакция на многочисленные публикации последнего времени, в которых подчеркивается, будто бы все советские достижения в создании "сверх-оружия" суть плоды "опасной работы" "бывших сотрудников советской разведки". Признавая, что создание советской атомной бомбы во многом обязано информации, "добытой" через посредство завербованного чекистами иностранного агента, академик Харитон решительно настаивает на том, что автором "первого в мире реального водородного заряда" был А. Сахаров. И дальнейшим совершенствованием это чудовищное смертоносное оружие обязано, прежде всего, академику Сахарову.

Можно только гадать, что побудило левые "Известия" поднять эту тему, возрождающую прежние заслуги академика Сахарова как "отца водородной бомбы".

В тех же "Известиях" неделей раньше (2.12.1992) была помещена и статья доктора химических наук Льва Федорова - прославившегося тем, что его, вместе с коллегой, уже в наши-то столь либеральные времена, привлекли к ответственности "за разглашение государственной тайны" в печати. Он рассказал о продолжающейся в б. СССР работе над совершенствованием химического оружия - при том, что официальные российские власти активно выступают "на международной арене" за его полное запрещение. В статье Л. Федорова сообщаются леденящие воображение факты: сколько одной лишь молодежи погибло при производстве (!) иприта и люизита еще в годы Второй мировой войны...

Л. Федоров - наивно, если не демагогически, в стиле времени - обвиняет "генералов", которые-де способны думать лишь о своих наградах и возможных успехах в будущих войнах. Но само обличение московским хими-

ком продолжающихся усилий в направлении "совершенствования" оружия массового уничтожения заставляет вспомнить гражданские акции покойного академика Сахарова.

И здесь возникает крайне серьезный вопрос. В современную эпоху статус "сверхдержавы" поддерживается главным образом и преимущественно за счет новейшего и самого совершенного вооружения. Отказ от участия в "гонке вооружений" автоматически выводит страну из первых рядов государств, ответственных за судьбы мира. Это должно быть ясно всем. То, что сейчас происходит в России, "разоружающейся" до исподнего - есть еще одно, и едва ли не самое красноречивое, доказательство ее полной и добровольной капитуляции перед вчерашним (и всегдашним) противником.

При таких условиях ностальгически звучит признание *былых* заслуг академика Сахарова - действительно, внесшего существенный вклад в укрепление военно-стратегического потенциала СССР. Нужен ли будет такой потенциал будущей России? Избирая пути "рынка", Россия неизбежно становится в ряд со всеми прочими странами и оказывается вынужденной *наращивать* свой военный потенциал.

Или же у России - иное предназначение? Сумеет ли она выпрямиться, подняться до такого предназначения? Снова, как никогда, эхом отдается в нас грозное вопрошание Вл. Соловьева, прозвучавшее сто лет назад:

О, Русь, в предвиденьи высоком
Ты мыслью гордой занята;
Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

В. Осипов

Недоумение

Годы бедствий не вытеснили из памяти замечательные слова митрополита Виталия, первоиерарха Русской Православной Церкви за границей: «Злые силы столько потрудились, чтобы сокрушить православную русскую державу, что для них возрожденная Россия - это ночной кошмар с холодным ледящим потом... Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя русского возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона и Гитлера» ("Письмо молодым людям России").

Увы, сегодняшний Гитлер оказался удачливее. Злые силы сумели-таки расчлнить великую державу, довести народ до края нищеты, а молодежь подтолкнуть к обрыву над бездной. И на этом черном поприще немало потрудились средства массовой информации, которые сегодня большей частью принадлежат тем, для кого возрожденное Отечество наше - ночной кошмар с ледящим потом. "Огонек", "Московский комсомолец", "Собеседник", "Комсомольская правда", "Известия", русскоязычное телевидение использовали горбачевскую гласность для глумления над русской историей, над нашим, якобы рабским и непутевым народом, для очернения "имперского" мышления, государственности, вековой морали, духовности. Этот лагерь требовал ограничить влияние Православия.

Статья перепечатывается из газеты "Отечество" (С.-Петербург. 1992. № 14).

Тем более горько было узнать, что лучшие представители русского Зарубежья, посланцы митрополита Виталия, проведут свою пресс-конференцию 13 ноября 1992 г. в редакции журнала "Огонек", даже название которого при Коротиче стало символом воинствующего нигилизма и русофобии. Люди считающие вместе с Булатом Окуджавой само понятие "патриотизм" изменным и животным, кошачьим чувством; люди, ликующие по поводу расчленения России, заполнили более чем на три четверти конференц-зал. Им по преимуществу зачитывал послание митрополита Виталия владыка Иларион. Оно, как небо от земли, отличалось от цитированного выше "Письма молодым людям России".

«Я был чрезвычайно огорчен последними событиями...» Что ж, есть чему огорчаться сегодня. Цветущий славянский город Бендеры на глазах всего мира превращен в руины. Русских убивают в Приднестровье, в Чечне, Ингушетии. Полыхает война в Абхазии... Усиливается сегрегация русских в Прибалтике. Однако, как выяснилось, речь идет не об этом. Митрополит Виталий чрезвычайно взволнован собранием в Марфо-Мариинской обители в Москве, где паства Зарубежной Церкви объясняла причины своего посещения редакции "Комсомольца".

Русская православная Церковь за границей торжественно объявила, что не имеет никакого отношения к «налету отряда "Память"» на редакцию этого бульварного листка. А почему Архиерейский Синод и Собор должны непременно давать объяснения по этому рядовому, будничному эпизоду? Разве отпор вызывающей пропаганде бесстыдства и порока, чем ежедневно занимается "Московский комсомолец", должен быть особо санкционирован? Разве сама Зарубежная Церковь не обвиняла Московскую Патриархию именно в молчании по поводу вакханалии перестроечного аморализма? Возмущенные читатели явились в редакцию и заявили протест. В чем здесь криминал? И почему по этому поводу необходимо посылать представительную деле-

гацию для оправдания? "Московский комсомолец" и по сей день не намерен оправдываться за свою погромную статью "Я пришел лишить вас слова" (Рондарев и Горелов - № 184 от 26.9.1991), где призвал к физической расправе с инакомыслящими и запрещению всей патриотической печати.

«Мы ничего общего не имеем ни с какой политической партией, фронтом или движением». Когда проносились эти слова, известный политический деятель, православный священник Глеб Якунин сидел рядом. Он был представлен как один из организаторов пресс-конференции. Трудно сейчас в России найти более политически активного человека, чем отец Глеб. Да и протоиерей Виктор Потапов, спутник владыки Илариона, в своих "размышлениях", розданных журналистам, не только не осуждает, но с огромным почтением характеризует деятельность батюшки. Значит, нежелание, чтобы «наши церковные ризы смешивались с политикой», касается отнюдь не всякой политики, а лишь той, которая противоположна устремлениям огоньковской публики. «Ошибкой» названо также участие священнослужителя Зарубежной Церкви 22 мая 1992 г. в «политическом шествии на автомобилях» в Москве.

Ваше Высокопреосвященство! Но ведь это был крестный ход с хоругвями и иконами по случаю именин Царя-Мученика Николая Второго. Разве Зарубежная Церковь не упрекает Московскую Патриархию как раз в том, что та до сих пор не канонизировала последнего русского Государя? Или Архиерейский Синод и Собор Русской Православной Церкви за границей изменили свое отношение к Царю Николаю? Мероприятия "Памяти" не являются в строгом смысле слова политическими. "Память" не участвует ни в Российском Народном Собрании, ни в Русском Национальном Соборе, ни в других подобных объединениях. И, видимо, не в "Памяти" дело.

Действительно, в документе "Пути духовного обновления России", распространенном на пресс-конферен-

ции, говорится о двух главных формах русского патриотизма: "Один патриотизм Достоевского, Аксакова и других славянофилов. Другой патриотизм Каткова, Победоносцева и других государственников». Зарубежная Церковь заявляет, что «вторая форма» патриотизма ей чужда. Трудно понять, чем принципиально отличается от Победоносцева Достоевский или Константин Аксаков. Однако заявлено, что патриотизм "государственников" неприемлем. Если это так, то это уже принципиальная позиция с далеко идущими последствиями. И заявляется она в момент катастрофы, когда у нашего народа отнята всякая государственность, когда страна расчленена на этнократические деспотии, а ее обрубок в виде Российской Федерации стал аренной анархии и беспредела, аренной поправки ценностей Святого Православия.

Заявление заканчивается просьбой «нас простить» за ту беседу, текст которой «недостойно» поместила «без ведома» Первоиерарха газета "День". Ни от одного русского человека не слышно было какого-либо недовольства данной беседой. Непонятно, перед кем же тогда просит прощения митрополит Виталий? Перед единомышленниками Булата Окуджавы?

Кто-то из присутствующих сказал: «Это же сергианство наизнанку». И в то же время как бы извинительное отношение к "Московскому комсомольцу". Даже термин, употребленный этой аморальной газеткой - «налет» - использован в заявлении митрополита Виталия. В течение почти двух часов ни у владыки Илариона, ни у суздальского епископа Валентина, ни у священников Виктора Потапова и Глеба Якунина не нашлось ни одного слова осуждения в адрес газеты "Московский комсомолец", едва ли не самой циничной и бесстыдной, едва ли не самой нечистоплотной по части распространения порнографии и порока. На это указывали отдельные журналисты-патриоты, сумевшие все же попасть в помещение "Огонька". «Неужели вас не беспокоит, - сказал Юрий Бондаренко, - тот факт, что вас поддерживают органы русофобии?». Журналист

Никитин от имени паствы Северо-Западного благочиния юрисдикции Зарубежной Церкви в России выразил горькое сожаление: «А ведь мы ожидали увидеть национально мыслящих пастырей...». Владыка Иларион смущенно отметил: «Нас заставили обстоятельства. Это приняло такие грандиозные масштабы»...

Что же, можно посочувствовать: издающееся в США антирусское "Новое русское слово", да и местная англоязычная пресса Уолл-стрита используют любой повод для раздувания истерии, для возбуждения ненависти к нам. Видимо, митрополит Виталий и епископ Иларион были дезориентированы свистопляской в американской печати. Но ведь епископ Валентин, живущий в России, прекрасно разбирается в обстановке. Он-то знает, кто есть кто. Знает, кто сеет порнографию и русофобию, кто болеет за Отечество. Знает и, видимо, умышленно подставил Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей в ложное положение, представив митрополита Виталия союзником русофобов.

Кстати, епископ Валентин отлично осведомлен, что антихристианин Емельянов не имеет никакого отношения не только к "Памяти" Д.Д. Васильева (последнего он люто ненавидит за исповедание Православия), но вообще - к православно-патриотическому движению в стране. Емельянов, в частности, в июле 1991 г. поместил донос в "Независимой газете" на Союз "Христианское Возрождение", собиравший подписи верующих за канонизацию Царя-Мученика Николая Второго, и по его доносу министр внутренних дел Пуго приказал тогда разогнать пикет ХВ у Елоховского собора. Тем не менее епископ Валентин в своем заявлении ссылается на Емельянова как на представителя православно-патриотических сил.

Непонятно также, почему Архиерейскому Синоду понадобилось в данном случае еще раз «осуждать антисемитизм». Разве "Московский комсомолец" - орган хасидов? Разве за национальную или вероисповедную принадлежность упрекал "комсомольцев" священник Олег Стеняев? Нет, он упрекал их за разжигание на-

циональной розни в стране, за русофобию и порнографию! При чем здесь евреи и еврейский вопрос? К чему эти провокационные натяжки? К слову сказать, почему ни одна "плюралистическая" газета не возмутилась серией налетов хасидов на Румянцевский музей ("Ленинскую библиотеку")? Те учинили форменный дебош в книгохранилище, испражнялись на нем в буквальном смысле слова, избили милиционера и все это им не только простили, но даже постарались не заметить!

Горько и больно, что митрополита Виталия, известного ранее в качестве истинного патриота России, так грубо и жестоко сделали "крайним", так хитроумно противопоставили православно-патриотическому движению на Родине. Большого ущерба для репутации Русской Православной Церкви за границей, чем эта "подставка", трудно представить.

Москва, 1992 г.

* * *

Священник Т. Сельский

Почему же молчит Церковь?

*О некоторых "комплексах"
нынешнего православного сознания*

В последнее время все чаще слышится этот призыв и вопрос к Церкви: страна погибает, народ истребляется, вера подвергается поруганию, почему вы молчите, владыки и батюшки, где среди вас Ермагоны, Серафимы, Иоанны Кронштадские? Вопрос не так прост, чтобы в ответ на него просто достать из папки газету

"Московские новости" или "Еврейскую газету"¹ и показать некие, самые популярные ныне в церковной среде, публикации. Такой вопрос, к сожалению, к личности не сведешь. Дело в том, что само нынешнее церковное сознание во многом воспитано на чрезвычайно нецерковных и даже подлых идеях, которые облечены в удивительно красивую, гладкую и вроде бы церковную личину. Постараемся в меру своей скудости как-то понять и раскрыть их.

Во-первых, мы чрезвычайно неправильно понимаем заповедь Спасителя о любви к врагам². Господь, повелевая получившему удар по одной щеке обратить к обидчику и другую, никак не разрешал помогать тому, кто оскорбляет Его Самого. Сказано: любите врагов *ваших*, но не врагов Господа. Я нисколько не призываю к ненависти к кому-либо, даже к врагам Христовым, их тоже можно пожалеть как уготовивших себе величайшее адское мучение и здесь, и после смерти. Но помогать им в глумлениях над верой, покрывать их гнусные дела, оправдывать эти дела, изощряясь во всяких ложных мудрованиях - это преступно по отношению к Богу в первую очередь, а во вторую очередь - и по отношению к ним самим, если они только не до конца еще сожжены в совести.

¹ "Московские новости" № 4, 26 января 1992 г., стр. 24: "Ваши пророки - наши пророки"; "Еврейская газета" № 1 (65), январь 1992 г., стр. 1-2: "Мы должны быть едино с иудеями" - выступление Патриарха Алексия II (Редигера) перед американскими раввинами 13 ноября 1991 г. в Нью-Йорке.

² "А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; ... А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас" (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 39 и 44).

С этим же связано наше неправильное понимание заповеди: "не осуждай"³. Говорящие это нередко сами, прокашлявшись или перекрестившись, сообщают нам некоторые пикантные подробности личной жизни наших архиереев, а потом покаются в этом на исповеди, и правильно сделают, ибо это их не касается. Но то, что сказано священником или епископом публично, в особенности перед нецерковной аудиторией - всегда произносится и воспринимается как от лица Церкви. Если мы исповедуем свою принадлежность к Церкви, то должны воспринимать это как сказанное от своего, нашего лица, тем более, если в таком выступлении затронуты принципиальные вопросы и есть прямые указания, что "Церковь понимает так". Потому, если мы не осудим гласно и публично, торжественно и однозначно перед Богом, людьми и ангелами какую-либо сказанную священником хулу на Бога и на Христа Его, то это будет означать наше личное участие в богохульстве.

Грех богохульства страшен. Нет ничего более приятного для демонов, чем хулить своего Творца или Владыку. Сугубую же радость дарует им богохульство, сказанное священнослужителем, в особенности же, если сказанное выдается за голос Церкви. Тут уж радости их нет предела: и само по себе богохульство приятно, и высота погибающего иерея Божия так льстит их бесовскому тщеславию: вот, мол, и его одолели.

В древних житиях святых рассказываются несколько случаев, как смрадный, черный, противный и страшный бес приближался в чувственном образе к человеку, как-либо согрешившему, хлопал его по плечу, называл братом, говорил, что очень скоро, мол, мы вместе с тобой будем, лез к человеку обниматься и целоваться, обдавая его смрадным духом. Никто из людей в таких

³ "Не судите, да не судимы будете; Ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить" (Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 1, 2 и далее).

случаях не испытывал ничего, кроме страха, омерзения и отвращения, люди отбивались, молились, призывали на помощь Господа и всех святых, а потом горько плакали о своих грехах, из-за которых подвергались такой напасти. Никому из них не пришло бы в голову согласиться с этим омерзительным существом, которое назвало себя другом и братом. И естественно, если бы кто из христиан оказался бы рядом в этот момент, он приложил бы все усилия, чтобы хоть как-то помочь брату освободиться от крепких объятий незванного гостя, пусть при этом пришлось бы несколько шлепнуть несчастного грешника, лишь бы не отдать его врагу.

Теперь представьте себе, что не простой человек, а ваш пастырь, не насильно, а добровольно подвергает себя такой вот экзекуции, называя братом если не самое это чудовище, то, по крайней мере, его верных чад: своего Отца небесного совершенно сознательно путает с их отцом⁴. А вы сами не просто стоите и спокойно на это смотрите, но и обнаруживаете себя самих в объятиях демонских и никак не пытаетесь освободиться от них, потому что это, мол, невежливо по отношению к старшему. Не безумно ли, простите, вы поступаете? Не следовало бы, напротив, приложить все усилия, чтобы и самим вырваться и ему помочь? А если, кроме вас двоих, в этих же смрадных "любовных" объятиях дьявола находится почти вся Церковь, Невеста Христова? Неужели вы не пожалеете даже ее? Вот до какого абсурда можно довести заповедь "не осуждай", если понимаешь ее неправильно.

Еще одно повреждение нашего церковного сознания можно было бы кратко назвать "синдром маневра". Заключается оно в том, что ради пользы и блага Церкви мы считаем вполне допустимыми и законными

⁴ "...Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 44 и далее).

разного рода компромиссы и сделки с врагами ее, называя это маневром перед лицом врага, необходимым для сохранения видимой церковной организации и возможности богослужения и проповеди. Отчасти эти рассуждения имели какой-то резон в страшные 1920-1930-е годы, но никак не сейчас. Кстати, и тогда никто из иерархов, маневрируя, не договорился до того, чтобы путать Бога с дьяволом и брататься с чадами последнего. И что получается в результате? Не что иное, как потеря множества душ для Церкви и для Царства Божия.

Простой религиозный или даже не религиозный, но по-человечески честный человек, далеко не всегда понимает цель хитроумного маневра, видя в нем самое обычное лицемерие и равнодушие, а оно - увы - не привлекает к себе никого, оно противно и гадко, и никуда от этого не деться. Доходит до того, что люди начинают шарахаться от всяких публичных выступлений духовенства, многие уходят в ведение Зарубежного Синода (это еще неплохо), а то и вообще в какую-нибудь ересь или секту, называя официальный "Журнал Московской Патриархии" (ЖМП) - "жидо-масонским проповедником". Подчеркнем, что так поступают как раз люди не бездуховные, а внутренне религиозные, бескомпромиссные в вопросах совести. Маловеры, обрядоверы, приспособленцы и лицемеры как раз останутся, никуда из Церкви не побегут, а все будут внушать нам свое излюбленное: "не осуждай, смотри за собой, послушание паче поста и молитвы, нечего гордиться и ставить себя выше епископов" и проч.

Так что, в смысле количественного приращения Церкви, от такой политики вред очевиден. Но гораздо больший вред от нее именно качественный. Вместо заповеди Божией мы привыкаем повиноваться "послушанию человеческому"⁵, вместо страха Божия, приобре-

⁵ "Должно повиноваться больше Богу, нежели человеку" (Деяния Апостолов, гл. 5, ст. 29).

таем "страх иудейск" и в конечном счете остаемся не с Господом. Ведь на кого мы возложили надежду, тот и будет нам помогать, перед кем каемся, тот и будет судить нас и указывать свою волю. Кто же, простите, это будет: Бог, епископ, отрехшийся от него, или вообще раввин или цадик?

Великая вещь - иерархия и сознательное послушание как основа ее. Только всегда надо помнить, *кто* стоит на самой вершине иерархии. Если вся иерархическая пирамида не будет своей вершиной закреплена в Небесной тверди, то она опрокинется, разобьется и передавит всех, кто был на ней или под ней.

Наконец, еще одна наша болезнь, еще одна наша неправда заключается в том, чтобы объявить всякое покушение на Христову истину личным грехом того, кто покусился. О, если бы это было так просто! На самом-то деле получается противоречие: если потвоему, твой священник или епископ сказал публично какую-то ложь, а ты считаешь это его личным грехом, не имеющим к тебе никакого отношения, то почему же ты остаешься в полном и безоговорочном послушании ему? Почему свидетельствуешь о нем в богослужении, что он "право правит слово Христовой истины"? Почему не засвидетельствуешь ему, что он ошибается? Зачем поносишь как врага Церкви того, кто не хочет мириться с ложью и погибелью многих душ, принявших эту ложь? Если солгавший на Бога не имеет к тебе никакого отношения - так и не знайся с ним, чего проще!

Многие святые прошлого предсказывали массовое отступление духовенства от Христа перед пришествием антихриста. Это автоматически означает, что рано или поздно перед нами станет выбор: или епископ, или Христова Церковь, в противовес обычному правилу: "Где епископ - там Церковь". И надо же наконец понять, что с солгавшим епископом, с похулившим Бога епископом Церковь пребывать не может, ибо она Святая. Церковь состоит из громадного количества угодивших Богу человекoв, живших на земле за всю ее историю, и ныне

живущих не просто в нашем воспоминании, а живущих *реально*, и действующих в Церкви *реально*, ибо Бог не есть Бог мертвых, но живых⁶ и святые пред ним все живы.

У нас, к сожалению, пропало чувство реальности этой связи со святыми прошлого. Мы не замечаем, что, скажем, Св. Иоанн Златоуст, всем святым заклинавший никак не общаться с последователями религии христу-убийц - это *наш* епископ, имеющий реальное присутствие и управление в нашей Церкви. Мы не замечаем, что священномученик Владимир Киевский, всю жизнь борющийся с безбожной революцией и против отделения украинской Церкви - наш епископ, которого совсем недавно прославила вся Русская Церковь, не только Зарубежная. Мы не замечаем, что святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, умоляющие свою паству как от огня бежать от всякой ереси - это тоже наши владыки, с которыми мы обязаны состоять в каноническом и евхаристическом общении. Список святых можно продолжать еще сколько угодно. Интересно, окажись все они вдруг в нашем храме видимо, стали бы они сослужить с тем епископом, который ошеломляет паству: "Мы должны быть едино с иудеями"? Не стоит ли и перед нами выбор: с кем мы вместе служим Богу? И если мы исповедуем свою солидарность с тем, с кем они едва ли обменялись бы даже приветствиями, то присутствуют ли они незримо на нашей службе? Так что, каждый имеет возможность выбора, с кем быть едино.

Часто Церковь обвиняют, что она, мол, молчит. А наше духовенство защищается: "Мы не молчим, мы молимся: Господи, спаси Россию". Зайдите в любой храм, вы услышите молитву "о властях и воинстве", то есть в данное время о Ельцине с Кокошиным. Слов "Господи, спаси Россию" вы ни на какой службе не услышите. Так

⁶ Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 32; от Марка, гл. 12, ст. 27; от Луки, гл. 20, ст. 38.

что наше духовенство не совсем молчит, оно действительно молится. Молится оно за покой души трех хулиганов, не имеющих к Церкви никакого отношения даже по крещению, молится оно за то, чтобы даровал Господь уничтожаемому народу терпение, чтобы умирал спокойно. Не молилось оно за власти только в три исторических августовских дня, прекрасно понимая всю фабулу этого позорного фарса, не молится оно и за многих христиан, гонимых и убиваемых в Сербии, в Приднестровье, в Осетии и по всем концам отечества нашего.

Другое дело, что кто так молится, тот едва ли даже сам принадлежит внутренне к Церкви, тем более, он никак не выражает ее настоящего сердечного вопля к Богу. Но - увы - это тоже далеко не всем очевидно. Не всякому ясно, кто именно может говорить от лица Церкви, выражая ее чаяния, ее боль и ее скорбь. Мы привыкли, к сожалению, смотреть по одежке и спрашивать по-армейски: "Кто старший?", чтобы этот старший отвечал один за всех. А в Христовом-то воинстве не совсем так, ибо каждый ответит за себя сам, в первую очередь, а потом уж и за тех, кого обманул или же кому помог найти верную дорогу.

Нам нередко возражают: мы живем в заминированном доме, одно неосторожное слово или движение наших иерархов - и конец. Совершенно верно. Живем в таком океане лжи, что любое самое малое слово двусмысленности может сделаться настоящим отречением от веры и предательством - и тогда уже действительно конец. Будем же предельно бдительны к себе, к своим словам и молитвам, чтобы не прогневать как-нибудь... не раввина, нет, - Господа, и не взорвать таким образом все здание своего спасения и спасения ближних.

Россия, 1992 г.

Обращение

*Мелхиседека, архиепископа
Екатеринбургского и Курганского*

В Городской Совет,
в средства массовой информации

В течение последних двух-трех лет в печати появляются сообщения о предполагаемом строительстве в городе Екатеринбурге так называемого мемориала жертвам сталинских репрессий. Сейчас встал уже вопрос о финансировании этого проекта из городского бюджета. Во всех публикациях о строительстве говорится как о деле уже решенном, хотя никакого обсуждения этого проекта в городе не производилось. И вот теперь администрация города просит Городской Совет профинансировать проект, все последствия которого не исследовались и даже не обсуждались.

Не о финансовой, а о духовной стороне проекта мне хотелось бы высказаться, поскольку я перед Богом, Церковью и народом ответственен за духовное наставление и духовное здоровье людей, живущих в Екатеринбургской епархии. Забота о мертвых нужна не мертвым, а живым, ныне живущим и будущим поколениям. Именно забота о мертвых и память о них есть одна из тех нерасторжимых нитей, которые связывают поколения в единое соборное целое, делая их единым цельным народом.

Памятники мертвым сакральны по своему смыслу более, чем другие предметы духовной культуры, они сосредоточивают в себе духовные, причем именно культовые, традиции народа и настолько специфичны, что для археологов, к примеру, служат надежным отличительным признаком какого-то конкретного народа. Поэтому памятники мертвым являются нерастор-

жимой частью народного духа, а не предметом специфических изысканий и средством самовыражения художника, и их возведение не может быть дозволено произволу чиновников.

Зададимся вопросом: культурные традиции какого народа, сакральную практику какого народа представляет "дар" художника Неизвестного? Мы не знаем такого народа! - если не считать отдельным народом отдельных художников в сговоре с отдельными чиновниками.

Возведение памятника с такими художническими изысками, не укорененными ни в какой духовной традиции, столь же неуместно и оскорбительно, как, к примеру, празднование фестиваля на кладбище. Этот памятник оскорбляет религиозные чувства любого народа, любой конфессии, которые оказались жертвами тоталитарного геноцида. Особенно кощунственно оскорбляет он память и религиозные чувства православных христиан, и не только потому, что среди жертв православные составляют абсолютное большинство (никак не менее 90%), но потому, что среди жертв канонизированные святые Новомученики и Исповедники Российские, во главе со святым благоверным Царем-Мучеником Николаем Вторым Александровичем. Святой Царь пока не канонизирован Патриаршей Церковью, но он является месточтимым святым как раз в Екатеринбурге, и мы, жители города - свидетели массового церковного почитания Его, Его августейшей семьи и сонма святых Новомучеников Российских.

В русской православной традиции единственной канонической и традиционной формой памятника убиенным является Храм, Часовня или Крест. Городской Совет уже утвердил проект строительства Храма-памятника, и уже развернулись работы по его созиданию, причем на это у города не взято ни копейки. Православные сами, на свои деньги, а не на деньги налогоплательщиков, возводят памятник, согласно своим ду-

ховным традициям. Ни сам памятник, ни способ его создания, не может оскорблять верующих иных конфессий.

Памятник "дарованный" не отвечает духовным традициям, а является частным делом самого художника и тех чиновников, которые хотят нам его навязать, он может быть размещен на частной территории и построен на частные средства, а не на средства налогоплательщиков.

Другой немаловажный вопрос - это вопрос названия или посвящения памятника: "Мемориал жертвам сталинских репрессий". Из посвящения следует, что либо, до сталинских, репрессий не было вообще, либо жертвы досталинских репрессий не заслуживают памяти.

Из истории, из материалов, и неопубликованных, и доступных желающему их прочесть, известно, что в первые годы с 1918-го по 1922-й, относящиеся как раз к "досталинским", репрессии носили несравненно более массовый и жестокий характер, чем в "сталинские" годы. Такое посвящение памятника делает его еще более неприемлемым.

*Мелхиседек, архиепископ
Екатеринбургский и Курганский*

25 января 1993 г.

От редакции.

Еще в 1990 году между Горисполкомом тогдашнего Свердловска и проживающим ныне в США скульптором Эрнстом Иосифовичем Неизвестным был заключен договор (при активном содействии общества "Мемориал", к которому был тогда близок Б. Ельцин) о сооружении в городе "монумента"; о нем-то и пишет владыка Мелхиседек. Автор проекта сделал могучую модель в натуральную величину, и сейчас на сибирском карьере ускоренно идет изготовление каменных блоков пятнадцатиметрового идола. Растет недовольство горожан этой затеей; отрицательное отношение к "памятнику" высказала областная ассоциация жертв политических репрессий, предложившая объявить открытый конкурс на проект монумента.

Авторитетное послание владыки Мелхиседека (который минувшим летом остановил своим словом объявленный в Екатеринбурге "шоу" - "бал сатаны") - это голос Церкви и православного народа. Следует обратить внимание на следующий факт: владыка Мелхиседек заявил о том, что святой благоверный Царь-Мученик является *месточтимым святым*, и не ограничился этим заявлением: 7 февраля 1993 года в день, поминаемый Зарубежной Церковью как день святых Новомучеников и Исповедников Российских, архиепископ Мелхиседек сам отслужил литургию в Воскресенской Церкви, за которой последовал крестный ход до Царского Креста и молебен Новомученикам.

Новая книга в продаже:

Ю.В. Измestьев. "РОССИЯ В XX ВЕКЕ"

(исторический очерк)

Издательство "ПЕРЕКЛИЧКА", Нью-Йорк, 1990, 456 стр.

Уникальное, беспристрастное пособие для изучения событий между 1894 и 1964 гг. Недавно посетивший Нью-Йорк академик Д.С. Лихачев высоко оценил значимость этой книги. 204 подразделений в оглавлении, свыше 700 фамилий в алфавитном указателе, указатель источников. Выписывать в издательстве:

Mr. George Schidlovsky, "Pereklichka"
2 Carman Place, Glen Head, NY 11545, USA
Phon: (516) 759-1328

Стоимость: 25.00 \$ (включая пересылку)

Чеки выписывать на: Association of Russian Cadets, Inc.

"Postal money order" выписывать на: Mr. George Schidlovsky

Доход используется на покрытие расходов
по пересылке этих книг в Россию.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

П. Паламарчук

Пламенная любовь

Памяти С.А. Нилуса

19 ноября 1992 года, в день, когда Русская Православная Церковь празднует память преподобного Варлаама Хутынского - святого, много трудов положившего за единство нашего государства, в Петрограде Дом ученых принял в своих стенах первый Всемирный конгресс "Близ есть при дверех", посвященный знаменитой одноименной книге русского писателя-подвижника Сергея Александровича Нилуса, где были преданы широкой печати известные "Протоколы сионских мудрецов". Заседания велись в духе соборности и благомыслия, большинство участников сознавали, что отечественные исследователи не могут себе позволить истерик или людоедских криков. Жители города на Неве, попав в сходное с первопрестольной состояние, наконец согласились, что у страны две головы, как у государственного герба, но сердце единое - это столетие назад понимал даже Герцен.

Конгресс решено сделать постоянно действующим предприятием. Он зарегистрирован правящей властью. (Предлагаемый ниже текст - выступление на конгрессе московского участника, кандидата юридических наук П.Г. Паламарчука. - *Ред.*)

*

Лет десять тому назад мне случайно - хотя, надо думать, ничего случайного на свете нет - попался отпуск (как раньше называли то, что нынче именуется иноземным словом "копия") воспоминаний М.В. Орловой-Смирновой, дочери священника Василия Арсеньевича Смирнова из села Крутец, у которого прожил последние дни и скончался Сергей Александрович Нилус. Теперь тайны нет и в том, что достался он от отечественного любомудра Виктора Николаевича Тростникова, начавшего печатать свои богословские труды в "Метрополе", а затем на шестом десятке лет отправившегося прямиком с профессорской кафедры на должность разно-рабочего в Данилов монастырь. Тогда же мы вместе с его добрым знакомым - наисекретнейшим ракетным ученым, но одновременно совершенно русским в душе человеком - отправились искать могилу замечательного писателя.

Оказалось, что Крутец сейчас уже стал окраиной города Александрова. Храм, подле которого был похоронен Нилус, снесен дочиста. Впрочем, в воспоминаниях дочери приходского батюшки, написанных около 1980 года, когда от церкви все-таки оставались следы фундамента, это уже сообщено; там же указано и как искать место захоронения - "у южной стены колокольни, у придела во имя святителя Николая, против правого клироса, где была большая икона преподобного Серафима". Мы долго топтались зимним коротким днем на снегу, да так и не нашли бы искомого, когда б не привелось познакомиться с *последней* старожилкой, которая еще помнила Сергея Александровича и жену Елену. Ее изба выходила окнами как раз на туда, где стояли и церковь, и надгробие; она рассказала нам кратко о них почти в тех же определениях, которые содержатся в названных записках. На память об этом счастливом посещении осталась покуда что только фотография. Крест на могиле так по сю пору и не восстановлен. А давно бы пора.

Другим неслучайным случаем для занятий произведениями Сергея Александровича послужил отрывок, помещенный на самых последних страницах в книге "Письма Царской семьи из заточения". Сейчас ее нет под рукою, но суть слов Государыни-мученицы такова: всего за несколько дней до расстрела она пишет, что начали читать книгу "Близ есть при дверех"; насколько точно в ней предсказано то, что сбылось, и как жаль, что она не попала нам в руки гораздо раньше...

Несмотря на все старания стереть память об этой работе у соотечественников, вместе с другими трудами Нилуса, переиздаваемыми теперь Троице-Сергиевой Лаврой при усердном содействии кропотливого исследователя Александра Николаевича Стрижова, "Близ есть при дверех" находится нынче в руках у десятков тысяч наших сограждан. Следует постараться и о том, чтобы ныне живущим поколениям не пришлось вновь горько сетовать на то, что слова ее прозвучали для нас слишком поздно.

Наконец, третье путеводительное происшествие, которое вызвало к жизни название данной статьи. Прошлым годом, как раз в пору позорного "недоворота", мне довелось побывать в Буэнос-Айресе (что переводится как "Божия Матерь благорастворения воздушных") на Всезарубежном съезде русской православной молодежи. Для тех, кто любит хвастаться зарубежными путешествиями, а равно и завидующих, придется уточнить: русские соотечественники в изгнании, если они действительно наши, никакими богатыми средствами не обладают, и все расходы желающие встретиться должны нести сами. Но опыт общения с представителями первой и второй волны русского исхода вообще не имеет цены.

Так вот, улетая домой в Преображение Господне, довелось получить в дар единственное на потребу - кипу русских журналов и книг, среди которых было и редчайшее издание: выпущенная в 1937 году в Нью-Йорке тонкая тетрадка под названием "Пламенная лю-

бовь. Памяти С.А. Нилуса". Подзаголовок ее гласит: С приложением новой рукописи С.А. Нилуса - Послесловие к 5 изданию "Близ есть при дверех". Но имени автора в тексте нет. Есть только косвенное указание: копирайт и "Склад издания P. Georges. 345 East 19 Street, New York, N.Y. USA"; цена 15 центов. Впрочем, по моему понятию, это не оригинальное издание, а анонимный репринт - он выглядит похожим на джорданвилльские книжки 1960-х годов. Насколько известно, брошюра эта весьма редка, она отсутствует в большинстве даже крупнейших библиотек мира. Поэтому отважусь кратко рассказать о ее главном содержании, ибо оно имеет прямое касательство к вопросу, который нас здесь собрал. Тем более, что послесловие Сергей Александровича было написано в промежутке между февральским и октябрьским переворотами 1917 года, а издание так и не появилось в свет.

Известно, что четвертый вариант "Близ есть при дверех", выпущенный в том же году, был уничтожен правительством Керенского. В моей домашней библиотеке его нет - приходится довольствоваться третьим, 1911-го, имеющим наименование "Великое в малом".

Издатель брошюры пишет, что ему удалось обнаружить рукопись в 1934 году. История ее такова. В конце 1917-го вдовствующая Императрица Мария Федоровна сообщила автору о желании прочесть его труд. У того после гибели тиража оставался лишь единственный собственный экземпляр, который он и направил августейшей читательнице. Он был изучен и возвращен родственнице Сергея Александровича, служившей посредницей в переписке, которая уехала из Крыма во время общей эвакуации и скончалась во Франции в 1925 году. В вывезенную ею книгу и был вложен подлинник послесловия. Составитель предполагает, что, посылая книгу Государыне, Нилус имел надежду на выпуск пятого издания взамен пропавшего четвертого - но она не нашла осуществления. Известно, впрочем, что работа была воспроизведена без его ведома в Ростове-на-Дону

в 1920 году. Это редчайшее издание видеть вряд ли кому удалось; во всяком случае, там названного послесловия не было.

Нужно заметить, что издатель рукописи - человек не только крайне бережно отнесшийся к доставшейся ему реликвии, но и чрезвычайно внимательный исследователь. Достаточно указать на то, что он еще за несколько лет до второй мировой войны сумел точно предсказать ее судьбы, и в особенности раскрыть ложность истовой приверженности на Западе как левых хулителей, так и правых сторонников Нилуса, искавших в "Близ при дверех" только подтверждения своих сиюминутных политических видов.

«Долгое время, - пишет он, - у книги не было людей, способных дать ей государственное значение. Сочувствие предреволюционных властвующих русских кругов было вяло и бездейственно. Лучше поняли книгу ее враги. Эти враждебные силы быстро организовали истребительную борьбу против столь слабого, как казалось всем, нового явления. Но их сила и наглость не могли одолеть беззащитного произведения.

Фашистская Германия, можно сказать, выросла именно на книге Нилуса. И здесь впервые она нашла государственную защиту. Противная сторона, пользуясь послевоенными своими завоеваниями, решила поставить книгу на своего рода мировой суд, каковым стал Бернский процесс. В связи с этим процессом на Нилуса врагами выливались целые потоки лжи, самой грубой и беззастенчивой. Но обе эти силы - и германский фашизм и мировое еврейство, и защитники и враги - одинаково не понимали книги... Противники еврейства, в лице Германии, мечтающие парализовать его только политикой или воскрешением старого язычества и этими способами надеющиеся одолеть иудейское богоборчество, не менее заблуждаются, чем и сами евреи. Одно только политическое понимание Нилуса есть полное непонимание... Германия не понимает и не поймет потому, что она чужда Православия; ее увлечение непроч-

ное и ошибочное, чисто внешнее. Не для этой почвы посеяно благодатное слово!

Книга написана для Православной России, которая в свое время, покаившись и очистившись от мерзости греховной, примет ее и сделает все, чему она учит православного человека. Работа Нилуса прежде всего православная и вне православия ее никому не понять. Сорвался на ней американец миллионер Форд, сорвутся на ней и увлекшиеся ею гитлеровцы, столь далекие от православного духа и учения. А для понимания Россией время пока еще не пришло. Но несомненно придет».

«В высшей степени удивительно и знаменательно, - уточняет далее составитель брошюры, - что книга, написанная не для политики и не по политическим мотивам, с первых же дней своего появления на свет произвела чрезвычайное политическое действие и производит его до сих пор, при том в масштабе мировом. К этому делу прикоснулись и Форд со своими миллионами, и Гитлер со своей государственностью. Но чувствуется, что они не того духа. Сходство имеется только чисто внешнее...»

Он еще и еще раз подчеркивает: «Никакой политики и партийности у Нилуса нет, а есть только духовность... Знаменательно, что сама книга делает свое дело как-то незримо и не совсем постижимо, "идет своею дорогою", вполне самостоятельно. Ее полное действие проявится в будущем лишь в той стране и народе, которые ее породили и одухотворили, то есть в будущей России, для которой она прежде всего и написана. В чем же дух этой замечательной книги? В ПРАВОСЛАВИИ».

Далее безымянный составитель сообщает чрезвычайно авторитетное для нас свидетельство о труде Нилуса великого святого нынешнего столетия преподобного Иоанна Кронштадтского, который прямо сказал: "Печатай, книгу будут читать и покупать". Причем слова эти были произнесены в феврале 1906 г., когда Россия была покрыта мраком бунтов и революций. А два года спустя он говорил общей знакомой о супругах

Нилус: "Передай, что я их крепко люблю. Хорошо Нилус пишет. Я с великим удовольствием прочел его сочинения. Его сочинения чистый алмаз".

Автор указывает, что до своего обращения Сергей Александрович был убежденным либералом, выделяя даже это слово жирным шрифтом. А возродился он под воздействием благодати, в особенности через чудо отыскания знаменитой теперь беседы преподобного Серафима Саровского с Мотовиловым о цели христианской жизни.

Это преобразование составитель почитает главным событием в жизни своего героя: «Вот что такое Нилус как личность. Русский Савл. И он, конечно, не единственный. Наоборот, пора уже внести поправку в ходячие представления об интеллигенции. Мы привыкли видеть только темные стороны ее истории: безбожие, нигилизм, революционность. Все это, конечно, печально, но есть и отрадные стороны: и их-то нельзя упускать из виду, дабы не погрешить в окончательных заключениях. Пора о наших Савлах интеллигенции говорить как о характерной черте ее развития. Победоносцев и Император Александр III из безнадежных либералов стали не только "реакционерами", но искренно православными людьми. Далее: террорист Лев Тихомиров довольно круто перешел к самодержавию и православию и написал, пожалуй, лучшую книгу в защиту самодержавия. Кроме таких политически и литературно видных людей были многие рядовые Савлы, или вот такие, как Нилус».

Тут он наконец приступает к первенствующей идее своего труда: «Главную сущность его личности составляла *пламенная любовь* к Богу и людям и совершенно нестяжательное житие до конца своих дней». При этом рассказывается совершенно, казалось бы, невероятный случай. Мы со школьных времен помним изречение некоего "классика" о том-де, что никто еще не видел плачущего большевика. Так вот дудки! Однажды какой-то комиссар, по своему дикому обычаю не снимая

шапки, ворвался к Нилусам с обыском; Сергей Александрович сам провел его по комнатам, а потом завлек в домовую церковь. Когда же супруга, обеспокоенная долгим коснением их там, заглянула в дверь, то увидела пришельца, рыдающего в объятиях прослезившегося хозяина.

При помощи этого ключа-символа сочинитель-издатель рассматривает и самый больной для кое-кого национальный вопрос, опять-таки стремясь подвести под мимотекущие страсти онтологическую основу: «Нилус написал православную книгу о спасении души от дьявольской тайны беззакония, а маловерующие в Бога пытаются превратить ее в обоснование погромной политики. Можно воспользоваться книгой Нилуса и для нее, однако политика при правильном к ней отношении совсем не противна благочестию. Но... для такого употребления книги Нилуса надо иметь в своем сердце его *пламенную любовь* к Богу и к человеку, совершенно независимо от внешних признаков. В частности, надо подойти с любовью даже и к... большевикам, как людям несчастным и заблуждающимся, помраченным тьмою князя мира сего. Нам это особенно трудно и понять, и принять, но любовь именно этого требует, а сам Нилус нам показал делом такую любовь, которою пробудил от сна помрачения несчастного человека.

Нет никакой необходимости доказывать, что Нилус от всего сердца любил и еврейский народ, хотя всем известно из Священного Писания, что, следуя за своими слепыми вождями, евреи стали предателями и богоубийцами (Деян. 7 : 52). Но не только злоба людей, а все силы ада побеждаются лишь любовью и смирением Христовым. Пора, наконец, понять, что именно этим и только этим духом написано "Близ есть при дверех". Надо быть беспристрастным и объективным, и своих личных симпатий и программ не приписывать Нилусу.

В политике должна торжествовать любовь и правда, - пишет автор в заключение, - что нисколько не исключает строгих мер и наказаний. Это нам трудно

понять, но без этого мы решительно ничем не отличаемся от большевиков. Вместо одной злобы и утопии насаждать другую злобу и утопию просто нецелесообразно: затрата на это сил и средств просто бессмысленна... с православной, конечно, точки зрения».

Само послесловие Нилуса несомненно заслуживает быть напечатанным полностью. Поэтому приведем только ключевые его положения.

«Книга моя о грядущем антихристе, в 4-м своем издании названная "Близ есть при дверех", вышла из печати в январе 1917 г.», - в первых же словах вновь возвращается к названной уже теме неслучайных случаев Сергей Александрович, - «а уже 2 марта того же года состоялось отречение от всероссийского престола за себя и за сына Царя Николая II... Что книгой моей предвиделось как возможность, стало совершившимся фактом. Удерживающий взят от православной русской среды. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать отъятие его в ближайшем будущем и от всех других монархических государств, не исключая и "победоносной" Германии с ее союзниками. Этому не миновать быть не позже того мирного и всемирного конгресса, которым должна закончиться все еще продолжающаяся, но уже близкая к своему заключительному моменту мировая человеческая катастрофа.

По слову св. ап. Павла и по святоотеческому преданию - это отъятие удерживающего представляет собою ближайший и главный признак, знамение наступления того времени, когда откроется беззаконник, пришествие коего, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения (2 Сол. 2 : 7-10)».

Отметим точность почти дословно сбывшихся предсказаний Нилуса и перейдем к заключительной части его рукописи. Она вновь обращает взор читателя к вопросу о том, что происходящее в мире непременно

имеет помимо внешнего и сокровенный, глубинный смысл: череда событий вершится в соответствии с промыслительной волей, и для внимательного ума всегда внятны соответствия преходящего с вечным. Послесловие оканчивается 2 ноября 1917 года по юлианскому счислению, то есть восемь дней спустя после декабрьского переворота. Сергей Александрович, следуя своему обыкновению, оканчивает книгу словами апостольского чтения, положенного к сей дате на службе:

«Чтый да разумеет. Выпуская в свет издание сильного труда моего и не питая надежды увидеть его в изданиях дальнейших по причинам, читателю понятным, заключаю его божественным глаголом первоверховного Апостола языков:

“О временах же и сроках нет нужды писать вам, братия, ибо сами вы достаточно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью. Ибо когда будут говорить ‘мир и безопасность’, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут. Но вы, братие, не во тьме, чтобы день вас застал как тать. Ибо все вы сыны света и сыны дня: мы не сыны ночи, ни тьмы. Итак, не будем спать, как прочие, но будем бодрствовать и трезвиться, ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же будем сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения, потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения, через Господа нашего Иисуса Христа (1 Сол. 5 : 1-8).

Ему же честь и слава и держава во веки».

... В древности у христиан был такой завет: при определении своего отношения к человеку спрашивали не как он жил, а как умер. И здесь в отношении Нилуса как помянутая выше рукопись дочери приходского священника, так и напечатанное в брошюре письмо с известием о смерти Сергея Александровича от 23 февраля 1929 г. содержат весьма разительные свидетельства.

Но прежде приведем из тех же записок М.В. Орловой-Смирновой чрезвычайно показательный отрывок, способный сполна развеять недоумения тех читателей, которые спрашивают: почему только за одно хранение Нилусовых книг можно было в первые годы большевицкого властвования запросто схлопотать расстрел; сам же он мирно скончался двенадцать лет спустя после позорного октября?

«Сергей Александрович рассказывал, что был арестован в Киеве и долго находился в какой-то очень строгой тюрьме, называвшейся "каменный мешок". Ему грозил расстрелом прокурор за то, что "Протоколы" переведены на иностранные языки. С.А. отвечал, что ни в переводе, ни в пересылке за границу он не участвовал и об этом ничего не знал. "Кроме того, - сказал он, - если вы меня расстреляете, то этим только докажете правильность написанного мною". "Вот в том-то и дело!" - стукнул кулаком по столу прокурор».

Согласно тем же воспоминаниям, в комнате у С.А. был образ преп. Серафима, где он был изображен согбенным и с палочкой. Сам он как-то сказал: "Вот, батюшка идет и указывает мне дорогу. Куда он приведет, там я и буду". И Господь привел Сергею Александровичу скончаться именно в навечерие для памяти преставления преподобного, 14 января 1929 года. Когда же в сам праздник дочери священника довелось читать в храме паремии, она запомнила из них такие слова, легшие точно в строку: "Скончался в мале, исполнив лета долга, угодна бо Господеви душа его... Люди не видеша и не разумеша, яко благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его".

А в донесенном безымянной книжицею письме, как можно догадаться - самой супруги покойного Елены Александровны - содержатся еще такие свидетельства: «Он явился во сне одному умирающему иеродиакону и много говорил ему о благодати Божией и о том, как легко умирать; никакого страдания, душа легко разлучается с телом. Этот бедный очень боялся смерти, и

всякая боязнь прошла после этого видения. Он был очень светлый и приятный... Еще милая Марина, дочь Филиппа Петровича Степанова, в самый день и час его кончины заснула после бессонной ночи при больном ребенке и во сне видела, что кто-то стучит в окно - встала, смотрит: муж и я стоим под окном и такое у него светлое лицо, как когда солнце освещает снег...»

Здесь как никогда к месту знаменитые слова Писания: "Честна пред Господем смерть преподобных Его".

В заключение отважусь высказать некоторую историсофскую догадку, имеющую прямое касательство к предмету нынешнего разговора. Многие уже в самые сытые времена застоя обращали внимание на те слова, которые приводит Нилус в неопубликованном послесловии: апостол Павел предупреждал, что гибель более всего способна настичь тогда, когда кругом начнут кричать о мире и безопасности. Исполнение их мы имеем несчастье наблюдать воочию. Не буду поминать имя сочинителя, но нам всем довольно долго талдычили присказку про то, что история повторяется: первый раз на уровне трагедии, а на второй - в виде фарса. Не так давно писатель Василий Белов поправил внука трирского раввина, сочинившего сей софизм, и сказал, что нынче мы на Руси также видим удвоение Февраля, но в первый раз он был трагедией, а теперь замахивается уже на Апокалипсис.

Представляется, однако, что дело обстоит несколько хуже. Периоды благоденствия, как и предсказанная пора конца видимого света, обладают определенной полнотой и своеобразной законченностью. Мы же живем не в последние, а в *предпоследние* времена, исполненные недостатков иных эпох, но не имеющие их преимуществ. Исследованию этого небывалого прежде явления имеет существенный смысл посвятить пристальнейшее внимание.

Москва, ноябрь 1992 г.

САТИРИЧЕСКИМ ПЕРОМ

А. Новопокровцев

О некоторых новых контекстах изучения поэтики И.А. Крылова

Название нашей работы подсказано - да и прямо заимствовано - у одного из авторов юбилейного номера журнала "Литературное обозрение", посвященного актуальнейшей теме включения творчества М.А. Булгакова в контекст "субкультуры русского антисемитизма".

Взглянув на предлагаемый список деятелей, подпитывающих вышеуказанную субкультуру (Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков и др.), можно понять, что сам термин избран не совсем корректно. Большим упрощением явилось бы поспешное отождествление этой антисемитской субкультуры с первым рядом русской классической литературы, или же просто с русской литературой как таковой, хотя такая мысль первой и приходит в голову, когда читаешь, что роман "Мастер и Маргарита" является "путеводителем по субкультуре русского антисемитизма"*, а последняя представляет собой огромный "архипелаг" (100). На самом же деле гораздо точнее было бы автору эврис-

Из новосибирской газеты "Северо-Восток" № 7, 1992.

* Золотоносов М. "Сатана в нестерпимом блеске...": О некоторых новых контекстах изучения "Мастера и Маргариты" // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 100. Далее страницы этого издания указываются в скобках.

тической статьи говорить о "русской субкультуре" как одном из островков "архипелага", как одной из частей великой и могучей культуры антисемитизма.

Мы беремся утверждать, что автор неправоммерно сузил объем материала как раз списком подозрительных имен, денно и ночью озабоченных еврейской темой. Правда, автор нигде и не говорит о закрытости и исчерпанности списка, напротив того, он смело полемизирует с самим А. Яновым, известным русофилом. Последний ведь слишком мягко обходится с русскими антисемитами (голубиное сердце Янова не позволяет ему говорить всей правды о русских). Подумать только: Янов считает, что русский антисемитизм - лишь заимствование с немецкого, ибо "был экспортирован в Россию из Германии в 1880-е годы" (100). Но нельзя же в самом деле чуть ли не оправдывать этим русских антисемитов. Нет, голубчики, заявляет наш автор: русский антисемитизм - "самостоятельная мифология (или мифо-идеология)" (100).

Это во всем другом Россия лишь рабски подражала Западу, а тут (и только тут) мы - сугубо оригинальны и самобытны. Славянофилы, стало быть, отчасти правы, но они, по невежеству своему, не там искали самобытность. Самобытен именно русский антисемитизм: здесь наш автор решительно поправляет даже и Янова.

Оттого так и популярен роман "Мастер и Маргарита", что это путеводитель (а, может, лучше - энциклопедия?) русского антисемитизма. Русские обыватели об этом, правда, не задумывались, но зато наш автор доказывает свой тезис с легкостью необыкновенной. Многие теперь, только благодаря автору, поймут и почему им роман так нравится (что значит взгляд со стороны!), и почему его в последнее время так подозрительно часто переиздают так называемые патриоты. Да тут же прямая связь с прущим изо всех щелей русским фашизмом!

Как замечает в этом же юбилейном булгаковском номере, но в другой статье, некая Майя Каганская,

роман "Белая Гвардия" - это "великий контрреволюционный роман в европейской литературе" (99). Кстати: и такой интерес к белому движению тоже элементарно объясним. Ведь чем главным образом Белая Гвардия вошла в историю России? Потрясающим антисемитизмом. И своим юдофобским лозунгом, подводящим итог ихней субкультуре: "Бей жидов, спасай Россию!" Красной армии ничего не оставалось, как эти погромные настроения пресекать - и, напротив, бить Россию, дабы спасти "жидов". Отсюда и "мода" на Белую Гвардию тоже является плохо закамуфлированным обличем того же русского фашизма антисемитствующего.

А тут еще публикация *смешного* во всех отношениях, но и "реакционного" (99) "романа" Солженицына "Красное колесо" (это мы взяли все из той же шаловливой статьи Майи Каганской).

Вы полагаете, что подобная эвристика наших профессиональных любителей русской литературы говорит о специфическом их комплексе неполноценности, об особенной духовной ущемленности, ищущей и находящей выходы в агрессивном самоутверждении непременно за чужой счет (за счет чужой истории, чужой культуры)? Вы полагаете, что подобное собрание бриколажей на тему "Н.Н. и Мы" - во время юбилеев этих русских Н.Н. - сродни сугубо провинциальному тщеславию?

Задача нашей статьи как раз и состоит в том, чтобы переубедить так считающих русских обывателей и помочь нашим авторам в последующих юбилейных собраниях антисемитских бриколажей среди русской "субкультуры".

*

Одно из совершенно непростительных упущений этих авторов сразу же бросается в глаза даже при беглом созерцании неполного списка патриотствующих русских антисемитов. Это - И.А. Крылов. В фашизированной

ванном нашем сознании тут же возникают три явно антисемитские басни.

Одна - о бочке, издававшей слишком много шума ("вскачь несется; От ней по мостовой и стукотня и гром. И пыль столбом") - намек! И полная принадлежность "субкультуре русского антисемитизма": декларируется расистская убежденность в преимуществах русского менталитета, его молчаливая глупость неуместно облагораживается (другая - великорусская - бочка "себе без шума и шажком плетется" - апология российской малоподвижности). Да почему эта бочка-то зашифрованная "русскость"? Она - "с вином"! Явная аллюзия на русский народ - поэтизация беспробудного пьянства. Тогда как трезвость порицается: "Другая Пустая". Не пить, как русские мужики, - значит для антисемита Крылова быть пустым и болтливым человеком.

Главное же, гипертрофируется исходящая от еврейства угроза человечеству, демонизируется эта мнимая опасность. Она явно связывается с очередным антисемитским мифом о захвате в руки евреев средств массовой информации: "Другая" бочка "про свои дела кричит всем без умолку" (явно при помощи подразумеваемых высоких тиражей свободной прессы).

Да и - кстати! - заметили вы очевидное ограничение в гражданских правах, явную дискриминацию? Любезная русофилу Крылову винная (фу!) бочка аттестована как "первая". Поневоле вспоминаешь сталинскую столь же русофильскую формулу о союзе казалось бы равноправных республик: Россия и там почему-то "первая среди равных". Вот и улика сохранившейся великодержавности, которую так нелепо отрицали недобитые в семнадцатом году фашиствующие патриоты! Как же аттестуется униженная и оскорбленная - якобы "пустая" - громкая бочка? Даже и не как "вторая", но именно как "другая": гнусно намекается на инородность, чуждость преследуемой.

Намекается и на невозможность распространения общих для всех прав и свобод в России значимым отсутствием даже общего счета, общей нумерации бочек! "Другая" бочка просто отброшена на периферию общественной жизни, неудивительно, что она покатила со "стукотней" и "громом", пугая обывателей. Ее же подталкивали к этому бунту, толкнули по мостовой. Так антисемиты, даже не желая того, вынуждены порой проговаривать и историческую правду.

Другой образчик ксенофобии юдофобского толка - басня "Слон и Моська". Сразу же, дабы избежать справедливых упреков в антисемитизме, автор пытается закодировать настоящий смысл антагонизма храброй Моськи и туповатого Слона. Так, говорится, что "Слона водили.., как видно, напоказ. - Известно, что Слоны в диковинку у нас". Уже неуверенное допущение "как видно" уличает неуклюжие потуги автора скрыть истину, которая, тем не менее, обнажилась, хотя уже в советское время: "Россия - родина слонов". В этой шутке космополитов, как обычно, есть лишь очень маленькая доля шутки. Ведь крыловские вводные слова "как видно" и "известно" не соединяются в единое целое, они пришиты друг к другу белыми великодержавными нитками.

В первом случае модальность неуверенности, неокончательной догадки, а во втором - мнимая ссылка к "общему мнению", к очевидности, только настораживает читателя: ведь экзотичность появления Слона на улицах явно меньшая, нежели наличие говорящих собак, а, между тем, фантастичность собачьего диалога не оговаривается. Из этого можно сделать единственный вывод: автор в первом случае пытается сбить нас со следа, завуалировать всю важность Моськиного протеста для судьбы Слона. Или же, по крайней мере, преуменьшить его действительное значение.

Восстановим же оборванные соседства. Итак, Россия - родина слонов; Моська лает на Слона. Следовательно,

Моська "лает" и на Россию тоже. Симптоматична вербальная замена нейтрального глагола на оскорбительное "лает". Характерно, что самое употребительное определение "изменника" Андрея Курбского в посланиях к нему Ивана Грозного - это именно "собака". Вопрос - кто является прообразом Моськи? Или прямо - кто "Моська"?

Собрав крыловский бриколаж, мы выясним, что вопрос даже и риторический. Традиционно для русского антисемитизма противопоставляются физические габариты Слона и дробность умненькой Моськи. Причем, конечно же, симпатии автора опять на стороне тупой и грубой силы, а не бойкого интеллекта.

Моська художественно дискредитируется. Очень существенно, что и в этой басне подчеркивается инородность и как бы даже безродность этого существа: "Отколе ни возмись, навстречу Моська им". Симпатичной собачке придаются уже знакомые нам демонические атрибуты (что, как мы знаем, непременно входит в субкультуру русского антисемитизма): "Увидевши Слона, ну на него метаться, И лаять, и визжать, и рваться".

Между тем, автор вновь выдает, сам того не желая, главное: духовный нонконформизм, революционность и даже героизм Моськи - маленького борца с грубой силой. Ведь Моська идет - единственная! - против течения гнусной российской действительности, тогда как "толпа зевак" (русских обывателей) тупо идет "за Слоном", то есть, за самодержавной властью, без всякой попытки освобождения, Моська является именно "навстречу... им".

Отсюда совершенно понятны истоки позднейшего широчайшего антисемитизма: Моська дерзко нарушает застойную устойчивость русской жизни, столь милую обывателю, она вносит творческое начало в бездумный автоматизм движения "за Слоном", открывает поливариантность и плюрализм подходов к Слону.

Здесь - в сильно сублимированном, но узнаваемом виде - можно обнаружить библейский архетип сражения Давида и Голиафа. Но характерно, что на русской почве, зараженной ядовитым антисемитизмом, библейская притча обретает совершенно иной - фашистский - подтекст. Не просто Голиаф-Слон побеждает Давида-Моську, оскорбительно - но и трусливо! - уйдя от вызова на поединок ("драку"), якобы "не заметив" усилий антагониста; не просто продолжает свой путь в никуда ("идет вперед"); но и классово (а, может, и национально) близкая Моське "шавка" по существу предаёт её и выливает на неё же потоки черносотенной клеветы.

Храбрость и непохожесть на других в этой стране квалифицируются лишь как срам ("перестань срамиться"), а отчаянная попытка добиться паритетных, равноправных отношений со Слоном, принятых во всех цивилизованных странах, с порога отвергается ("тебе ль со Слоном возиться").

Удивительно ли, что, потерпев неудачу в самой возможности открытого и честного поединка с тоталитарным Слоном, Моська вынуждена была перестроиться и изменить тактику. Попав-таки в "большие забияки", вопреки бешеному сопротивлению российских "шавок", она одолела в итоге ненавистного Слона!

Таки да! Взгляните вокруг себя: видели вы хотя бы одного Слона на улицах русских городов? Род же Мосек благополучно и донине плодится и размножается. Может быть, слонов погубила именно великодержавная российская гордыня: Слон, видите ли, не ответил на лай и визг Моськи, посчитал её совершенно не опасным и даже смешным противником. И просчитался.

Даже в пределах внутреннего мира этой басни антисемит Крылов вынужден нехотя признать итоговую правоту Моськи. Композиционно басня построена таким образом, что последнее слово принадлежит именно ей, Моське. Причем, прогнозируется как позднейшее её торжество в общественном мнении ("знать, она сильна" - как "говорят собаки"), так и позднейшее

же направление ее духовных усилий: она продолжает "лаять на Слона". Эти последние слова басни (стало быть, najważнейшие) мы уже отчасти интерпретировали выше. Да, по антисемитскому выражению Крылова, "лает на Слона", но, думается, уже на побежденного, скорее всего, уже мертвого. Так и - по грехам же его!

Наконец, басня "Свинья под дубом" замечательна в русской культуре тем, что эксплицирует все антисемитские мотивы, содержащиеся в предыдущих баснях имплицитно.

Здесь уже автор отказывается от всякого камуфляжа. Напомним, здесь речь идет о "корнях" (то есть, о почве, то есть о почвенничестве!) русского дуба, которые разрывает умное животное, дабы добыть самое необходимое для своего существования: желуди. Казалось бы: возможно ли в этом мирном занятии усмотреть некий опаснейший криминал? Но оттого творчество И.А. Крылова и пользуется такой одиозной популярностью в среде неразборчивых русских читателей, что автор и здесь пытается оживить старый антисемитский миф о злодейских намерениях Свиньи по отношению к русскому Дубу. Другой писатель - Л. Леонов - затем написал целый антисемитский роман на ту же тему: "Русский лес". Вот и еще один аргумент в пользу единства субкультуры русского антисемитизма!

Причем, антисемитизм совершенно беззастенчиво, официально насаждался в школах царской России, где юдофобские опусы Крылова насильственно навязывались даже детям! Что же изменилось в советское время (погромщики любят порассуждать о какой-то принципиальной разнице)? Ни-че-го! До сих пор, включая перестроечные годы, министерство образования никак не может набраться духа и исключить этого автора из школьной программы.

Но вернемся к крыловской басне. Замечательно, что изначально вновь демонстрируется явное неравенство сил: "Свинья под Дубом вековым". Казалось бы, о каком

вреде можно говорить в этом случае? Величина Дуба, его толщина и мощь должны бы надоумить так называемых патриотов, что предполагать вредоносность для его драгоценного здоровья действий маленькой свинки - значит, расписываться в собственном бессилии. Это даже прямо оскорбительно по отношению к Дубу. Но когда антисемиты были в ладах даже с элементарной логикой? Вот и здесь: "И рылом подрывать у Дуба корни стала. 'Ведь это дереву вредит', - ей с Дуба Ворон говорит".

Перед нами налицо махровый антисвиньизм, когда русские фашисты не брезгают и самыми отвратительными расистскими намеками. Так, говорится о форме носа свиньи - так называемом "рыле", тогда как можно было, соблюдая элементарную порядочность, сказать, например, просто о "пяточке". Но разве это нужно домощенным ревнителям славянских физиогномических черт?..

Можно обратить внимание и на антисемитскую аллитерацию, подчеркивающую и выпячивающую известные фонетические особенности произношения, своего рода тест на правильность речи: "И рылом подрывать". Такое соседство двух звуков "р" не может быть случайным. Этакая фонетическая западня, двойное препятствие. Аллитерация ведь связана не с чисто каркающим по-русски вороном (что было бы понятно и совершенно оправдано), а именно и только с вредоносной для почвенничества Свиньей.

Как всегда, в убогой концепции русских антисемитов и тут налицо явное противоречие, не увидеть которое могут лишь люди, ослепленные ненавистью: Свинья якобы одновременно и паразитирует в русском лесу ("Лишь были б желуди: ведь я от них жирею"), и желает гибели кормильцу-Дубу ("Пусть сохнет, - говорит Свинья, - Ничуть меня то не тревожит; В нем мало проку вижу я"). Таким образом, буквально все беды русского леса приписываются не естественному истощению пресловутой "почвы" и старости деревьев

(Дуб-то, напомним - "вековой"), а исключительно разрушительной деятельности Свиньи! Что ж, типично антисемитская мифологизация весьма скромных возможностей исключительно мирного и безобидного существа.

Разумеется, органические пороки самого Дуба, напротив того, затушевываются и как бы не замечаются. А между тем можно было бы указать на имперскую спесь Дуба: "Эти желуди на мне растут", - говорит не умеющий ими распорядиться как следует их, так сказать, владелец. Да кто сказал, что желуди должны принадлежать исключительно Дубу?! Что же тогда прикажете кушать Свинье?

Отметим и признак рабской сущности Дуба. Ведь бессмысленный и беспощадный бунт антисвиньиства ровно ничего не принесет самому Дубу. Свинья мобильна, отсутствие корней сравнительно с Дубом (еще один гнусный писательский ход!) позволяет ей быть свободной в перемещениях. Увы, как бы ни старались русские дубы, желуди она все равно есть будет - под другим деревом, а если гонения станут невыносимыми, то и в другом лесу. На век Свиньи лесов хватит.

Подумать только: осуждать Свинью только за то, что она Свинья! Совершенно игнорировать все ее заслуги перед русским лесом, все ее самопожертвование во славу Дуба! Только в нашей стране возможна такая невыносимая для самого бытия Свиньи атмосфера. Отчего же тогда, как это зафиксировано у Крылова, Свинья все еще здесь, "под Дубом", тогда как в другом месте она бы пользовалась всеобщим уважением и заслуженным почетом?

Антисемит-автор не замечает очевидного: не уходит из леса Свинья исключительно из-за альтруистической любви к нему! Не желуди вовсе она любит (что за бессердечное фашистское предположение!), а Дуб, именно Дуб истинный предмет ее мучительных раздумий.

Свинья, в отличие от самого Дуба, заботится о его будущем. Не роет корни, а, напротив, разрыхляет и удобряет хваленую "почву". Не "дереву вредит" (что за образ врага!), а именно помогает ему расти.

Да, вклад Свиньи в рост и становление русского Дуба до сих пор еще совершенно недостаточно оценен и незаслуженно (намеренно!) преуменьшается. Тогда как деятельность свиней под дубами - даже и не одна из причин хваленой могучести и крепости последних (кстати, сама эта крепость - не более, чем дубовый миф, давно разоблаченный в цивилизованных лесах!), не "одна из", а, знаете ли, главная причина их былого величия и процветания*.

В ряде публикаций убедительно развенчивается и сама расистская выдумка о каком-то своеобразии этих дубовых порослей сравнительно с породой Свиньи. Что Дуб, что Свинья - все едино, все они должны работать ради единой великой цели: добычи желудей для пропитания Свиньи. Только каждый на своем месте. И всякий труд, знаете ли, почетен.

Почему не наоборот? Что за грубый, неинтеллигентный вопрос! Во-первых, так исторически сложилось. Во-вторых, как мы только что выяснили, свиньи всегда заботились о дубах, то есть находились в явно неравном, дискриминируемом положении. К тому же дубы, несмотря на всю максимально возможную заботу со стороны свиней, теряли и теряли былую желудиную продуктивность. Да и еще, как это зафиксировано в крыловской басне, при этом самих же свиней и упрекали в какой-то "неблагодарности". Что поневоле заставляло последних искать другие рощи, срывать с наложенных мест, начинать заботиться о здоровье других порослей, но уже далече.

Однако же логика ксенофобии такова, что, как мы уже отмечали выше, всех этих "неудобных" для дубо-

* См. развернутые и доказательные аргументы в пользу этой гипотезы, да и - свиныйского происхождения дубов в учебном свином издании "Прогулки под дубами".

вого "достоинства" очевидных вещей, разумеется, нет в этой басенной монаде субкультуры русского антисемитизма.

Завершая работу, мы надеемся, что наши материалы обязательно будут использованы в качестве бриколажей - каким-нибудь квалифицированным обличителем к очередному (опаснейшему!) юбилею русского писателя. Смеем верить, что будущие юбилейные статьи, вводящие творчество юбиляров в контекст рассмотренной нами выше "субкультуры", несмотря на широчайший разгул русского фашизма, смогут как-нибудь найти свое заслуженное место не где-нибудь на задворках провинциальных русских журналов, но обязательно в столице русского фашизма, в самом логове зверя - в Москве.

Елизавета Рачинская. "Перелетные птицы".

Воспоминания. Посвящается Харбину и харбинцам.

Книга снабжена редкими иллюстрациями.

Цена 15 ам. долл. плюс пересылка. Заказывать через:

Znание Book Store,

5237 Geary Blvd., San Francisco, CA 94118, USA.

Елизавета Рачинская. "Калейдоскоп жизни".

Воспоминания: В России. В Маньчжурии. В Австралии. В Англии.

Дополнение: Смольный институт.

Цена 100 фр. фр. плюс пересылка. Заказывать через:

YMCA-Press, 11 rue de la Montagne-Ste.-Geneviève,

F-75005 Paris, France

В. В.

Свеча Страстного Четверга

Обе книги* Елизаветы Рачинской посвящены истории нашего века - это воспоминания, свидетельства, мысли, анализы, заключения. Но при внимательном чтении кажется, что находишь в них то, что ищешь - биение их сердца, душу, мысль, на которой как бы держится весь фундамент. Мысль эта сказана между строк, тихо, в раздумье, но именно она придает этим книгам устремленный смысл, глубину, и она обращена к каждому непосредственно. Это - замечание, кажущееся мимолетным в общем тексте, сказанное в связи с посещением богослужения у раки св. Сергия Радонежского, замечание о подвижниках. "Думается, что человечеству нужны святые подвижники. Они - живое свидетельство, что в каждом человеке теплится искра Божия, в этом и утешение, и надежда". По существу, это относится ко всей истории современного мира с ее глубокими провалами...

Отсчет мировой истории, в ее духовном, этическом понимании, идет со времени пришествия Христа. Но сегодня мы живем в мире, как бы прошедшем через негативную духовную мутацию. И это относится не только к России, но и ко всему миру. Слишком многое тому свидетельством.

* Рачинская, Е.: "Перелетные птицы". Сан-Франциско. 1982; "Калейдоскоп жизни". Воспоминания. Париж. 1990.

Защита чести России, всякое правдивое свидетельство и всякая добрая правда, подкрепленная фактами - на вес золота. В атмосфере жонглерства, престиждитаторства, царящих в сегодняшней печатной продукции, действующей по принципам устоявшейся, отточенной клеветы, лжи и наветов на нашу многострадальную Родину, - каждое честное свидетельство, свободный и правдивый голос - ратники в сегодняшней, решающей нашу общую судьбу, борьбе. В перманентной назойливости лжи воспитываются усталость, безразличие и безнадежность, толкающие русский народ прямоком к социальной и физической смерти.

Тема этих обеих книг - осмысление трагического опыта революции, осмысление российской трагедии и - память о дореволюционной России и ее духовных ценностях. И, кроме того, - катаклизм, эмиграция. Герои книги - Россия и человек. Русский человек с его характером, душой, честью и духовными ценностями.

Содержание книги - свидетельства жизнью и судеб. Нет в книге преднамеренных сюжетных линий, все по велению и милости судьбы. Однако есть, разбросанные по страницам, определенные и постоянные качества действующих лиц, русских эмигрантов. То, что они смогли взять с собой из прежней страны обитания - России и что помогло им восстановить жизнь в странах иных. Выброшенные из нормальной жизни под чужие небеса и в беспредельную бедность, они, тем не менее, строили и там жизнь по образу той, которая их воспитала - в любви к ближним, жертвенности и созидательном труде.

Ушедшие с ветром? Успокоившиеся в могилах? Много было и таких, но нигде не пишет автор о нитях оборванных; напротив - нити связываются, сплетаются в путях общих судеб. Судеб, еще неоконченных... Потому что главный герой этой книги о людях - безымянный гигант, сама наша эпоха, наше угрожающее, заряженное взрывами столетие. Нет более верного пути довести до сознания, как просто, но верно изобразить,

без "веских" эпитетов и "сильных" слов. Здесь рождается самая доходчивая и действенная из символик - символика самой правды.

Описания быта - словно рефлектируют огни века. Из обыденного вырастает острое, страшное, непреодолимо опасное для всего живого - в наблюдательной истинности и трагической немилосердности правды.

Так сегодня по этому образцу надо было бы все рубрики "Последних известий" во всех средствах массовой информации назвать одним общим словом, ввести в одну рубрику - Апокалипсис. Потому что мир уже давно вступил на этот путь. Но - люди боятся правды...

Автор уделяет большое внимание психологии современных людей. И русских, и встреченных в странствиях по миру (в частности в Китае). В символической многоплановости происходящего, в самой обыкновенной повседневности, словно слышится подземный гул, как перед землетрясением. Тревога вырастает от "естественного" сопоставления "войны и мира", показа их сосуществования рядом, связанности всего показываемого со всем миром; общности и единности судеб, и их подвластности жутким и темным силам. Особенно ярко (и жутко!) сопоставление России и Китая. И - изменения характера народов...

"Революцию, происшедшую в Китае, можно сравнить с геологическим сдвигом, с неким космическим обвалом, так как она вовлекла в свой круговорот миллионные человеческие массы, знаменуя собой конец одной и начало другой эры. Последствия ее неисчислимы, ибо она взнуздала колоссальную страну железной уздой коммунизма".

У автора - отмеченность непримиримостью со злом и бескомпромиссностью. На фоне сегодняшних событий - все темы книги крайне актуальны, перекликаются с насущнейшими проблемами наших дней. Это книга о разрушении и созидании. О жизни и о смерти.

И очень важны свидетельства об огромной культурной работе, проделанной эмиграцией. О жизни оско-

лков великой нации, оторванной от родной почвы. О заложённой в ней силе жизни, и религии и культуре, эту жизнь поддерживающих и творящих. О сохранении огня свечи Страстного Четверга. Потому что первой святыней, которую эмиграция приносила с собой - была ее Церковь, ее вера.

*

Теме эмиграции предшествует тема Февральской революции. Переезд семьи из Москвы в Казань. Первый год революции.

"...страшный это был год! (...). Дрогнул прочный, веками устоявшийся быт, рушились, казалось неизбежные, устои; каким-то новым воздухом повеяло, и мы, молодежь (правда, совсем еще зеленая), всегда настроенная анархически, жаждущая новизны, необычности, еще не понимая всей катастрофичности происходящих перемен, еще не видя, что безвозвратно гибнет, уходит в историю старая, родная, любимая жизнь, - жадно смотрели, вдыхали пьяный воздух первого года российской революции..."

"Сотрясал взрывами город горевший пороховой склад; объявили всеобщую мобилизацию; большевики подходили к городу и наконец сжали его в своих цепких, мертвящих объятиях - и опять ушли, оставляя за собой в подвалах особняков на Грузинской и Лядской трупы "белых", чтобы вскоре вернуться, - и все по старому пылало над городом пламенные зори (...), так же, кружась, падал пушистый снег".

"Ветер, как затравленный зверь, то кидается в лицо, взметает пыль, уносится и замирает жалобно где-то на боковых улицах, то со страшной силой проносится по крышам, плачет, просит... С Волги протяжно и зловеще воют сирены. В них предчувствие конца, гибели... То дает о себе знать жалкая флотилия, наполовину составленная из никуда не годных барок и барж, еще пытающаяся оборонять город руками шестнадцатилетних детей".

Смешение в композиции повествования важнейших, судьбоносных событий и обыденного рождает своеобразно живой стиль. Вот, сентябрь 1918 года, когда большой приволжский город переходит из рук в руки. Последние дни перед окончательной сдачей красным. Эвакуация. Семья собирается в дорогу... А рядом, в тихой комнате, девочка с упоением читает "Королеву Марго"...

«... "Что случилось, Ваше высочество?"

Ничего, - отвечала Екатерина. Все с ужасом на нее смотрели: каждый шаг Екатерины оставлял на ковре кровавые следы...". - Невольно подняла глаза, взглянула на отца: какое печальное, как будто сразу постаревшее лицо. И слова такие страшные: "Все пропало! Через два дня город будет занят...". Но, как очарованная снова в книгу:

"Палач поднял над головой прекрасную мертвую голову Ля-Моля, и страшным ревом ответила ему толпа"... - Дети, - позвала мать, - идите сюда! Посидим минутку перед отъездом... Вера видела слезы, тревогу, прощание с остающимися, но не понимала, что происходит. Казалось, что все это так, несерьезно, разлука на короткий срок... Как хочется дочитать! Ведь оставалось всего несколько страниц...»

О легкомысленности интеллигенции в дни Февраля писал И. Солоневич: "Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, - какая великая безмозглость спустилась на страну. Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге - эти стада: проклятое царское самодержавие - кончилось! Над миром встает заря..."

Однако, в семье, покидавшей Казань, было иначе. "Отец мой воспринял трагически падение монархии. Он считал, что страна встала на роковой путь (...) и что мы стоим на пороге анархии и полного развала веками устоявшейся жизни". "Брат был типичным представителем русской молодежи того времени, которая буквально со школьной скамьи, не думая о собственных

интересах, поднялась на защиту родины и мечтала только о том, чтобы служить ей по мере сил и возможностей". Но - "Мы, русские, да и весь остальной мир, не понимали, что происшедшее на нашей родине не имело себе прецедентов в мировой истории. Абстрактному, лживому учению, изуверскому идеалу марксистского толка, была принесена в жертву огромная страна..."

*

И вот, волею судьбы - Харбин. В определении тамошней жизни автор говорит о "славословии земного благополучия". И в самом деле, Харбин был насколько анахроничным, настолько и удивительным вклиниением в послереволюционную историю. Даже в годы после крушения Российской Империи сила, стойкость и богатство русской национальной культуры позволили на долгие годы создать и поддерживать в Харбине жизнь на очень высоком культурном уровне.

Нация - там, где ее земля. И оттого, вероятно, русские любовно обживали землю, на которую их прибила судьба. Это определило и лицо Харбина. И земля, и природа - как бы отвечают такому человеческому порыву-заботе. Между человеком-Антеем и Землей рождается силовое поле, и влияние - взаимно. Кроме того, было и еще одно важное обстоятельство: Харбин говорил по-русски. Харбин, быстро выросший в связи с постройкой КВЖД, был полнокровным и цветущим городом. В нем были гимназия и университет, опера, драма, газеты и журналы. Юридический факультет, Политехнический институт, Институты восточных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшая богословская школа. Город богател. Появился целый ряд газет, симфонический оркестр, театр драмы. Харбин жил богато, весело и беззаботно; по странной прихоти обстоятельств как-то "между прошлым и будущим".

Было построено много храмов. В 1931 году Харбинская епархия имела 46 церквей и 460 священников.

Православные храмы воскрешали Россию под чужим небом. Было и ухоженное кладбище: "У каждого приходившего сюда была своя проторенная дорожка, своя горестная тропинка, ведущая к молчаливому камню за легкой узорной оградой (...). Город мертвых был тесно связан с городом живых, и его никогда не оставляли без заботы и попечения".

Были и монастыри. И они, по русской традиции, играли заметную роль в культурном развитии своего города, обзаводясь аптекой, амбулаторией, типографией и мастерскими. "Мир и тишина монастыря, делаемое большое и доброе дело лучше всяких слов говорили о том, что в житейском водовороте, увлекающем и порабошающем людей, существование вот таких оазисов благочестия и труда нужно и отвечает какой-то глубокой потребности человеческой души".

Были прекрасные железнодорожные больницы, а центральная больница - настоящий городок. Для остальных - целый ряд первоклассных частных больниц и лечебниц, оборудованных по последнему слову медицинской науки.

Много иностранных фирм, где были первоклассные условия работы и гуманное отношение к служащим со стороны администрации.

Культурная жизнь была ключом. Было много русских поэтов. Особо упоминает автор книги Алексея Ачаира, который думал и чувствовал по-русски и по-русски скорбел о судьбе России. Впоследствии, сын казачьего генерала, он был насильственно вывезен - с больничной койки! - в Советский Союз. В книге приводится один из его "Силлогизмов":

Так, Бога нет. Но есть закон и честь,
Добро, любовь... И жизнь всего живого...
Чудак какой! Бежишь трусливо слова:
"Добро, любовь..."
Так это Бог и есть!

Русские определили лицо Харбина и его культуру. Это была культура, принесенная ими с собой. Но много было и упорного труда, отданности, любви, русской души, которые бытовали в Харбине до тех пор, пока русские не были вынуждены его оставить. Уход русских плачевно отозвался на многом. Одним из потерпевших было даже курортное место Барим: "Один из красивейших уголков Маньчжурии.., запрятанный в котловине между изумрудными сопками в предгорьях Хингана". "После дышащих зноем пыльных улиц харбинской Пристаней, после тянцзинских удушливых футянов и невыносимой жары летнего Шанхая, Барим казался зеленым миражом, очаровательным оазисом тишины, прохлады, уединения..." "Баримские дни: ни с чем не сравнимые утра, дышащие росной свежестью; по склонам сопкок тянутся, постепенно истончаясь и тая, пелены тумана, воздух прозрачен, как хрусталь, а небо синее чистой, яркой и нежной синевой... нежно-зеленые листья молодого дубка просвечиваются солнцем и сквозят, как церковные витражи..."

"Таков был Барим. Он дал исцеление от душевных ран и телесных немощей многим из своих неизменных друзей. Теперь это просто китайский поселок с оголенными сопками, с изнасилованной, изуродованной природой, - и он уже никому не приносит радости. Русских там давно нет. Последним был старик-сторож, неизвестно зачем охранявший скромную баримскую церковь".

*

Нужно особо отметить прекрасный, чистый русский язык, которым написаны книги. Поэтическая одаренность автора делает его языком поэзии. В описаниях Харбина осязаемость гравюры сочетается с нежной прозрачностью акварелей. Отдельные отступления читаются как стихотворения в прозе: "...осенний, задумчивый листопад"; "...веселая, колючая зимняя пурга"; "...весна, с звонкими ручьями, с легким облаком зеленеющих садов, в тонком аромате ландышей, в буйном цветении сирени, незаметно переходящая в торжеству-

юще-солнечное, яркое, сине-золотое лето"; "На желтый песок, трепеща и перебегая, ложились легкие тени..."

Живо, образно, сменяя тональности и темп, течет повествование. Оно до того хорошо, что все время хочется цитировать.

*

Китайско-Восточная железная дорога была создана русскими. В нее вложено много энергии, таланта и умения. Предприятие широко задуманное и талантливо проведенное. Она была построена царским правительством. Переговоры о постройке маньчжурской железной дороги были начаты еще в 1895 году. Харбин был запланирован в 1898 г., и с самого начала стал проводником русской культуры. Маньчжурия, с ее русским населением, прошла через много испытаний. Продажа дороги, перемены администрации края, приход японцев, годы войны. "Лишь к одному не смогло оно приспособиться - к режиму коммунизма, который на своем пути несет гибель всему живому", - пишет автор. По соглашению в Мукдене в 1924 г. КВЖД поступила в совместное управление Китая и Советского Союза, на паритетных началах. В Маньчжурии появился официальный представитель СССР. В Харбине и в бывшей Полосе Отчуждения к тому времени население исчислялось в 250.000 человек. Начались типично советские взаимоотношения с распрями, шпионажем, подкопами, все развивалось в сторону откровенных военных действий.

В районе Трехречья, граничащего с линией КВЖД, жили мирные забайкальские казаки с семьями, которые сеяли хлеб, разводили скот и политикой не занимались. В 1929 г. отряды красноармейцев, перейдя советскую границу, нападали на поселения, где косили пулеметными очередями все население до последнего ребенка... С последующим грабежом. Оставляя после себя только пепел и развалины.

Придя в один хутор, собрали всех на площади. Потом - очередь из пулеметов. Всех до последнего... На это одна харбинская поэтесса написала стихотворение.

Ах, беды не чаял
Беззащитный хутор...
Люди, не молчите -
Камни закричат.
Там из пулемета
Расстреляли утром
Милых, круглолицых
Бойких казачат...

Против террора были посланы протесты свободному миру. Мир этот - промолчал (как и всегда).

В перипетиях судьбы КВЖД, после конфликта 1929 г. и последовавшего "умиротворения", Харбин и Полоса Отчуждения были заняты в 1932 г. японцами, которые создали на территории Маньчжурии опереточное государство Маньчжоу-Го. Советское влияние было ликвидировано, но и японское было не лучше. Японизация Маньчжурии была проведена по рецептам "высшей расы". А когда произошло новое несчастье - вторжение в Маньчжурию Красной армии - население оказалось в мышеловке.

Началась обычная расправа. "Этот заключительный период дальневосточной эмиграции прошел по всем известным правилам: террор, грабеж, расстрелы, аресты, вывоз бесконечных эшелонов людей в советские концлагеря... Голод, холод, нищета сменили цветущее благополучие. Коммунисты, какого бы цвета они ни были, всегда остаются верны самим себе и делают все возможное, чтобы разрушить нормальную жизнь человеческого общества".

А вот о том, как эшелонами вывозили и мир молчал, автор пишет: "Теперь, когда так хорошо известно, что творилось у союзников под носом и как легко было ими допущено вопиющее беззаконие - выдача Советам

эмигрантов, белых казаков и их семей, а также бывших русских подданных, в то время уже граждан других государств (...), что уж говорить о каких-то жалких тысячах никому не нужных людей – когда на расправу Сталину были отданы целые государства...”

*

“...Задумчиво покоилась акварельно-синеющая даль, а спадающая Сунгари, теперь такая нестрашная после недавнего наводнения, обнажала, отступая, свои золотые пески. Все в природе дышало миром и покоем. Но жизнь кругом вскипала пеной злобы и ненависти. Она была до краев наполнена смятением, тоской, страхом...”

Последние дни в Харбине – обивание порогов в консульствах, отбивание от “целины” и пр. т.п. Плюс – страшная картина начинавшейся “культурной революции”, “в ходе которой мирный, способный, трудолюбивый китайский народ неудержимо и бессмысленно, как это было когда-то и на нашей родине, изменив своему национальному характеру, верованиям и привычкам и как бы объятый безумием, неудержимо катился в какую-то кровавую бездну”.

“Мы выехали из Харбина зимой 1956 г. Коммунизация Китая происходила у нас на глазах, и на наших глазах было положено начало тому, что вошло в историю под нелепым названием “Культурной революции”. Мы видели, как систематически и планомерно буквально раздевали и разоряли до нитки китайских купцов, объявленных врагами народа (...). Мы были невольными свидетелями, как улюлюкающая, будто взбесившаяся толпа китайской черни бежала по набережной Сунгари, швыряя камни в сносимых вниз по течению, брошенных в воду и обреченных на гибель “классовых врагов” народа...”

А в 1955-1956 гг. была кампания “борьбы с пороками”, когда “клевета, донос, подлость, подлог стали доблестью”.

"Но национальный характер с трудом поддается ломке, и мы видим уже теперь, как китайский народ постепенно распрямляется и уже начинают мелькать в его облике знакомые черты".

*

В связи с великим духовным разбродом, имеющим место сейчас в России, интересно остановиться на одном из действующих лиц книги, Н.В. Устрялове.

Устрялов добровольно покинул Харбин и вместе с семьей еще в начале 1930-х годов выехал на родину. В свое время он был членом ЦК кадетской партии. Свое имя в истории он оставил как основоположник национал-большевизма, или иначе - доктрины о "смене вех".

"Славянофил, искренний патриот, изучавший и во многом разделявший взгляды Леонтьева, Соловьева, Бердяева, столь чуждые бездуховной идеологии большевизма, Устрялов после опыта жизни в эмиграции пришел к заключению, что настало время переосмыслить прошлое и пересмотреть прошлые позиции. В большевистской власти, внешне - как он думал - отрицавшей национализм, ему виделось "торжество национальной идеи". Устрялов предсказывал "здоровую эволюцию" советского режима, "спуск на тормозах". Он считал, что в советской системе диктатура и террор - временные явления; история не подтвердила этой иллюзии (...). Он ошибался. Его политическая прозорливость не помешала ему желаемое принять за действительное - и он поплатился за это жизнью..." (В ответ на сталинскую Конституцию Устрялов в последний раз отозвался статьей, в Москве: "Рефлекс права". Это подсказывание идеи права в стране всеобщего бесправия стоило Устрялову жизни.)

Ниже несколько из политических оценок Е. Рачинской:

"Наша революционная интеллигенция, с ее бессмысленными мечтаниями, не видела, не хотела видеть,

что Россия перед войной вступила в пору расцвета . благополучия. Как об этом пишет в Англии Питер Йонг, научный сотрудник института Адама Смита, перед революцией Россия была наиболее быстро развивающейся европейской страной, в которой "индустриализация происходила с головокружительной быстротой". За пять лет, между 1908 и 1913 гг. "феноменальный экономический рост страны" достигал в среднем 30 % в год, далеко оставив за собой Европу. Демократические реформы постепенно распространялись вглубь и вширь, и в течение еще нескольких лет Россия превратилась бы в "устойчивую и благоденствующую конституционную монархию, твердо опирающуюся на многочисленный класс земельных собственников - "фермеров". А урожай 1914 г. побил все рекорды!"

"Большевики за все 70 с лишним лет не сумели хотя бы накормить и обути свое население и, по существу, богатейшая советская страна по своему уровню жизни стоит теперь на 62-м месте, чуть ли не позади "развивающихся стран", вроде Мозамбика и Анголы".

Сегодня "... никакая болтовня о "перестройке" не дает осязаемых результатов, (...) никого не обманет искусно закамуфлированная попытка выйти из экономического тупика, в который завели страну ее коммунистические вожди. Здесь нужна не поверхностная экономическая перестройка, а вторая революция, которая вряд ли по силам мелкому советскому аппарату Горбачеву. Начатый им процесс перемен, несомненно, выйдет из-под его контроля; мы накануне больших событий, каких - одному Богу известно!"

"Перелистывая историю Китая последних десятилетий, видишь, как тлеет, то угасая, то разгораясь с новой силой, разрозненная искра коммунистической заразы и как борются, с переменным успехом, за лакомый кусок хищные и жестокие силы, стремящиеся к господству над огромной страной. (...) Гоминдан, не находящий способов удержать власть; еще не вполне нашедшая себя китайская компартия, за которой

страшной гигантской тенью встает Советский Союз; алчная Япония, неудержимо стремящаяся к расширению своего "жизненного пространства"; богатая и сильная, но политически бездарная Америка"...

"Китай, в настоящее время, начинает приходить в себя, после кровавого угара "Культурной революции", и, подсчитывая цену пролитой крови, хочет наказать за бесчисленные преступления той эпохи несколько произвольно выделенных, символических фигур из числа десятков и сотен тысяч таких же изуверов, которым на много лет была отдана страна на потоп и разорение. На наших глазах приходит в движение и начинает жить нормальной жизнью новый Китай, в котором еще трудно разобраться со стороны, ибо в нем перемешано старое, вечное, с новым, еще не устоявшимся и не нашедшим для себя окончательной формы".

*

В целом эти аналитическо-синтетические книги проникнуты добром. И проповедают они мораль и правду как несомненное достояние русской культуры. В них много "сейсмологических" замечаний, предупреждений. О Китае, о судьбе России, о перестройке и Горбачеве, о современной России. Со спокойной объективностью автор выходит из скромно-описательной атмосферы повествования на координаты большой истории и глубокого исторического звучания, сути мировых событий и атмосферы больших синтезов, смещений исторических пластов. Холодом и большой тревогой веет от подобных абзацев. Они - как хор в античной трагедии: фон, смысл, символ будущего. Жестокой угрозой будущего веет от этих экскурсов на координаты императивно-угрожающего общемирового звучания века!

И какая боль в замечании: "... что сказать о потоке крови, которым Советская власть буквально залила страну, о тех безвинных жертвах, которых теперь для чего-то принялись реабилитировать? Пусть реабилита-

ция относится к партийцам, она, быть может, еще пригодится их потомкам; но в чем и для чего реабилитировать - и как это возможно технически? - миллионы заживо погребенных в советских лагерях, - имена же их Ты, Господи, веши! - умерших под пытками в советских застенках, погибших от искусственно созданного голода, чьи безымянные могилы рассеяны по широким просторам "родной земли"? А если - о чем идут разговоры - строить им еще какие-то памятники, то где и кому? Ведь после разгула коммунистического террора чуть ли не вся территория бывшей России - сплошное кладбище и, не говоря уже о лагерях ГУЛага, все время приходится теперь читать - о, благодетяние "гласности"! - что то тут, то там неожиданно обнаруживаются все новые братские могилы, в которые свалены сотни и тысячи ни в чем не повинных людей".

Есть в книге слова и об убийственной Утопии, виновнице стольких бед... Надо, надо судить и самого человека, легкомысленного и легкодейственного, который клевал на любую наживку ради сенсации новизны и обманности "самовыражения"... Это сегодня так ясно, во всех обрушившихся планах "послезавтра", за которое боролись "вчера", разрушив и погубив "сегодня". Все, без исключения, "исторические негативы" - страшны... Человек безнадежно отстал от реальности, и больше: пошел в сторону, в примитивное самодовольное одичание.

"Мне трудно писать обо всем, увиденном в Советском Союзе, даже и не потому, что жизнь моих сверстников, моей семьи и бесконечного числа пришедших нам на смену детей нашей общей родины была искалечена и изломана; не потому, что нам, и в буквальном и в переносном смысле слова, переломили хребет и что в Советском Союзе по сей день продолжается необычайное в мировой истории явление перманентной революции, в ходе которой он изуверски, и даже с каким-то зловещим вызовом, теми или иными способами освобождается от людей, которые составили бы славу и гор-

дость любой другой страны (...). Но оттого, что я не могу признать, что жертвы, принесенные во имя этого "нового мира", хоть в какой-то мере могут быть если не оправданы, то поняты..."

В целом - это книги о вечной и великой России. Перед отъездом из Гонконга странников напутствовал пастырь. Он сказал: "Здесь, в чужом городе, под звездами иными, нежели те, которые светят над беспредельностью нашей страны, мы возносим Господу наши молитвы в тех же словах и совершаем те же обряды, как это делали наши предки много лет тому назад и как, может быть, в этот самый момент это делают наши братья на нашей многострадальной Родине. Огонь еще горит, нить не порвана, и в этом наши надежды и залог лучшего будущего".

* * *

В. Кузнецов

Премия ЦРУ - радио "Свобода"

В январе 1993 г. американская организация "Дом Свободы" наградила почетной премией американскую пропагандную радиостанцию "Свобода" - видимо, в связи с ее 40-летним юбилеем в этом году. Хотя это событие можно считать чем-то вроде вручения почетной грамоты внутри дружного коллектива соответствующих американских служб, ему было придано столь важное значение, что и мы решили отметить его этой заметкой, присланной в редакцию.

Каждый свой день я начинаю со "Свободы". Проснувшись и совершая утренний туалет, включаю приемник, который уже настроен на соответствующую волну. Прослушав последние новости и комментарии, я в полном курсе того, что происходит в мире. Так как радио "Свобода" состоит на бюджете Конгресса США и

получает на свою деятельность весьма и весьма немалые деньги (около двухсот миллионов долларов в год, что позволяет ей соответственно содержать своих корреспондентов во всех уголках земли и платить им хорошие деньги), то, похоже, информации этой радиостанции можно верить.

Но... Есть одно маленькое "но"...

Эту станцию я слушаю давно. Уже лет пятнадцать. Сначала сквозь завывания и визг глушилок советских цензоров, которые таким образом боролись против буржуазной идеологии и утверждали свою коммунистическую идейность. Как известно, запретный плод всегда сладок. А так как в 1970-1980-е годы маразм коммунистических правителей перешел все мыслимые границы, то все, что было направлено против этого мракобесия, было притягательно. Тем более, что в те годы эта радиостанция вещала и проповедовала столь недоступные и сладкие на слух свободу и демократию. Нам же, "интеллигентным людям", считающим себя питомцами дореволюционного "серебряного века" и оценивающим нашу жизнь по меркам Достоевского, Толстого, Чехова, но совершенно не знающим западного "свободного мира" - почти все, что говорилось этой радиостанцией, казалось непререкаемой истиной.

Но вот грянула горбачевская "перестройка", так радостно принятая интеллигенцией, не представлявшей даже приблизительно истинных "перестроечных" целей и не знавшей, как показали дальнейшие события, подлинного лица многих своих кумиров. И тут появилось первое сомнение - слишком уж уважительно обращалась "Свобода" к "архитекторам" и "прорабам" перестройки - Михаил Сергеевич да Александр Николаевич, Эдуард Амвросьевич да Борис Николаевич... Ведь любому человеку, который хоть немного интересовался политикой и следил за процессом в стране, было совершенно очевидно, что в этом чудовищном механизме системы на вершину власти могут пробраться только

люди, лишенные всякого стыда и совести, изолгавшиеся и не заботящиеся ни о чем, кроме своей власти. Поэтому было сомнительно, чтобы царьки областного масштаба, каковыми были Горбачев на Ставрополье и Ельцин в Свердловской области, всерьез думали о благе страны и народа. Смущало и то, что чем больше разрушал неугомонный реформатор великую страну, тем яростнее расхваливала все его деяния "Свобода".

А уж когда в августе 1991 года, сидя на 11-м этаже московского "Белого дома", корреспонденты этой станции откровенно дезинформировали нас о "извергах-путчистах" и о храбром Ельцине, который одним лишь "словом" покорял бронетранспортеры (не собиравшиеся на него нападать), о "штурме" (которого не было) "Белого дома" и его "героических защитниках", и когда затем "Свобода" объявила "крах русской идеи" и призвала к походу против патриотов-писателей - то стало ясно, что эта радиостанция не была на самом деле за свободу и благополучие нашей страны, а ее деятельность была направлена на ее разрушение и низведение до сырьевого придатка Запада.

Стало очевидно, что радиостанция делает все для того, чтобы в сознании русских людей воцарился хаос и наступило помрачение ума и духа, ведущее к уничтожению нашей государственной жизни, что позволило бы отбросить тысячелетнюю державу в небытие, из которого ни нация, ни государство уже никогда не поднимутся, ну разве что сохранятся некие "этнические общности" - загнанные в резервации.

Это было мое открытие в августе 1991-го. С тех пор я стал слушать "Свободу" не так доверчиво, как это было ранее, и, оценивая ретроспективно все ее передачи, я понял, что и в годы "застоя" эта радиостанция вела кампанию клеветы на русскую историю и культуру, на характер и достоинство русского народа. Но делала это хитрее и коварнее: обвиняя во всем интернационалистов-большевиков. Правда, "Свобода" не раскрывала имен этих изуверов, иначе выяснилось бы, что немалая часть

работников радио "Свобода" состоит в кровном родстве с подобными "интернационалистами", а идеологи станции являются детьми и внуками тех, кто после 1917 года проводил геноцид русского народа, уничтожал "черно-сотенную" русскую культуру, фальсифицировал "рабскую и темную" русскую историю, представляя наш народ "рассадником варварства".

Так, достопочтенный Борис Парамонов в одной из передач задушевно поведал нам, что его папа был крупным партийным чинушей и вся его семья поэтому пользовалась всеми теми привилегиями, которые и не снились рядовым "строителям самого прогрессивного общества в истории человечества".

А из Будапешта на волнах "Свободы" нас настойчиво учит бороться с антисемитизмом "профессор истории" Миклош Кун. Да, да, потомок того самого "интернационалиста" Бела Куна, который в 1920 году вместе с Розой "Землячкой"-Залкинд залил Крым кровью десятков тысяч русских белых воинов, не интернационалистов, поверивших большевистской "амнистии" и оставшихся на родной земле...

Именно эти папы и деды Парамоновых и Кунов насаждали в России с невиданной в истории жестокостью "гуманнейшее марксово учение" и сварганили чудовищную систему, которая глубоко враждебна самой сути человеческого существования и в которой народы России мучаются уже на протяжении 75 лет.

Сейчас, когда большевики дружно и враз разбежались от одного грозного окрика не совсем трезвого "защитника Белого дома", эта кампания клеветы направлена уже не против безымянных коммунистических интернационалистов, а против конкретных русских людей.

При этом дело доходит до курьезов: Борис Парамонов, на новом этапе продолжая дело своего папы, объявил вдруг, что национальный герой России, полководец Александр Суворов, был-де педерастом. И заявил это так уверенно и безапелляционно, как будто сам

был его сексуальным партнером. Не обходит Парамонов своим вниманием и немецкий народ, с земли которого эта радиостанция просвещает русских: с той же безапелляционностью он нас уверяет, что педерастом был просвещеннейший немецкий монарх Фридрих II. Впрочем, в гомосексуальный радиоальбом Парамонова включено множество видных деятелей как России, так и других стран...

Даже если этот философ выдает нам мужеложество за большое "интеллектуальное преимущество", вряд ли это имеет отношение к развенчанию русской идеи, за что ему деньги платят. Это похоже на использование служебных функций в личных целях. Впрочем, в Профессиональном кодексе РС про запрет на гомосексуализм ничего не сказано, а новый президент США и вовсе собирается насаждать это прогрессивное учение даже в армии...

Я продолжаю слушать эту радиостанцию и дальше, но знаю одно совершенно определенно: необходимо менять все знаки на противоположные. То есть, все, что радиостанция объявляет прогрессом и прогрессивным - на самом деле регрессивно и энтропийно, разрушительно; все, что хвалит эта радиостанция - это плохо для России; и наоборот, то, что она ругает - это очень часто оказывается хорошим для русских людей. И чем яростнее ругает она консерваторов и патриотов, тем более я убеждаюсь, что именно патриоты и консерваторы - те люди, которые способны спасти от краха Россию как суверенную страну.

И меня после осознания этих, казалось бы таких простых и очевидных истин, несколько смущала мысль, что бывшие советские люди в бывшем Советском Союзе (который и стал-то бывшим в значительной степени благодаря РС и ее шефам) все еще продолжают верить этой "идуущей впереди прогресса" радиостанции и не найдется человек, который открыл бы правду о "Свободе". Но вот недавно мне попал в руки сборник статей

под названием «Радио "Свобода" в борьбе за мир...»*, который полностью подтвердил все мои догадки и дал дополнительную "информацию для размышлений".

Читатель, интересующийся политическими проблемами, найдет в этом сборнике много материала, который расширит его представление о современной картине мира и о "Новом мировом порядке", познакомится с высказываниями политических деятелей и публицистов о действительной цели борьбы радио "Свобода": борьбы за мир, по возможности весь...

Как пример можно привести образную и лаконичную оценку, которую дал В. Максимов РС и Ельцину: "... любимая Борисом Николаевичем радиостанция "Свобода", посодействовав ему в разводе с сопредельными республиками, вплотную занялась разделом Российской Федерации". Трудно точнее и ярче сказать о функции "Свободы" в операции "Перестройка".

В сборнике приведено и высказывание Нобелевского лауреата по литературе Александра Солженицына: «... дело не в отдельных администраторах, а дело в руководящей идеологии вашей... ваши радиопередачи все 30 лет направлены на то, сознательно направлены, планомерно, чтобы не дать русскому православию подняться и стать организующей силой в России». Солженицын убежден, что эта радиостанция провоцирует национальные конфликты и «вредит отношениям русского народа с американским».

Этот небольшой по объему, но глубокий по анализу идущей "борьбы за мир" сборник будет очень полезен не только для тех, кто серьезно занимается проблемами средств массовой информации, но и для всех людей, кому дорога истина, подлинная свобода, свое национальное самосознание и дружба между русским и другими народами.

* Радио "Свобода в борьбе за мир... Сборник полемических статей. Автор-составитель М. Назаров. - Москва. 1992. 128 с.

НАМ ПИШУТ

Многоуважаемый господин редактор!

Будучи подписчиком Вашего журнала, как был и мой покойный отец, я удивлен тому, что в № 47 Вы напечатали письмо г-жи Р. Бжезицкой из США.

Во-первых, письмо исключительно субъективно, а во-вторых - оно просто невежественно. Я тоже переписываюсь со многими православными в России, в Канаде и США, в Европе и в Австралии, но, как это ни странно - все они разделяют мое мнение, которое совсем противоположно мнению г-жи Бжезицкой. Значит и я не одинок в своих суждениях.

Но разве в этом дело? Ведь вопрос и шире, и выше!.. По мнению г-жи Бжезицкой, цель оправдывает средства. То есть надо все спрятать под ковер и не шуметь, а то "враги узнают". Это очень наивный подход, ибо враги не спят и все сами знают. А знают они самое важное: наши слабости - как нас можно закабалить сладким пленом сотрудничества с нашим же безбожным противником. Неужели это не ясно?

Мы здесь говорим не о какой-то общественной организации, а о Церкви Христовой, о самом Теле Господнем. Какой тут может быть компромисс? Тут дело уже не в милосердии по отношению к падшим; дело в подмене добра злом во имя земного и телесного существования.

Г-жа Бжезицкая, Вы, видно, забыли о первых христианах-мучениках и Вам, видно, не знакомы имена наших недавних Новомучеников Российских, положивших жизни своя во имя Христа. Не забудьте, что это они нам завещали Правду и Веру во Христа хранить даже ценой жизни. Наши Российские Новомученики подали нам пример неприятия компромиссов с безбожной властью. Вам, должно быть, не известно и то, что много российских иерархов в самой большевицкой России отвергло

пресловутую Декларацию митрополита Сергия, рискуя при этом жизнью. Что у этого же самого митрополита Сергия Святитель и Отец наш патриарх Тихон принимал покаяние за участие в "обновленчестве"...

В России видимая церковная организация уцелела, но не потому, что митрополит Сергей пошел на сделку с властью, а потому, что власть оставила его на месте - чтобы инфильтрировать церковное управление (иерархию) и чтобы ее развалить изнутри. Это был путь, на котором КГБ овладело церковным управлением и развратило его. Этот духовный развал и пленение существуют и по сей день.

Церковная смута действительно существует, и состояние нашей Церкви смутное. Почему? Этот вопрос надо задать честно и не кривя душой. Ответ прост: враг овладел нашей Церковью. Но вместо того, чтобы ее освободить, г-жа Бжезицкая предлагает замалчивать неправду и зло, мол, под шумок все как-то само станет на место. Забыла, видно, г-жа Бжезицкая, что Господь, а не люди, всем Судья, и Он все знает, от Него ничего не скрыть!

Мне кажется очень дерзким и неправдивым обвинение г-жи Бжезицкой в адрес о. Виктора Потапова, когда она упрекает его в затаптывании, смаковании, злорадстве, оплевывании, сеянии смуты, разделении и властвовании, невежестве и т.д. Во-первых, недостаток такта показателен для самого автора письма. Во-вторых: причем тут католики, демократы, девичьи фамилии, кандидаты в патриархи и даже Соломоновы острова? Все это дым и пыль, а сути - нуль. Стыдно! Надо писать о сути, а не замалчивать компромиссы. Смута у нас из-за недостатка честных, глубоко верующих людей...

Речь идет о Церкви Христовой, которую Св. Владимир, Просветитель земли Русской, завещал нам сохранить чисту и непорочну. А что сделал митрополит Сергей и нынешняя Патриархия и что предлагает делать г-жа Бжезицкая? Держать в секрете и продол-

жать сделку с Мефистофелем? Не забывайте, настанет время придется за все это нечистое платить. От сделки никуда не уйдешь! А о том, как все это очистится само, от этой нашей скорби - автор не говорит ни словечка. Только одно она твердит: ни о чем не говорить вслух. Прямо как в "доброе былое" сталинское время. Русская пословица хорошо гласит, что "правда глаза режет", а г-жу Бжезицкую она просто слепит.

Не знаю, читает ли г-жа Бжезицкая (помимо писем единомышленников) литературу по этим вопросам. Если да, то рекомендую почитать издания Св.-Троицкого монастыря и узнать, что думают Синод и иерархи Русской Православной Церкви за рубежом. Эти издания всем доступны и не скрываются под семью печатями. Синод, к сведению г-жи Бжезицкой, радеет о Матери Церкви. Надо только прочесть Молитву о спасении России, читаемую за каждой литургией, чтобы понять всю полноту сострадания по отношению к Православной России. Мазать же Зарубежную Церковь и сергианцев одним миром - просто невежественно: мол, "было и в России, было и в Зарубежье..." Надо извратить правду, чтобы так выразиться. Это сушая ложь!

Забыла г-жа Бжезицкая, что Православная Россия жила благодаря духовной литературе, посылаемой силами Зарубежной Церкви...

Покаяние должно быть искренним, а не показухой. Только тогда Господь нас помилует. Заметьте: я сказал "нас". Но только если и Вы, г-жа Бжезицкая, отойдете от лжи сергианства. Напомню еще раз: первыми отошли от этой лжи российские иерархи, многие оказались в заключении за несогласие с митрополитом Сергием.

Итак, дело не в бросании камней, а в очищении нашей Святой Церкви Православной. Только тогда никакой внешний враг нас не одолеет. А пока у нас не будет Правды - то и враги нас обворожат.

Петр П. Пагануцци

Монреаль, 7 ноября 1992 г.

От редакции.

Публикации письма г-жи Бжезицкой ("Вече" № 47) мы предпослали замечание редакции, в котором однозначно указали, что "со многими формулировками и обвинениями в адрес Зарубежной Церкви мы не можем согласиться", опубликовали же письмо, ибо "затронутая в нем проблема требует ответа". К сожалению, требуемого ответа в публикуемом письме нашего читателя г-на П.П. Пагануцци мы не находим. Однако в письме обнаружили высказывания его автора, с которыми не только не согласны, но которые, на наш взгляд, свидетельствуют о легковесности его суждений. Тем не менее, печатаем это письмо (тоже с незначительными сокращениями), чтобы заверить г-на Пагануцци, что не следует удивляться, если на страницах "Вече" находят место высказывания его читателей, могущие вызвать его возражения.

Что касается стиля письма Пагануцци, то вынуждены отметить, что нас коробят допускаемые его автором, в пылу полемики, голословные обвинения г-жи Бжезицкой в "невежественности", "дерзости", "неправдивости", в "извращении правды", даже в "сушей лжи", не подтверждаемые ни одной цитатой из ее письма. Опрометчиво, совершенно бездоказательно укоряет г-н Пагануцци г-жу Бжезицкую в том, что ей якобы "не знакомы имена наших недавних Новомучеников Российских", что она "предлагает замалчивать неправду и зло", что продолжает "сделку с Мефистофелем" и не отходит "от лжи сергианства". И ни одной цитаты из письма г-жи Бжезицкой, в подтверждение!

Мы не намерены упрекать г-на Пагануцци в весьма сомнительном методе ведения дискуссии, - каждый участвует в меру своих возможностей, - однако, вынуждены, определяя уровень, на который он сам себя ставит, процитировать слова из его же письма, несправедливо обращенные к г-же Бжезицкой: "...недостаток такта показателен для автора письма".

Чтобы не превращать замечание редакции в развернутую статью, воздерживаемся от перечисления положений письма г-на Пагануцци, с которыми мы согласиться не можем.

В заключение советуем г-ну Пагануцци перечитать возмущившее его письмо в редакцию "Вече" г-жи Бжезицкой, смысл и значение которого понимаются нами в последних его строках:

"Если невозможно помириться и объединиться с Патриаршей Церковью - не надо. Пусть это великое дело совершат те, кто

будет жить после нас. Но не надо злобных разоблачений и злопыхательства, не надо бесконечных повторений давно и всем известных обвинений. Хватит! Отцу Виктору Потапову, бросающему камни, следует помнить, что и он, как каждый смертный - не без греха".

О.К.

*

Уважаемый господин редактор!

Просим опубликовать в редактируемом Вами журнале "Вече" наше открытое письмо в Канцелярию нашего Архиерейского Синода.

Группа прихожан Русской Зарубежной Церкви города Вашингтон, США.

**В Канцелярию Архиерейского Синода
Русской Православной Церкви за границей**

Публикация Канцелярии Архиерейского Синода о том, что Синод Русской Православной Церкви за границей осудил антисемитизм и отмежевался от священников, связанных с организацией "Память" вызвала у нас удивление и глубокую тревогу. Объясняется это тем, что в тексте публикации говорится:

«... Церковь осуждает антисемитизм в любой его форме... Христианство учит нас любить друг друга: оно никогда не может служить оправданием ненависти, нетерпимости и насилия», но не объясняется, что именно подразумевает Синод конкретно под антисемитизмом, о каких ненависти, нетерпимости и насилии идет речь? Из повседневной жизненной практики нам хорошо известно, что сплошь и рядом определенные политические круги и отдельные лица как на родине, так и на Западе, называют антисемитизмом любые проявления русского патриотизма, любые, даже самые безобидные, попытки русских православных людей защититься от русофобских тенденций, получивших в настоящее время

широчайшее распространение в средствах массовой информации, в литературе, в псевдонаучных исследованиях по русской истории, в публичных и частных высказываниях активных политических деятелей так называемой "третьей волны". Осуждает ли Синод именно такой, с позволения сказать, "антисемитизм"? Или же Синод имеет в виду нечто иное?

Мы чувствуем себя вправе спросить также, считает ли Синод широко известный труд академика И. Шафаревича "Русофобия", раскрывающий на основе обширного фактического материала провокационную суть унижающего, жестоко оскорбляющего русский народ прискорбного явления, давшего название работе Шафаревича, - проявлением антисемитизма? И вообще, причисляет ли Синод чад Русской Православной Церкви за границей, принуждаемых защищать свое человеческое достоинство, свою национальную честь посильными разоблачениями лживости и злонамеренности направленных против них клеветнических наветов и обвинений - к антисемитам?

Мы не имеем достоверных сведений об идеологической целенаправленности и практических действиях МПФ "Память". Нам известно лишь по обрывочным, лишенным объективности, противоречивым сообщениям средств массовой информации о существовании в России нескольких организаций, выступающих под этим названием. Поэтому мы не в состоянии дать однозначную оценку этим организациям. Тем не менее, мы думаем, что если "Память" «особенно ненавидит», как утверждает Канцелярия Синода, газету "Московский комсомолец", а какой-то господин Васильев считает фашизм (какой - итальянский, испанский или германский?) "духовной ценностью", это еще не повод для отмежевания Синода от священнослужителей, связанных с организацией "Память". Нам также непонятно, почему Синод счел нужным взять под свою опеку газету московской организации Коммунистического Союза Молодежи.

Что же до утверждения Канцелярии Синода, будто бы организация "Память" устроила «налет» на редакцию газеты "Московский комсомолец", то утверждение это мы расцениваем как необдуманное и несерьезное. Во-первых, согласно сообщениям российской печати, в посещении несколькими членами "Памяти" редакции "Московского комсомольца" судебные органы не нашли состава преступления. Во-вторых, избрав слово «налет», означающее вооруженное нападение с целью ограбления, Канцелярия Синода явно исказила суть происшедшего. Ни вооруженного нападения, ни ограбления и в помине не было!

Итак, о каком насилии идет речь в публикации Канцелярии Синода? Где, когда, над кем были совершены акты насилия?

В связи с публикацией Канцелярии Архиерейского Синода у нас, помимо высказанных соображений, возникли и другие вопросы. Однако, этих вопросов в данном письме мы касаться не намерены.

Обращаемся же в Синод как русские православные прихожане Зарубежной Церкви с нижайшей просьбой ответить нам на главные из возникших вопросов. Какие конкретно действия, поступки, высказывания рассматривает Синод нашей Церкви, лично Высокопреосвященнейший Митрополит Виталий, как акции ненависти, нетерпимости и насилия, вызывающие осуждение?

Наряду с этим мы просим объяснить нам, а вместе с нами всем чадам Русской зарубежной Церкви, что конкретно следует понимать под словом *антисемитизм*?

Своими фамилиями мы это письмо не подписываем, ибо опасаемся, что объявляя его открытым, мы подвергаем себя серьезным опасностям, хотя и проживаем в такой демократической стране, как Соединенные Штаты Америки. Просим Канцелярию Синода опубликовать ответ на наше письмо в синодальных, а также в епархиальных печатных органах. Письмо это, с просьбой

о публикации его, направляем в редакции органов русской печати в Зарубежье.

*Группа прихожан Русской
Православной Церкви за границей*

Вашингтон, США, 2 февраля 1993 г.

*

Многоуважаемый Олег Антонович!

С тех пор, как я приехал в Марокко (в марте 1991 г.) в качестве нового настоятеля Русской православной Церкви Московского Патриархата, для меня самым любимым и читаемым журналом (из всех, что имеются в нашей библиотеке) был и остается Ваш "Вече". И я не ошибусь, если скажу, что не много в мире найдется подобных изданий, где бы так живо, в духе истинно-русского патриотизма и Православной веры освещались бы самые животрепещущие вопросы нашей, прежде всего, российской действительности.

Когда в № 47 я прочитал о намечающемся (по известным причинам) прекращении издания Вашего альманаха, я был крайне огорчен, и огорчен дважды: оттого, что именно сейчас, когда так важна его роль, вынуждено умолкнуть правдивое русское слово, и от своего бессилия чем-либо помочь Вам.

Роль Вашего журнала на протяжении последних десяти с небольшим лет неоценима... И даже если бы это печальное для всех нас событие произошло и № 48 был последним, Вам, Олег Антонович, уже многим будет обязана Россия и, прежде всего, за то, что Вы были искренним и смелым выразителем ее тревог и чаяний. Но Бог, утешающий рабов Своих (2 Кор. 7, 6), утешил и нас всех тем, что "Вече" продолжает жить (благодаря добрым людям) и бороться, бить в колокол и будить русскую совесть как на Родине, так и в "рассеянии сущей".

Какие надежды возлагаем мы все на Ваш журнал в настоящий, очень напряженный и ответственный для судеб России и всего мира, период? Это, прежде всего, быть, как и ранее, связующим звеном между двумя, если можно так сказать, "Россиями" и двумя частями Российской Церкви... Кому на руку сейчас затянувшийся раскол и продолжающийся спор о том, кто более "православный", кто больше сохранил из церковного наследия и кто, соответственно, далее отступил от духа и истины Православия: Русская Зарубежная Церковь или Московский Патриархат?!

Только врагам нашим, а их множество! Все мировое зло, благодаря нашим демократам, мощным потоком сегодня хлынуло на Русь и грозит заполнить и увлечь многих наших людей в чуждые русскому духу и опасные духовные течения... А это, прежде всего, католицизм и разветвленнейший протестантизм с экуменизмом, масонство и оккультизм, и всевозможные восточные культы... И пока мы будем "выяснять отношения" и упрекать друг друга во всех смертных грехах, мутные воды этого потока унесут многих, и уже уносят! Не падет ли вина за их гибель и на всех нас, "внешних праведников", с огрубевшим и немилующим сердцем? Если сегодня (!) мы не найдем в себе силы пойти навстречу друг другу, чтобы вместе противостоять общему врагу, завтра уже будет поздно... И мы (все!) не увидим уже прежнюю Русь, которую мы все-таки чаем увидеть: великую и святую, прошедшую через многие унижения и очищенную в горниле великих страданий, а увидим в лучшем случае некую... полуколонию соединенных (а не разобценных!) штатов Европы и Америки...

Все болеющие за страну русские люди должны понять, что каждый теперь день, прожитый в прежнем противостоянии (во многом нелепом и абсурдном!) - это новые на Руси масонские ложи и новые зарегистрированные полуобезумевшими (в некоторой своей части) демократами общины сатанистов и сексуальных мень-

шинств, кришнаитов и йогов-индуистов, необуддистов и проч. Мы все в своей общественной деятельности должны прежде всего исходить из очевидного факта: существовал (перед "великой", "социалистической" революцией) и поныне существует всемирский масонско-иудейский заговор против России... И доказательств тому много!

Из всего здесь сказанного, Олег Антонович, видно, что значил и что значит для всех нас теперь наш "Вече"! И мы молимся за Вас, чтобы Господь хранил Вас и дал силы до конца донести свой крест за спасение России...

Вот вкратце то, что хотелось выразить Вам в своем письме к Вам. Еще раз сердечно Вам, Олег Антонович, спасибо за "Вече"!

Остаюсь преданным Вам

Свящ. Анатолий Егоров

Рабат, Марокко, февраль 1993 г.

М. Назаров. "Миссия русской эмиграции"

Вышел из печати 1-й том этой книги (Ставрополь. 1992. 416 стр.), отдельные главы из которой печатались (в журнальном варианте) в "Вече". Он имеет законченную форму и представляет собой *историю политической эмиграции*, с описанием важнейших организаций (в т.ч. масонских), движений, с анализом их политики, ошибок, разногласий (в т.ч. церковных). Снабжен именованным и предметным указателем.

2-й том будет посвящен "русской идее", религиозно-философским исканиям, в том числе космополитической идеологии "третьей эмиграции" и "мондиализма".

Читатели на Западе могут приобрести 1-й том, прислав чек на 40 нем. марок (пересылка обычной почтой) по адресу:

M. Nazarov, Krokusstr. 18, D-8031 Maisach, Germany.

ПАМЯТИ ДРУЗЕЙ

Хироси (Сергей) Кимура

В возрасте 67 лет скоропостижно скончался Хироси (Сергей) Кимура - известный японский русист, профессор университета Сидзуока, переводчик русской литературы на японский язык.

Благодаря его усердному, вдохновенному труду японские читатели смогли прочесть на своем родном

языке "Слово о полку Игореве", произведения Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Достоевского, Чехова. Он перевел "Один день Ивана Денисовича" и "Матренин двор" А.И. Солженицына, способствовал изданию на японском языке "В круге первом" и "Архипелага ГУЛаг". Его перу принадлежат работы о русских писателях и художниках, им написаны книги о русской культуре и русском искусстве. В течение нескольких десятилетий он вел в самой распространенной газете Японии "Иомиури" специальную колонку о русской культуре, подписывая ее иероглифом "Русский".

Неоднократно посещал Кимура Россию, где с середины 60-х годов лично общался с А.И. Солженицыным. Заподозренному органами советской госбезопасности в перевозе рукописей опального писателя за границу, ему советское посольство в Токио с конца 60-х годов отказывало во въездной визе в Советский Союз. Запрет на поездки в страну, народ и культуру которой Кимура не только любил, но как бы впитал в свою душу, был снят с него лишь в конце 80-х годов.

О глубокой духовной связи Кимура с Россией свидетельствует принятие им православной веры. Незадолго до смерти, приняв обряд крещения в японском православном храме, он получил имя Сергей. Уже до крещения, на протяжении многих лет все его русские друзья, а их было множество - писатели, художники, артисты, ученые - любовно называли его Сережей.

Я счастлив, что довелось мне лично знать Сережу Кимура, в течение почти двух десятилетий неоднократно встречаться с ним как на его родине, так и в Америке. Он был внимательным и благосклонным читателем альманаха "Вече" с первого выпуска.

Навсегда сохранится в моем сердце светлая память об этом замечательном человеке, искреннем друге России.

Отпевали его в токийском православном соборе Святого Николая.

О. Красовский

Константин Павлович Иванов

В Петербурге произошло ужасное злодеяние. В ночь на 19 декабря 1992 г., в канун праздника Николая Святителя, был убит патриот, ученый, православный человек - Константин Павлович Иванов.

Кратким некрологом откликнулись одна две газеты, не усматривая никакой связи между убийством и

убийцами. На отпевании в храме Воскресенье Христово 25 декабря об убиенном было прямо сказано: "принесена чистая жертва". Значит кому-то нужно было убрать именно чистого человека, кем и был Костя Иванов - прекрасный семьянин, у которого было шестеро детей, который успел в своей жизни определить путь - не отрицания, а созидания, путь любви к ближнему.

Мучает мысль: Костя погиб за веру Христову - убит, а коли так, то кто же водил рукой убийцы? Увы, ответа нет.

Убран человек большого ума, чистого сердца, любви к России. Лев Николаевич Гумилев не потому ли и уходил из жизни спокойно, оставляя после себя достойного ученика - Костю Иванова... И через полгода на том же месте в храме, где лежал Лев Николаевич Гумилев - отпевали Костю Иванова! Он тихо, но уверенно проповедовал Слово Божье. В своем противостоянии злу он обличал университетские мафиозные круги. Так и убили его в парадной, на пороге собственной квартиры, на глазах детей, в полночь.

Н. Шумских

С.-Петербург, декабрь 1992 г.

Учитель и Ученик

Костя Иванов появился в нашем доме как-то неожиданно в 1976 г., уже закончив химический факультет Университета. Насколько я знаю, он был способным студентом, и химическая карьера его была как бы предрешена. В это время он дружил с Верочкой Полозовой (своей будущей женой). Она была студенткой Льва Николаевича и защищала у него диплом.

Зная, что Костя увлекается философией и поэзией, Верочка пригласила его как-то послушать лекции Льва Николаевича Гумилева на географическом факультете Университета. Костя отнесся к этому слегка скептически-

ки, но пошел и стал ходить регулярно, а затем пришел к нам в дом с кучей вопросов. Так он вошел в нашу жизнь и полностью изменил свою.

В те времена я купила магнитофон. Мне казалось, что лекции Льва Николаевича были настолько не стандартными и не повторялись, что их следовало записывать, чтобы сохранить для будущих слушателей. И я попросила Костю, как человека "технического", сопровождать Льва Николаевича с магнитофоном. Заведующий кафедрой экономической географии С.Б. Лавров дал разрешение на это, и Костя стал как бы официальным "помощником" Гумилева.

После лекций они возвращались домой, где я всегда ждала их с чем-нибудь вкусным. За столом обсуждались лекции, и Лев Николаевич и Костя шутили, вспоминая курьезные вопросы слушателей. Всегда была уютная, домашняя беседа. Уходил Костя поздно, еле успевая до закрытия метро...

Проходило время. Постепенно Лев Николаевич стал готовить Костю к самостоятельной научной работе. Он не без трудностей (и не без поддержки С.Б. Лаврова) был принят на работу на географический факультет. Гумилев приучал его к самостоятельности мышления и независимости суждений, и Костя оказался хорошим учеником. Он сопровождал Гумилева не только на лекции, но и на доклады, симпозиумы и конференции, иллюстрируя идеи Льва Николаевича графиками, плакатами и картой.

Нельзя сказать, чтобы все это проходило гладко. Иногда учитель и ученик спорили до хрипоты, но Лев Николаевич любил споры: раз человек спорит, значит мыслит, а это главное. Приучал и Костю делать самостоятельные доклады, без записок, чтобы речь лилась как бы из "нутра".

Костя был очень активным человеком, и он все время находил среди слушателей Л.Н. талантливых и увлеченных людей, вовлекая их в занятия "теорией Гумилева". Это очень радовало его учителя, так как в

эти годы Гумилев был одиозной фигурой: его мало печатали и даже мешали читать лекции. А ему так нужна была поддержка, и главное - живой отклик и помощь.

Костю мы с Львом Николаевичем любили. Он много помогал нам в нашей трудной жизни. Так, например, когда умерла моя сестра в Москве, он поехал и помог моим родственникам похоронить ее, и не формально, но по всем русским православным обычаям. Я уже не говорю о том, как он нам помогал во время тяжелой болезни Льва Николаевича.

Костя оставался верным до конца своей трагически оборвавшейся жизни, верным последователем и продолжателем идей Л.Н. Гумилева, его глобальной теории этногенеза и идей евразийства, что он считал спасительным для России, для ее несчастного народа, очередной раз переживающего очень трудное время.

...Они ушли от нас в один год, Учитель и Ученик. Пусть земля будет им обоим пухом, и да останутся они в памяти нашей навечно!

Н. Гумилева

С.-Петербург, январь 1993 г.

Поправки

В тексте "Вече" № 48 обнаружены существенные ошибки. На стр. 3-й в перечислении публикуемых материалов следует читать: С. Солдатов. О цвете знамен русского патриотического движения 26 (вместо 44) и Проект совместной декларации 45 (вместо 92).

Во 2-й строке в последнем абзаце на стр. 183 следует читать: Алексеем Малышевым вместо Александром Малышевым.

За допущенные ошибки просим у читателей извинения.

Редакция

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

«VECHE»

**P.O. Box 790068
Flushing Sta. Midd. Vill.
N.Y. 11379, USA
Tel. 718 - 651 5662**

**Просьба оформлять и продлевать подписку на
"Вече" для США и Канады через Генеральное
Представительство по указанному выше адресу.**

**Условия годовой подписки с 1 января 1993 г.
(4 выпуска в год):**

60 ам. долларов

(для библиотек 90 долл.)

Для пенсионеров скидка 25 %

Доплата за авиапочту 15 долл.

**По вопросам розничной продажи "Вече"
в США и Канаде
также просим обращаться
в Генеральное Представительство**

ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ИЗДАНИЕ "ВЕЧЕ"

На продолжение издания "Вече" получено
пожертвований с 1 ноября 1992 г. по 1 марта 1993 г.

I. От жертвователей из США (в американских долларах)

А. Абрамов	1.000	КРА	1.000
Е. Андреева	150	Н. Коверда	40
Г. Андреева	75	О. Колесников	80
А. Берендс	125	Г. Констин	100
Г. Будзилович	200	П. Лигостаев	40
И. Буланова	40	А. Левыкина	100
М. Вахтель	100	В.М.	2.000
Ю. Ветохин	100	П. Наумова	15
Н. Воробьев	40	А. Неклюдова	50
Г.Г.	500	А. Пульт	50
Г. Гуськова	1.300	Л. Пункт	50
Группа общества		Л. Свентон	50
галлиполийцев в США	100	Н. Сопелкина	100
Н. Виноградова	500	В. Сребник	50
Л. Диодиевич	40	М. Стенин	40
Р. Диакон	100	Н. Концевич	200
Ю.Д.	100	Л. Ткачевская	100
Г. Егоров	500	Н. Таль	100
В. Зезюлин	100	Н. Федоров	400
Т. Зелинская	200	Фонд	
С. Исакова	200	архиепископа Иоанна	100
Г. Корш	50	Р. Хованесян	20
К.К.	1.000	И. Чичагов	100
В. Карпович	40	Ю. Юргенс	1.000
М. Клейн	100		

Всего - 12.555,00 американских долларов
или 19.585,80 немецких марок

II. От жертвователей из Германии (в немецких марках)

В. Зарубин	20	В. Мондич	300
Ю. Калюжная	500	З.О.	200
И. Комаров	40	В. Фефелов	50

Всего - 1.110.00 немецких марок

III. От жертвователей из других стран

Н. Козубская (Бразилия)	- 60 ам. долларов
Р. Кастючик (Аргентина)	- 125 ам. долларов
З. Астафьева (Канада)	- 30 канад. долларов

Всего в перерасчете на немецкие марки - 327.90

Всем жертвователям на продолжение издания "Вече" приношу глубокую благодарность.

Искренне Ваш

О. Красовский

**Письма для редакции «Вече»
направлять по адресу:**

Frau V. Drewing
(für RNV e.V. und "Veche")
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81
Germany

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

О. Красовский

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ –
НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

Воспоминания

World © OLEG KRASSOWSKI 1993

От автора

Часть моих воспоминаний, озаглавленная "У подножия монумента" ("Вече" № 48) вызвала поток писем зарубежных и российских читателей журнала. Меня удивило единство ощущений авторов этих писем, будто прочли они статью или очерк на тему - "А.И. Солженицын". Из поля их внимания как бы выскользнуло, что познакомились они лишь с отрывком из мемуаров, не претендующих на определяющую и исчерпывающую оценку описываемого. Удивило меня также, что авторы полученных мною писем (за исключением одного, письмо которого и мой ответ на него будет опубликовано в № 50 "Вече") выразили однозначное одобрение, даже похвалу за создание облика (я не создавал его, таков он есть в моем субъективном восприятии) А.И. Солженицына - не монумента, не писателя и мыслителя, - а просто живого человека и его характера. Авторы двух писем, высказав мнение, что сообщенное мною подтверждает сложившееся у них представление о русском писателе, упрекнули меня в том, что я совершил "политическую ошибку", сказав громко то, о чем нам русским следует молчать, чтобы не снабжать Синявского, Янова, Эткинды и иже с ними "аргументами" против объекта их яростных нападок.

Отвечая авторам этих двух писем и тем, кто разделяет их точку зрения, хочу подчеркнуть, что рассматриваю свои воспоминания только как правдивый рассказ о том, что было, о пережитом, увиденном, познанном и прочувствованном, ни малейшего отношения к каким-либо политическим целям не имеющим. Более того, не задумываюсь над тем, как мое повествование, в котором нет художественного и иного вымысла, воспримут читатели. Готов спокойно, без личной обиды, принять осуждение за то, что прожил жизнь не такую и не так, как кому-то этого хотелось бы, выслушать упреки за поступки, кому-то не нравящиеся. Считаю себя вправе, быть может даже обязанным, писать о моей жизни то и как нахожу нужным, не оглядываясь по сторонам. Но, конечно, благодарю всех читателей, отозвавшихся на уже опубликованную часть воспоминаний, и буду искренне признателен всем, кто впредь сочтет возможным и нужным поделиться со мною своими мыслями о моем повествовании.

О.К.

"Мы их найдем на дне морском..."

Летний отпуск 1958 года провел я в Марокко. Три недели наслаждался радушным гостеприимством Гриши Гнедича.

Знал я его с весны 1942 года. На курсах пропагандистов в Вульхейде под Берлином в комнате, где размещалось примерно сорок курсантов, наши койки стояли рядом. Несмотря на значительную разницу в возрасте - он был старше меня лет на десять - между нами установились теплые товарищеские отношения. Фамилия его тогда была не Гнедич, а Яропут. Имел он, по моим тогдашним понятиям, довольно высокое воинское звание военного инженера второго ранга. Мне он imponировал своим подчеркнuto независимым характером, смелостью суждений, железной выдержкой, с какой переносил мучивший всех нас голод, и чистоплотностью - по утрам и вечерам он долго и тщательно мылся холодной водой до пояса. Вероятно, что-то нравилось и ему во мне.

Из Вульхейде мы разъехались по разным лагерям. Вновь встретились в Дабендорфе весной 1943 года, где он надел майорские, а я лейтенантские погоны РОА. А потом увиделись лишь раз, столкнувшись буквально нос к носу в конце 1944 года. На нем уже красовались полковничьи погоны. Небрежно ответил на отданную мною честь, бурно обнял меня, но, поскольку спешил куда-то, обменялись только несколькими словами.

Продолжение. Начало см. в "Вече" №№ 45, 46, 47, 48. Из готовящейся к печати автобиографической книги "Жизнь прожить - не поле перейти". Журнальный вариант.

Летом 1956 года я гостил в Касабланке у Б.Т. Узнал от него, что полковник Яропут, теперь Гриша Гнедич, эмигрировал в конце сороковых годов из Мюнхена в Марокко. Через три года после приезда в Касабланку он поднялся на головокружительную высоту. Начав работать сменным инженером в какой-то французской строительной фирме, в результате несчастного случая он в служебное время лишился указательного пальца левой руки. Б.Т. сказал, что в русской колонии Касабланки никто не сомневается, что Гриша просто-напросто сам себе отрубил топором палец. Как бы там ни было, получив по страховке крупную сумму за увечье, он использовал ее для создания собственной фирмы, выросшей в течение короткого времени в солидное строительное предприятие, получавшее крупные правительственные подряды. Эмигранты удивлялись деловой активности бывшего полковника РОА, а любящие считать деньги в чужом кармане утверждали, что он гребет миллионные доходы.

С Гришей Гнедичем Б.Т., прибывший в Вульхейде после нашего отъезда оттуда, познакомился в пути из Германии в Марокко. Переселившись в Касабланку, проработав два года землемером в провинции, он с Гришей не общался. От кого-то слышал, что Гнедич, разбогатев, зазнался, отстранился от соотечественников, якшается только с местной знатью. Поэтому я не искал встречи с ним.

Но встреча состоялась. Так же неожиданно, как более десяти лет назад. Как-то в воскресенье у входа в местную церковь я увидел Гришу, внешне почти не изменившегося. Остановившись передо мною, оглядев с головы до ног взглядом, выразившим, что причислял меня к тем, кого уже нет на земле, крепко обнял. Тут же познакомил с женой, Марией Васильевной, на которой женился после войны. Произнеся обычные в таких случаях фразы, засыпав беспорядочными вопросами, пригласил меня на обед, затянувшийся до вечера. Пришлось звонить Б.Т., чтобы не вздумал, что я исчез, и не

устраивал поисков. Через два дня после встречи с Гришей я покинул Касабланку...

Осенью, через год после встречи со мною, Гриша приехал в Германию. Гостил он во Франкфурте-на-Майне у Евгения Ивановича Гаранина, члена НТС с военных лет. В штабе РОА Гаранин (тогда майор Е.И. Арбенин) был начальником военно-юридического отдела. Как и Гриша, он в конце 1940-х годов эмигрировал в Марокко. В Касабланке создал какую-то фирму, не столь процветающую, как Гришина, но приносящую приличный доход. Чувствуя влечение к активной политической деятельности, вняв призывам своих друзей из руководства НТС, он, ликвидировав предприятие, переселился во Франкфурт-на-Майне, где возглавил отдел печатной пропаганды организации.

Приглашенный Евгением Ивановичем, Гриша присутствовал на ежегодной открытой конференции еженедельника "Посев", в те времена считавшейся одним из важнейших событий русского Зарубежья. На нее из разных стран съезжалось, помимо двухсот-трехсот деятельных членов НТС, много общественных и политических деятелей из кругов русской эмиграции, не испытывающих неприязни к "нацмальчикам".

Будучи деловым человеком, Гриша совмещал приятное с полезным. В Германии он намеревался не только передохнуть от африканского зноя, но приобрести необходимые ему инструменты, оборудование, арматуру и отделочные материалы. Меня попросил оказать ему помощь в качестве переводчика при посещении фирм, занимающихся экспортными делами. За несколько дней до отъезда из Касабланки в Европу Гриша получил купленный им в США умопомрачительный "Кадиллак" молочно-белого цвета с малиновыми кожаными сиденьями - последний крик американской автомобильной техники и моды. На нем он приехал во Франкфурт-на-Майне, и в этой сказочной машине я сопровождал его в деловых поездках по Германии. На городских улицах Гришин "Кадиллак" как магнит при-

тягивал к себе взгляды прохожих. Когда мы, подъехав куда-либо, оставляли машину у кромки тротуара, люди останавливались около нее, порой собирались стайки мальчишек, восторгавшихся автомобильным чудом. Как почти все власовцы, Гриша немцев не любил в отместку за кретинизм их нацистского руководства. Наблюдая загорающиеся у прохожих глаза при виде его машины, он хитро ухмылялся, подмигивал мне, заставляя каждый раз думать, что с трудом сдерживается, чтобы не повторить слова поэта, чуть изменив их, заменяя слово "читайте" словом "смотрите": дескать, смотрите - завидуйте! - добавив к ним собственную мысль: "хозяин этого великолепия - унтерменш из тех, о ком ваш трижды проклятый фюрер говорил, что с ними не разговаривают, а их уничтожают"...

Закончив свои дела, Гриша с женой уехал на две недели в Баден-Баден купаться в целительных водах, поправлявших уже тысячелетие назад здоровье и настроение римских легионеров, изрубленных в боях. В одно из воскресений я навестил его и он взял с меня почти клятвенное обещание, что приеду на следующее лето к нему в гости. Договорились на июль месяц...

Три недели провел я в белом особняке, купленном Гришей у фабриканта-француза, возвратившегося на родину в годы обострения марокканской национально-освободительной борьбы, в одном из фешенебельных районов Касабланки. Построенный во французском колониальном стиле конца прошлого века, просторный импозантный дом окружали пальмы, апельсиновые деревья, тропические кустарники, газоны с благоухающими цветами, среди которых распластался голубой водной гладью большой плавательный бассейн, с высокой вышкой для ныряния над ним. Гриша возил меня в своем умопомрачительном лимузине с охладителем воздуха, спасавшим от жары, по стране. Был я с ним в Марракеше, Рабате, Мекнесе, Фесе, Бени-Мелляле, в селениях берберов у гор Атласа. К увиденному в первое

посещение Марокко прибавилось столько впечатлений, что четкость воспоминаний об этой интересной стране не стусевалась по сегодняшний день.

О многом говорили мы в долгих поездках по пустынным, но очень хорошим, проложенным колонизаторами-французами шоссейным дорогам. Гриша убеждал меня, что совершил я крупную ошибку, отвернувшись от коммерции, занявшись, как он говорил, "бумажными бомбами", имея в виду главное революционное оружие НТС - листовки. Был он убежден в полной бессмысленности потуг эмиграции свергнуть коммунизм, ибо сил у нее для этого не было, а ждать от Запада серьезной помощи невозможно. Признался, что убеждение это укрепилось в нем после того, как побывал на конференции "Посева", послушал доклады и выступления, поговорил с революционерами. "Ну сколько их во всем мире наберется? - спрашивал он. - Два батальона, от силы - три! К тому же - старички уже". Советовал "одуматься" пока не поздно - годы бегут - создать собственное дело, обещал даже поддержать, помочь материально. Убежденный, что в жизни самое главное - личная независимость, а ее единственная гарантия - только деньги, он считал, что каждый нормальный, в меру разумный, уважающий себя человек должен стремиться к независимости, а следовательно, прежде всего искать путь, ведущий к обладанию деньгами, большими деньгами.

Основываясь на собственном опыте, приобретенном в короткий период коммерческой активности в Освейле, лишь частично соглашался я с Гришей. Старался внушить ему, что есть неподвластные деньгам ценности, от которых он отворачивался как от ничего не значащих, пустых абстракций. Отмахиваясь от моих рассуждений, цитировал Пушкина: "Пошел вон, - сказала злато. - И пойду, - сказал булат". Правда, вскоре я убедился в практической весомости Гришиных воззрений...

Переданный мне в первое мое посещение Марокко Б.Т. слух, будто Гриша сторонится соотечественников,

не подтвердился. В действительности он поддерживал с ними живую связь, щедро жертвовал на русскую церковь, всегда помогал попавшим в беду русским эмигрантам. Сближался же, конечно, с людьми симпатичными ему, привлекавшими его интерес, часто не только с теми, кто льстил или поддакивал ему. В этом я убедился, ибо за время моего пребывания у него он неоднократно собирал у себя русских эмигрантов, знакомил меня с ними, устраивал хлебосольные веселые дружеские застолья, на которые собирались десятки соотечественников, расходившихся под утро.

В начале 1950-х годов из Западной Германии в Марокко переселилось более тысячи русских ди-пи, может быть, около двух тысяч. Главным образом это были топографы, геодезисты, землемеры, чертежники, инженеры-строители и электрики. Среди них были люди, не имевшие гражданских профессий, но готовые назвать себя кем угодно, лишь бы уехать из Германии. Французские комиссии, отбиравшие ди-пи на переселение в Марокко, тогда колонию Франции, тщательной проверкой их анкетных данных не занимались. Более того, они не утруждали себя изучением подлинности документов желавших отправиться во французскую колонию в Африке, поэтому в Марокко приехало много участников Русского Освободительного Движения, по счастливой случайности избежавших выдачи.

Большинство эмигрировавших в Марокко русских ди-пи работали в полупустынных, даже пустынных районах страны на топографических съемках местности. Инженеров послали на постройку гигантской плотины и гидроэлектростанции в предгорье Атласа. Русские топографы и землемеры - среди них было немало офицеров-артиллеристов - проявили себя как превосходные специалисты своего дела. Они же, что называется, на ходу, передавали свои знания и опыт соотечественникам, не могущим отличить теодолит от компаса, обучили их топографическому искусству. На строительстве гидроэлектростанции русские эмигранты тоже не

ударили лицом в грязь, не только не отставали от своих коллег-французов, но во многом превосходили их.

При отборе кандидатов на переселение в Марокко из Германии предпочтение отдавалось семейным ди-пи. Среди приехавших в Марокко были как бездетные молодожены, так и семьи с маленькими детьми, встречались даже семьи с бабушками и дедушками. Кормильцы работали преимущественно далеко от городов и поселков, где жили их семьи, и это было главным бытовым неудобством, с которым приходилось мириться. Приходилось мириться и с другим неменьшим неудобством - изматывавшим силы климатом марокканских полупустынь. Однако, поначалу русские люди на свою судьбу не роптали. Зарабатывали хорошо, начали познавать удобства материального благополучия, главное же - успокоились душевно, избавившись от гнетущего их в Германии страха выдачи в руки советских репатриационных комиссий. Но со временем оторванность от привычной среды обитания, невозможность сближения с местным населением даже в бытовом плане, начала давить на психику многих русских эмигрантов.

Раз в два-три месяца приезжал в городки и поселки, где жило по несколько русских семейств, один из священников из Касабланки. Люди собирались в удобном для богослужения доме, исповедывались, молились, причащались. Особенно жаждавшие церковной службы порой выезжали в предутренние часы в воскресенье на своих автомашинах в Касабланку, чтобы вовремя успеть в церковь и после богослужения провести несколько приятных часов со знакомыми, тоже приехавшими из провинции. Этим и ограничивалась духовная связь с внешним миром. Что же до культурной, общественной, политической связи - это были лишь эмигрантские газеты и журналы из Парижа или Германии.

У русских эмигрантов, работавших и живших в марокканской провинции, материально оперившихся, из

года в год росло желание перебраться в один из более или менее европеизированных больших городов, преимущественно в Касабланку. В процессе освобождения Марокко от колониальной зависимости и обретения страной государственной самостоятельности в 1955-56 годах большинство русских эмигрантов свое желание вырваться из провинции смогли осуществить. Занимавшие различные должности в административной структуре страны, в муниципальных и других учреждениях французы возвращались на родину. Освобождаемые ими служебные места, требующие специальных знаний, предоставлялись русским эмигрантам, в достаточной мере изучившим французский язык. За короткий срок с 1955 по 1957 год русская колония в Касабланке выросла в несколько раз за счет прибывших из провинции соотечественников.

Беседуя в доме Гриши с его гостями, узнал, что даже те из них, кто занимал ответственные и высокооплачиваемые должности в марокканских учреждениях, считали необходимым начать хлопоты, чтобы уехать из Марокко в манящую их за океаном Америку. Думали, что только там может быть достигнута вершина эмигрантского счастья, обретено непоколебимое благополучие, получена полная гарантия безопасности от козней советской госбезопасности.

Среди русских людей, приглашаемых Гришей, было много власовцев. Никого из них я в годы войны не знал, но, конечно, с каждым сразу же устанавливались товарищеские отношения, особенно если в воспоминаниях о былом обнаруживались общие знакомые. Естественно, говорили о нашем поражении, о причинах его, видевшихся нами только в идиотизме нацистского руководства Германии. Радовало меня, что никто из бывших соратников и единомышленников не сожалел, что пятнадцать лет назад пошел за генералом Власовым. Узнанное и пережитое после войны ни у кого не поколебало неприязни к коммунизму, не ослабило убежденности в преступной его сущности, не привело к появ-

лению сомнений в правильности принятого давным-давно решения, открыто и безоговорочно заявить о своей готовности вступить с ним в смертный бой.

Что же до выводов каждого из понесенного поражения, то большинство бывших соратников считало продолжение активной борьбы с коммунизмом средствами, имеющимися у русской эмиграции, совершенно бесперспективным. Поэтому ничего иного не остается, как устраивать свою личную жизнь на чужбине наилучшим образом и верить, что неведомыми путями Господними когда-нибудь, через десятки, возможно, сотни лет родина наша исцелится от красной чумы. Лишь двое-трое сожалели, что не могут принять деятельного участия в зарубежной антикоммунистической активности, ибо несут ответственность за семьи, за подрастающих детишек...

За несколько дней до возвращения моего в Европу произошло событие, как бы подтвердившее правоту Гриши в его уверенности, что деньги - решают все. По крайней мере, в условиях его существования... Мы сидели за обеденным столом. Покончив с закуской, принялись за суп. Вошла одна из домашней прислуги и что-то сказала Грише по-французски. Он вспыхнул и раздраженно обратился к жене по-русски:

- Когда, наконец, ты внушишь им, чтобы не мешали мне обедать?

Мария Васильевна сказала пару слов по-французски, смысла которых, не зная языка, я не понял, и прислуга удалилась. Но через несколько минут возвратилась. Принялась взволнованно объяснять что-то Марии Васильевне.

Гриша в сердцах отшвырнул салфетку, рывком вскочил со стула и выбежал из комнаты. Жена его объяснила мне, что приехал один из прорабов и настойчиво вызывает хозяина, чтобы сообщить ему о происшедшей на строительной площадке тяжелой аварии. Вскоре, как вихрь, влетел в столовую Гриша.

- Безмозглые идиоты! - кричал он. - За такое при Сталине без разговоров ставили к стенке!..

На вопрос о случившемся ответил, что на строительной площадке взорвали какую-то трубу, от которой зависело снабжение Касабланки водой. Подойдя к Марии Васильевне, перечислил фамилии людей, которым она должна была немедленно позвонить и сообщить, что все будет в порядке, что Гнедич навестит их к вечеру. Дал поручение заказать несколько ящиков лучшего французского шампанского, десяток двухкилограммовых банок зернистой икры, кучу каких-то деликатесов и сладостей со срочной доставкой на дом. Попросил съездить в банк и взять показавшуюся мне невероятной сумму денег, обязательно в новых купюрах, и исчез в своей комнате, чтобы одеться перед поездкой на строительную площадку. Меня он взял с собой.

В машине - на строительные площадки он ездил не на "Кадиллаке", а в скромном "Рено" - Гриша объяснил толком, что произошло. По полученному от магистрата Касабланки подряду, он строил на окраине города поселок многоквартирных жилых домов. На участке строительства на глубине в несколько метров от поверхности пролежала бетонная труба двухметрового сечения - главная водяная артерия миллионного города, по которой в водонапорные башни поступала вода из водохранилища, находящегося в горах Атласа. Грише запретили строжайше пользоваться при земляных работах взрывчаткой. Точного плана трассы водопровода не дали, ибо он считался военным секретом. Кто-то из сотрудников магистрата, получивший взятку, план раздобыл, и, руководствуясь им, Гриша отметил на местности границы допустимости, по его мнению, небольших взрывов. Совсем отказаться от взрывчатки он по соображениям снижения расходов не хотел. За пределами отмеченных границ разрешил прорабам при рытье траншей для фундаментов и погребов пользоваться динамитом. Бестолковый прораб рванул шашку в недозвоненном месте, и из-под земли вырвался мощный

фонтан воды, высотой в несколько метров. Случившееся грозило Грише катастрофическими последствиями, вплоть до отдачи под суд и закрытия фирмы. Спасение он видел лишь в царивших в местной чиновно-бюрократической среде нравах, превращавших за определенную мзду закон в пресловутое дышло...

На строительной площадке в том месте, где рванули динамитную шашку, образовалось небольшое озеро. Из него ручейками вытекала вода, исчезающая, пробежав с полсотни метров, в потрескавшейся от зноя земле. Фонтана уже не было, ибо трубу перекрыли на ближайшей насосной станции. Чтобы ускорить сток воды, несколько рабочих рыли канавки, лучами расходящиеся от краев образовавшегося водоема.

Гриша осмотрел место аварии, на ходу ругая прорабов, следовавших за ним, смешивая французские слова с сочными русскими выражениями, давал указания. Пробыв с полчаса на строительной площадке, снова сидели в машине. Пересчитав пачку денег в бумажнике, Гриша сказал:

- Хватит для начала.

Пояснил, что необходимо дать "на лапу" начальнику районной пожарной охраны, чтобы немедленно, без шума и звона, прислал несколько машин для откачки воды. Заехали в пожарную команду, где Гриша "в четыре глаза" переговорил с ее начальником, уже ждавшим его. На обратном пути он перечислил важнейших чиновников магистрата, которых следовало навестить, конечно, не с пустыми руками. Говорил, что в случаях, сходных с происшедшим, чиновники ожидают "смазки" в размере не ниже их годового жалования, помимо "небольшого" побочного натурального приношения - дюжины бутылок шампанского, двухкилограммовой банки иранской или русской икры, десятка коробок изысканных сладостей для жен и многочисленных детишек.

Дома Гриша первым делом нырнул в бассейн. Проплавав несколько кругов, пожевал что-то на ходу и исчез в своей комнате. Появился в элегантном белом

костюме с пухлым портфелем из крокодиловой кожи в руке. Перед воротами в высокой стене, ограждавшей его особняк от посторонних взглядов с улицы, стоял начищенный до зеркального блеска "Кадиллак". На заднем сиденье, среди перевязанных подарочными цветными лентами пакетов, сидел секретарь Гриши, марокканец в своем национальном одеянии, взятый в важную поездку, вероятно, только для поднесения подарков высоким чиновникам.

Городское начальство благосклонно отнеслось к Грише, даже со своей стороны оказало большую помощь. По тревоге было поднято саперное подразделение армейской части, прибывшее с необходимой техникой к месту аварии. Из специального склада привезли на огромном армейском тягаче кусок трубы нужного диаметра для замены поврежденной части. При свете мощных ламп целую ночь кипела работа на строительном участке, куда несколько раз наведывался Гриша. К полудню следующего дня, до того, как уровень воды в водонапорных башнях Касабланки опустился до аварийной отметки, последствия взрыва были ликвидированы. В вечерней газете появилась заметка, автор которой, ни словом не упоминая взрыва, язвительно писал о преступной недобросовестности французской колониальной администрации, построившей водопровод из недоброкачественных труб, из-за чего над Касабланкой внезапно нависла опасность остаться без воды, предотвращенная решительными действиями городских властей...

*

Из Касабланки до Франкфурта домчался, выжимая из своего "Опеля" рекордную скорость, за четыре дня, переночевав лишь в Алхесирасе, Таррагоне и Лионе. Дома первым делом разобрал скопившуюся за длительное отсутствие почту. Обнаружил письмо, которое пришлось прочесть два раза, чтобы до конца вникнуть не столько в его содержание, сколько в скрытый в нем

смысл. Вникнув же, вспомнил слова из гнусной статьи в гебистской газетенке "За возвращение на Родину" о власовцах: "... мы их найдем на дне морском". Письмо написал мой школьный приятель Шура Ж. Последний раз видел его осенью 1939 года в Москве. Писал он, что намеревается посетить Международную выставку в Брюсселе и будет рад встретиться со мною. Попросил сообщить по адресу якобы знакомого немца в Восточном Берлине, смогу ли приехать в Брюссель. На всякий случай сообщал, что с понедельника до четверга второй недели октября будет ждать меня у входа в советский павильон. Упомянул, что адрес мой получил от знавшего меня члена НТС Ю. Телегина, вернувшегося на родину в начале прошлого года, с которым случайно познакомился в Москве.

Сомнения быть не могло - ко мне протягивалась мохнатая гебистская лапа...

На следующий день пошел к Георгию Сергеевичу Околовичу, руководителю закрытого сектора НТС, показал ему письмо. Он сказал, что я не единственный член организации, привлечший внимание советских разведывательных органов. Используя открывшиеся в связи с Международной выставкой в Брюсселе возможности, они пытаются завязать контакты с интересующими их эмигрантами. На мой вопрос, как следует реагировать на письмо, Георгий Сергеевич посоветовал не отказываться от встречи со школьным товарищем. Нужно узнать, чего от меня хотят, а потом будем решать, как поступать. Предложил ответить на письмо, согласиться на встречу.

В начале октября я отправился в Брюссель. Бельгийскую столицу знал хорошо, многократно бывал там. Международную выставку успел до поездки в Марокко посетить дважды. После первого посещения написал в "Посеве" заметку о советском павильоне. Второе застряло в памяти благодаря забавному случаю...

Рядом с огромным павильоном находилось еще одно здание советского выставочного комплекса. В нем

показывали кинокартины, устраивались концерты, проводились пресс-конференции и другие мероприятия. Когда, направляясь в советский павильон, проходил я мимо входа в это помещение, распахнулись двери и наружу выскочила ватага людей с кинокамерами и фотоаппаратами наготове. Не успев сообразить, что произошло, внезапно очутился в этой ватаге, остановившейся в ожидании появления кого-то. Этот кто-то, чуть впереди следовавшей за ним свиты, через минуту вышел из двери. Мгновенно узнал его - Климент Ефремович Ворошилов, засевший в памяти с юношеских лет как "первый маршал", теперь председатель Президиума Верховного Совета СССР, считающийся на Западе президентом России.

Засверкали электровспышками, защелкали затворами фотокамеры, подобно швейным машинкам застрекотали кинокамеры. Поспешно открыл и я свой фотоаппарат. Замешкавшись, проверяя на нем правильность поставленной выдержки, мгновенно оказался в одиночестве. Фото- и кинорепортеры, пятящиеся перед идущим на них низкорослым, обрюзгшим, с удивившим меня интенсивно красным лицом человеком, много раз виденным в тридцатые годы издали на трибуне мавзолея, часто рядом со Сталиным, когда я проходил в рядах демонстрантов по Красной площади, отошли в направлении ко главному входу в советский павильон. Пока я делал первый снимок, Ворошилов, шагавший бодро, несмотря на тучность и возраст, был уже шагах в десяти передо мною. Отскочил, прокручивая колесико подачи фильма, снова поднес видоискатель камеры к глазу, нажал кнопку спуска. Опять отскочив и изготовившись к следующему снимку, увидел бегущих ко мне, похожих один на другого совершенно одинаковыми костюмами, двух верзил из охраны. Поспешил нажать на спуск и удивился, что подскочившие телохранители, взглянув на камеру в моих руках, молча отошли.

Пятясь от буквально наступавшего на меня Ворошилова, осмотрелся, куда бы теперь скрыться. Но не

тут-то было. Обнаружил, что с обеих сторон создан заслон из двух плотных шеренг охраны. В одной - почти наступая на пятки один другому, двигалась шеренга охранников, одетых в гражданские костюмы. За нею - шеренга в формах бельгийской полиции. Гурьба фотографов и кинооператоров, шагов на тридцать обогнав меня, приближалась к лестнице, ведущей к главному входу в советский павильон. На лестнице, обычно заполненной снующей публикой, никого не было, люди толпились за кордоном охраны у входа в павильон. Скрыться я не мог, ибо будучи в центре внимания, помимо, конечно, Ворошилова, считал невозможным бросаться в объятия охранников. Оставалось одно - пятиться и время от времени наводить камеру на еще гуще раскрасневшегося Климентия Ефремовича.

Получилось так, что в nastежь раскрытые двери советского павильона первым, пятясь, вошел я, а за мною Ворошилов. Как только он перешагнул порог, изо всех репродукторов павильона, на полную звуковую мощь, заставляя вибрировать оконные стекла, грянул гимн - "Союз нерушимый..." Ворошилов остановился, как вкопанный, руки по стойке смирно. Замерли охранники у входа, стоявшие полукругом внутри павильона. На мгновение остановившись, медленно подался в сторону, протиснулся между окаменевшими охранниками и влился в застывшую за ними толпу посетителей. Когда репродукторы смолкли, недолго переждав, выбрался на чистый воздух.

Не мог вначале сообразить, почему кинувшиеся было ко мне охранники не схватили меня за шиворот. Призадумавшись, понял, что ребята попали впросак, увидев на моей фотокамере хорошо им знакомый фирменный знак "Киев". Эту, лучшую в то время советскую камеру, приобрел я в Берлине, как говорится, за гроши. Оптическую аппаратуру переправляли в Западный Берлин из Восточного, где она продавалась на восточно-германские марки, котировавшиеся в шесть-семь раз ниже западногерманских. Не знаю, как это получалось,

но советский фотоаппарат "Киев" можно было купить по случаю в Западном Берлине в несколько раз дешевле, нежели такой же по качеству, даже по внешнему виду, западногерманский "Контакт". Поэтому я приобрел себе "Киев", да и потому, что напоминал он мне детство в этом прекрасном городе.

Вероятно, охранники, увидев в моих руках наилучшую советскую камеру, а меня в нескольких шагах от охраняемого вождя, забыв о теории вероятности, допускающей неожиданные ситуации, сочли, что я - советский фоторепортер и имею какое-то особое разрешение от высших инстанций так нагло нарушать все правила безопасности высокой персоны. Будь я террористом, "бомбометателем", как порой, смеясь, называл Гриша Гнедич энтээсовцев, запросто мог бы хлопнуть "первого маршала", о котором в мальчишестве слышал частушку: "Товарищ Ворошилов, война уж на носу, а конница Буденного пошла на колбасу..."

Задолго до официального открытия Международной выставки в Брюсселе, там обосновалась большая оперативно-агитационная группа НТС, руководимая Колей Бевадом, моим приятелем. С ним я должен был согласовывать все мои действия, решать по ходу дела возникавшие вопросы. Несмотря на невероятность гебистского замысла моего похищения, не говоря уже об убийстве, согласился с Колей, что на всякий случай меня будут "страховать" несколько человек из его группы. Чтобы они не оторвались от меня, условились, что с выставки увезу моего школьного друга на машине в центр города и буду с ним ужинать после восьми часов в одном из трех ресторанов, выбранных заранее Колей на Большой площади.

Умышленно несколько позднее назначенного в письме Шуры Ж. часа подошел к советскому павильону. Сквозь пеструю толпу, поверх голов поднимавшихся и спускавшихся по широкой каменной лестнице людей, издали увидел вглядывавшегося в лица проходя-

щих мимо мужчину и узнал в нем Шуру. Он, почти одновременно увидя и узнав меня, сбежал навстречу. Остановились друг перед другом. Как в мальчишестве, он приподнял правую руку, резким движением опустил ее, чем выразил высшую степень радости, и мы обнялись. Настолько внешне не изменились, что даже если бы не уславливались о встрече, непременно узнали в толпе один другого, не прошли бы мимо. Он покрупнел, пополнил, возмужал, черты лица посуровели, но остался тем же Шуркой, каким был. Подобная мысль мелькнула и в его голове касательно меня, ибо сказал он, улыбаясь:

- А ты прежний...

О чем говорили поначалу, не помню, но не забыл вспыхнувшего в душе волнения. Втиснувшись в толпу, прошагали с сотню шагов, удаляясь от советского павильона. Мысленно вернул себя на двадцать лет в прошлое, представил, что идем бок о бок по Первой Мещанской в праздничный день. Но сразу же возвратился в реальность, зная, что встреча с другом юности чревата непредвиденными последствиями.

Предложил вырваться из выставочной круговерти, поехать на моей машине, оставленной на стоянке перед входом на выставку, в центр города, там посидеть часок-другой в каком-нибудь "бистро". Шура согласился, мы покинули выставочную территорию и вскоре подъехали к просторной привокзальной площади, где я оставил машину. Зашли в маленькое "бистро", каких множество в этом районе Брюсселя, присели к столику в уголке, начали разговор с рассказов о себе.

Шура сдавал экзамены после четвертого курса медицинского института, когда началась война. Институт окончил через год, получил звание военврача третьего ранга. Всю войну проработал в полевых госпиталях. После войны остался в армии, имеет звание подполковника медицинской службы, занимает видную должность в одном из госпиталей Московского военного округа, сотрудничает в "Военно-медицинском жур-

нале". Женился на нашей соученице Тане Б., подрастает у них сынишка. На выставку приехал, по его словам, по путевке министерства обороны в группе туристов, ночующей в доме для гостей при советском посольстве.

Мой рассказ был предельно кратким. До осени 1941 года с первых дней войны на фронте, потом - в плену, выжил случайно. После войны остался в Германии. О своей нынешней деятельности сообщил, что занимаюсь журналистикой, выступаю с лекциями. Полагал, что обо мне Шура получил соответственно окрашенную и искаженную информацию от тех, кто послал его в Брюссель. Рассчитывал, что встреча с ним прольет свет на его истинное отношение ко мне, по которому определю, насколько по душе ему играемая им, пока мне не известная, роль.

От вопросов Шура воздерживался, рассказывал о школьных товарищах и подругах, с которыми поддерживает связь, порой встречается. Выпив по несколько бокалов слабенького бельгийского пива, вспоминали забавные эпизоды школьной жизни.

Из "бистро" вышли, когда улицы засверкали разноцветными рекламами. Пошли вдоль бесконечного фронта ярко освещенных витрин, на которые Шура частенько косил глаза, вышли на Большую площадь. Показав другу пошловатую, но всемирно известную достопримечательность бельгийской столицы - фигурку "Менека Пис" над небольшим фонтанчиком, выбрал один из трех названных Колей Бевадом ресторанов.

За ужином Шура хвалил вино, восхищался рыбой и помфритом. Рассказывал об интересных, не только с медицинской точки зрения, случаев из своей врачебной практики. Я делился с ним впечатлениями, собранными в поездках по многим странам, поделился забавными эпизодами из моей эмигрантской жизни, рассказал о моем сапожничестве и о коммерческой эпопее. Как бы сговорившись, ни он, ни я политических тем не затрагивали. Я ожидал, что он наконец-то заговорит о главном, об организаторах нашей встречи, о ее целях. Но

Шура об этом молчал, как бы заставляя меня представить себе совершенно невероятное, настолько же фантастическое, как мысль, что следующим утром солнце взойдет не на востоке, а на Западе. Будто советский подполковник, решив встретиться с другом юности, никого ни о чем не спрашивая, сел в самолет, пересек государственную границу и заключил в свои объятия приятеля. Нет, такого не бывает! Быть не может!

Допив чашку кофе после ужина, взглянув на часы, Шура сказал:

- Ну, мне пора. Рано утром предстоит поездка нашей группы на экскурсию по Брюсселю.

Условились снова встретиться на следующий день. Проводил Шуру до стоянки такси, и мы распрощались.

Прийдя в отель, где остановился, позвонил Коле Беваду. Он приехал ко мне, и мы обсудили создавшееся положение. Было ясно, что те, кто стоял за Шурой, ждали его доклада о встрече со мною, в зависимости от которого дадут инструкцию о поведении на следующей встрече. Мне же следует оставаться на занятой пассивной позиции.

На следующий день долго гулял с Шурой по брюссельским улицам, потом повел его в ресторан, у входа в который он заявил, что на сей раз его очередь угощать меня. Присмотрев мой взгляд, вероятно, слишком откровенный, выражавший мысленный вопрос: "Откуда же у тебя, советского туриста, деньги, чтобы не только поужинать самому, но даже пригласить в заграничный ресторан приятеля?" - он неожиданно сказал:

- Думаю, ты догадался, меня просили встретиться с тобою. Поэтому я приехал сюда...

Пристально взглянул на меня, будто с извинением. В глазах его прочел волнение, видимо, вызванное ожиданием моего ответа.

- Вот и прекрасно, теперь все ясно, - улыбнулся я. - Можем обо всем поговорить за ужином. Но приглашаю все же я.

В ресторане Шура прежде всего спросил, что я знаю о моей маме. Ответил, что последнее ее письмо получил на фронте. Полагаю, что живет в Алма-Ате, куда переехала в 1940 году, надеюсь, жива и здорова, ведь ей еще нет и шестидесяти лет. Очень тяжело мне осознавать, что вероятно считает меня погибшим, но знаю - ей значительно тяжелее, нежели мне. Обидно, что не имею возможности ничем ей помочь.

Шура сказал, что мама здорова, живет благополучно, но не в Алма-Ате, а в Белоруссии, куда переехала после войны, выйдя вторично замуж. Действительно, до недавнего времени считала меня погибшим, теперь же знает, что нахожусь в Западной Германии. Об этом Шуре известно от "товарищей", пославших его в Брюссель. У одного из них, приехавшего тоже в Брюссель, письмо от мамы. Он хотел бы вручить его мне лично.

Более подробных объяснений не требовалось. Органы разыскали мою маму. Теперь намереваются установить связь со мною под "красивым" предлогом вручения письма, рассчитывая так или иначе использовать меня в своих целях. Предложил Шуре взять письмо и передать мне. Он ответил, что "товарищ" - очень милый, интеллигентный человек - непременно хочет познакомиться со мною, ибо встречался с мамой, знает много о ее жизни, желает подробно рассказать мне обо всем. Я изложил мою точку зрения на цель такого знакомства. Стремятся не мытьем, так катаньем, не подкупом - так шантажом заманить меня в гебистские сети, по меньшей мере - скомпрометировать. Знакомиться с "товарищем" наотрез отказался.

Шура не возражал. Подумав немного, спросил:

- Чем ты, собственно, занимаешься? Какую политическую роль играешь? Судя по важности инстанций, которые тобой в Москве интересуются, очень значительную...

Открылась возможность объяснить другу многое. Начал со своего решения об участии в Русском Освободительном Движении генерала Власова, явившегося

логическим следствием моей антикоммунистической настроенности, сложившейся в юношеские годы, оформившейся и укрепившейся в период знакомства с зияющими противоречиями между теорией и практикой, словами и делами, определявшими жизнь страны в предвоенное время. Шура молча слушал, но выражение его лица говорило, что могу не вдаваться в детали, растолковывать, почему невзлюбил коммунизм, возненавидел Сталина. Ведь в отрочестве и юности мы оба наблюдали и воспринимали окружавшую нас действительность под одним углом зрения и отношение наше к ней было, по меньшей мере, сходным.

Однако, когда он начал задавать вопросы, четко обрисовался рубеж, перейдя который, он перестал понимать меня. За этим рубежом как бы громоздились представления о предосудительности действий всех пошедших за генералом Власовым. Согласно этим представлениям, власовцы предали свой народ, пошли на службу к его врагу.

Пришлось объяснять кажушиеся мне элементарными и очевидными истины. Власов, его ближайшие соратники, все власовцы прекрасно понимали преступную суть германского национал-социализма, его завоевательские стремления, его ставку на уничтожение российской государственности, на превращение русских в рабов и, пожалуй, лучше, чем даже попавшие под немецкую оккупацию, познали беспардонную жестокость нацистов. Но, оказавшись между сталинским молотом и гитлеровской наковальней, мы представляли себе лишь единственную возможность предотвращения окончательного уничтожения России при любом исходе фашистско-коммунистического поединка, в создании всеми правдами и неправдами третьей силы, русской силы - силы против Сталина и Гитлера.

Надеялись мы, что совершенно неминуемо возникновение в ходе войны ситуации, позволяющей превратить русский патриотизм, за который в смертельном страхе схватился Сталин, в сокрушительный таран.

выбивающий с родной земли вместе с нечистью, захватившей власть после обеих революций семнадцатого года, так же и безумного фашистского захватчика. Конечно же, ныне, по прошествии полутора десятка лет, становится ясным, что в представлении нашем было много наивности, что желаемое казалось сущим. Но тем не менее о том, что в самой идее содержалась огромная доля реально осуществимого, свидетельствует реакция на нее обоих диктаторов. Сталин - безусловно один из хитрейших и умнейших тиранов в истории человечества - безошибочно распознал грозившую ему в лице РОА смертельную опасность и приложил максимум пропагандных усилий, не говоря уже о всех доступных тоталитарному режиму мерах пресечения, запугивания, преследования и уничтожения, чтобы воспрепятствовать становлению настоящей русской третьей силы. И Гитлер, вопреки своей примитивности и интеллектуальной ограниченности, интуитивно почувствовал, что глубоко ошибаются те его маршалы и генералы, которые, увидев провал авантюры своего вождя на Востоке, проявили готовность разыграть карту Русского Освободительного Движения. Поэтому так решительно и бескомпромиссно пресек фюрер все попытки части своего окружения, проявившей готовность отказаться от полного осуществления завоевательских планов на Востоке и пойти на создание миллионной Русской Освободительной Армии уже в начале 1943 года.

Поэтому-то суждено было остаться трем заветным буквам РОА до конца войны фактически лишь символом великой идеи освобождения России, вспоминая о котором, вероятно, содрогался Сталин до последнего часа жизни. Реальной же третьей силой РОА стать не могла, и в этом не только трагедия власовцев, но страшная историческая трагедия русского народа. Тем не менее, ни разу за прошедшие после войны годы я не только не сожалел, не говоря уже о раскаянии, о том, что в течение двух лет носил на рукаве мундира эмблему РОА на фоне андреевского флага, но постоянно чувство-

вал, что честно выполнил мой долг, что поступил по совести, не задумываясь над ожидавшим меня концом. По иному не мог...

Слушая, Шура не возражал, но и одобрения не высказывал. Чувствовалось, что услышанное выходит за рамки укрепившихся в его сознании представлений и норм, сформированных пропагандной ложью, превратившихся со временем в суррогат истины. И смотрел он на меня с тем же выражением в глазах, с каким мы оба когда-то, в далекие мальчишеские годы, на аллее Центрального парка культуры и отдыха имени Горького в Москве глядели на бойкого затейника-студента, подрабывавшего несколько десятков рублей к скудной стипендии доказательством математических софизмов. Выводя мелом на черной доске колонки формул, студент ловко ошарашивал старшекласников доказательствами, что величина углов треугольника превышает 180 градусов, или же нечетные числа без остатка делятся на два. Теперь же мне приходилось разбивать в сознании друга не истину, а ложь коммунистических пропагандных софизмов.

Отвечая на вопрос о моей нынешней деятельности, сказал, что состою в антикоммунистической эмигрантской организации, именующей себя Народно-Трудовым Союзом, работаю в административной структуре ее Центра. Шура заметил, что слышал об НТС и поинтересовался, что привлекло меня в эту партию, о моей работе в ней, о роли, которую играю.

Пытался разъяснить другу казавшееся мне главным, избегая брошюрно-газетных формулировок. Начал с того, что НТС можно считать партией. У него есть развернутая программа не только против чего, но и за что бороться, основанная на философском учении о солидаризме, есть устав, четкая структура внутривнутрипартийных органов и руководства. Что же до моих субъективных побуждений, приведших в ряды этой партии, то главное для меня не столько философская основа, ско-

лько практическая антикоммунистическая направленность деятельности.

Для меня коммунизм – синоним лжи, насилия, несправедливости, жестокости. Поэтому для меня коммунизм – зло. Отсюда – мое неприятие его, моя вражда к нему. Напомнил слова советской песни, которую мы пели в юности, не задумываясь над их смыслом: "...наша сила, наша воля, наша власть... кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть!". В песне, как и во всей жизни в нашей стране, сила и власть постулируются как незыблемое право на уничтожение всех, повинных только в том, что они не с нами, то есть не с коммунистами. И поныне в сущности все осталось без перемен.

Ну, а правда где? Для меня же, главнейшее – правда и все выводимое из понятия правды, в самом широком смысле. Поэтому и пошел я с теми, кто в свой девиз превратил слова Александра Невского: "Не в силе Бог, а в правде!". Я понимаю, конечно, что на земле ничего идеального, кроме природы, нет. Понимаю – девиз только указатель к, вероятно, недостижимой цели. Но пока вижу, что шагаю в ногу с людьми, стремящимися приблизиться к этой цели, я в их рядах. Не считаю замысел уничтожения коммунизма несбыточной мечтой, хотя расстановка сил добра и зла в мире оставляет мало места для оптимизма, ибо глубоко уверен, что в конце концов правда осилит ложь.

В течение вечера рассказал другу многое из того, о чем он, пожалуй, никогда ничего не слышал, возможно побоялся бы слушать. Меня же, имея на то разрешение свыше, слушал спокойно, не оглядываясь по сторонам, не содрогаясь от мысли, что кто-то наступит.

Прогулявшись после ужина по вечерним оживленным брюссельским улицам, расстались. Перед тем, как подвести Шуру к стоянке такси, я сказал:

– Значит, передай "товарищу", что встречаться с ним наотрез отказываюсь. Пусть везет письмо мамы обратно. Меня этим не возьмут!

Шура остановился, пристально взглянул мне в глаза и со словами:

- Дай поцелую тебя! - крепко меня обнял.

Не знаю, что побудило его к этому - беседа со мною или количество выпитого за ужином бордо...

В отеле встретился с Колей. Выслушав меня, он счел, что напрасно я погорячился, отказавшись от встречи с "товарищем", имевшим мамино письмо. Этим по сути сорвал акцию, главной целью которой являлось выяснение намерений органов, пославших в Брюссель моего школьного друга. Бесспорно, Коля был прав. Признался, что поступил опрометчиво. Полагая, что предстоящая на следующий день встреча с Шурой, если она вообще состоится, будет последней, порешили, что после нее я покину Брюссель. Однако, обстоятельства сложились так, что встреча не только состоялась, но и не была последней.

Шура удивил меня при встрече широкой улыбкой и радостным жестом правой руки. Сразу же сказал:

- У меня письмо твоей мамы!

Стараясь сдерживать нахлынувшее волнение, раскрыл протянутый другом конверт. В нем - письмо на тетрадных в клеточку листках и фотография мамы. Не сходя с места, тут же на улице пробежал глазами ряды написанных четким, красивым маминым почерком строчек. Зашли в первое попавшееся "бистро". Снова, уже вдумываясь в читаемое, отыскивая спрятанные между словами мамины мысли, перечел письмо. Внимательно рассмотрел печальное, постаревшее, но прежнее доброе мамино лицо на фотографии, ее теплые родные глаза под густыми черными бровями.

Последний раз письмо от мамы получил я в начале июля 1941 года из рук батарейного старшины, сразу после боя за Мярьямаа в Эстонии, у железнодорожного переезда, вблизи догоравших станционных построек. Письмо то было написано до войны, но чуяло, видно, материнское сердце приближавшуюся беду, ибо впервые за двухгодичную мою армейскую службу писала

она, что молит Бога, чтобы сохранил мир и спокойствие...

Теперь же писала, что лишь недавно узнала, что жив я, и с трудом находит слова для выражения своей радости и безграничного материнского счастья и благодарности Всевышнему. Писала, что живет в Белоруссии, в хороших условиях, в живописной лесной местности, богатой ягодами и грибами. Сообщала о родственниках, многие из которых с войны не вернулись, о недавней смерти дедушки и бабушки. В целом же от письма веяло, что написано оно по кем-то продиктованному плану. Несколько удивляло отсутствие материнской просьбы о встрече, о возвращении на родину, даже об ожидании ответной весточки от меня. Думаю, что зная, что означает для меня возврат на родину, мама даже под гебистскими пытками не позвала бы меня назад.

На мой вопрос, как же попало письмо в его руки, Шура ответил, что после его сообщения о моем отказе платить за письмо знакомством с кем бы то ни было, "товарищ" сказал, что не настаивает на выполнении первоначального условия и попросил передать мне мамино послание. "Товарищ" просил лишь сказать мне, что ничего плохого против меня не замышляется и, учитывая личную мою незапятнанность какими-либо преступными действиями, существует только доброе намерение помочь мне исправить ошибки молодости, совершенные на трудном жизненном пути. Помня вчерашний разговор с Бевадом, я сказал Шуре:

- Что ж, проявил твой "товарищ", передав письмо мамы, человечность. Если охота встретиться со мною у него не отпала, готов познакомиться с ним.

Шура, не ожидавший такого оборота дела, явно обрадовался. Изъявил готовность сообщить "товарищу" о моем согласии на встречу, но поскольку уже в пятницу вечером должен лететь в Москву, предложил встретиться в четверг, то есть на следующий день. Услови-

лись, что Шура с "товарищем" будет ждать меня на Большой площади в два часа дня.

Узнав о получении мною письма от мамы и назначении встречи с гебистом, обрадовался и Коля. С ним обсудил мою тактику на следующий день. В принципе договорились, что должен, в зависимости от содержания беседы с гебистом, вести себя так, чтобы у того создалось впечатление, будто я не абсолютно неприступен в плане установления "делового" контакта со мною. Главное же, следовало попытаться узнать, чего конкретно от меня хотят. На всякий случай, для моей страховки на назначенной встрече с гебистом Коля выделил самых надежных и опытных людей своей группы.

Возвращаясь почти на тридцать пять лет в прошлое, вспоминаю, что гебист, пришедший на встречу вместе с Шурой, назвался Юрием. Ни отчества, ни тем более фамилии его припомнить не могу. Это и не важно, поскольку, надо полагать, менял он их часто, как впрочем и имя, по мере надобности. Зашли в фешенебельную кондитерскую. Гебист сел за столик рядом с Шурой, я - напротив. Выглядел он сугубо по-европейски, распознать в нем советского человека было трудно. В элегантном сером, заграничного покроя костюме, галстук соответствующей расцветки с умело завязанным узлом, подстрижен не в отечественной парикмахерской. Интеллигентное лицо сорокалетнего мужчины чисто выбрито, холеное, приятная улыбка. Голос вкрадчивый, речь подчеркнута правильная, с интонацией советских киноактеров средней руки, специализировавшихся на имитации русских аристократов.

Вначале говорили о каких-то пустяках. Потом гебист начал рассказывать о маме. С ней он, по его словам, познакомился недавно, навестил ее в последний раз с месяц назад. Живет она прекрасно, на здоровье не жалуется. Единственной печалью в послевоенные годы был сын, то есть я, значащийся официально пропавшим без вести. Она же считала его погибшим. Какой-то спе-

циальный отдел министерства обороны, время от времени сверяющий архивные данные с новейшей информацией о живущих в эмиграции соотечественниках, установил, что сын жив. Об этом Александра Ивановна получила извещение.

Доев кусок торта и допив чашку кофе, Шура вышел в туалет. Едва он удалился, гебист, что называется, взял быка за рога. Выразив уверенность, что я давно догадался о замысле встречи со школьным приятелем, он без обиняков заявил, что ответственные инстанции в Москве, прекрасно зная мою непричастность к каким-либо военным преступлениям, предлагают мне возможность не только искупить грехи молодости (с кем не бывает?!), но и заслужить благодарность родины, оказав помощь советским разведывательным органам.

Возникла ситуация, требовавшая от меня предельной выдержки. Конечно, я мог бы ответить чекисту несколькими хорошо понятными каждому русскому, тем более советскому человеку крепкими выражениями, встать и, не прощаясь, уйти. Возможно, такой вариант окончания нашей встречи чекистом предвиделся. Я же доложил бы во Франкфурте Георгию Сергеевичу, что наглую попытку завербовать меня с благородным возмущением пресек. Но к чему было тогда огород городить? Ведь все мы предвидели наличие такого сценария. Приехал же я в Брюссель, чтобы попытаться выяснить, чего, собственно, от меня хотят. Замысел почти сорвался по моей оплошности. Теперь, узнав только о просьбе оказать помощь советской разведке, все же конкретного ответа на вопрос не имею. Поэтому, сохраняя спокойствие, заметил, что рассматриваю услышанное как предложение совершить нечто, могущее иметь для меня самые плачевные последствия. Неужели же ожидают, что с бухты-барахты я брошусь головой в омут, не говоря уже о том, что у меня есть определенные политические взгляды, представления о по-

ложительных и отрицательных ценностях, о порядочности и чести?

Вернулся Шура. Не садясь к столику, он сказал, что намерен поискать поблизости магазин, где можно купить заказанные его сыном краски, и скоро возвратится. Очевидно, существовала договоренность, что он по условленному сигналу оставит меня наедине с гебистом, вначале выйдя в туалет, а потом уйдя на некоторое время под предлогом покупки красок.

Проводив взглядом направившегося к выходу из кондитерской Шуру и, как мне показалось, внимательно оглядев сидящую за ближайшими столиками публику, гебист доброжелательно улыбнулся и вкрадчиво заговорил. Нет, немедленного ответа от меня он, конечно, не ожидает. Полагает, что мои решения и поступки определяются не сиюминутными эмоциями, тем более не материальными соображениями, а здравым рассудком. Поэтому предлагает обдумать всесторонне и спокойно сделанное мне предложение, подойти к нему диалектически, учтя со всей серьезностью, что ныне принадлежу я к лагерю тех, чье неминуемое поражение приближается.

- Выигрывает тот, кто правильно играет в более сильной команде, - глубокомысленно произнес гебист.

Шура отсутствовал минут двадцать. Когда он вернулся с небольшим пакетом в руке, договоренность между гебистом и мною была достигнута, хотя на мои вопросы, в чем конкретно может заключаться моя помощь, ответа я не получил. Получил лишь достаточно времени на размышления, чтобы решить, соглашаюсь ли я на сотрудничество принципиально. Гебист, якобы запланировавший поездку в Женеву в начале следующего года, намеревался с 3 по 6 января ежедневно в определенное время прогуливаться у входа в один из больших женевских отелей, название которого я записал. Он надеялся, что приняв правильное решение, я приеду на встречу с ним. Все мои расходы обещал возместить. Кстати, он осведомился, под каким предлогом

я приехал в Брюссель и знают ли мои друзья, что отправился на встречу со школьным приятелем? Я сказал, что знают и не сомневаются, что встреча будет использована для вербовки. Гебист посоветовал рассказать по возвращению во Франкфурт все, как было, скрыв лишь, что познакомился с ним. Заметил, что мой доклад начальству о поездке в Брюссель могу закончить вчерашней, якобы последней, встречей со школьным другом.

Втроем посидели еще с четверть часа в кондитерской, заказав эклеры и кофе. Гебист предложил мне написать маме письмо, которое брался передать ей. Мою просьбу дать адрес мамы, чтобы послать письмо почтой, он отклонил, сказав, что почтовая связь провинции с границей налажена плохо, мое письмо может попасть в руки людей, которым не следует знать, что сын Александры Ивановны находится в Западной Германии. Поныне бурлит в сердцах белорусов ненависть к немецким оккупантам, порожденная их зверствами. Писать в кондитерской я отказался. Обещал написать письмо вечером и передать Шуре. С ним условились встретиться на следующий день перед обедом.

Проявленный советской разведкой интерес ко мне ничего доброго не сулил. Встреча с гебистом оставила тяжелый груз на душе. Вел он себя по отношению ко мне корректно, не хамил, не угрожал, но тем не менее оставалось ощущение, что этот внешне холеный, опрятный человек вывалял меня в грязи. Унизил своей мыслью о моей способности предать близких мне людей, не говоря уже о деле, которому служил с того дня, когда впервые пожал руку Андрея Андреевича Власова. Особенно удручало сознание, что в силовом поле госбезопасности находится моя мама и нет возможности вырвать ее оттуда.

С Колей подвели итог акции, казавшийся мне ничтожным, а лично для меня более чем неприятным. Он же считал, что большего ожидать нельзя было. Полученное мною "приглашение к танцу" свидетельствует,

что гебисты целят в НТС. Как поступать - впредь решит союзное руководство во Франкфурте. За маму тревожиться не следует, даже наоборот, нужно радоваться. Узнав, что не погиб я, она, несмотря на появившуюся материнскую тревогу за меня живого, душевно успокоится. Нужно написать ласковое письмо, которое гебист непременно вручит ей.

На следующий день встретился с Шурой. Чувствовал некоторую неловкость. Не знал, что из услышанного от меня он считает необходимым пересказывать "товарищу". Также не зная, что и в каком разрезе рассказал ему чекист о беседе со мною, вынужден был сдерживаться, объясняя происшедшее накануне. Очень хотелось, чтобы у друга юности не осталось впечатления, что чекист своего добился. Поэтому постарался внушить ему, что жизнь моя ни в чем не меняется и убеждения остаются прежними, ибо они на всю жизнь, где бы и как бы она ни кончилась. Видимо, Шура понял мое состояние. Просил прощения, что был вынужден - именно вынужден - участвовать в деле, возможно неприятном для меня. Передал ему письмо маме из нескольких строчек в открытом конверте. Поблагодарил ее за все, что дала мне в детстве, писал, что ничего не забыл, просил, чтобы не болела душой и сердцем за меня. Напомнил, что когда-то папа сказал, что родился я "в рубашке".

Долго и крепко жали руки на прощание, обнялись и вновь исчезли из поля зрения друг друга. На сей раз на тридцать лет...

*

Приехав во Франкфурт, написал подробный отчет о встречах и беседах в Брюсселе. Через несколько дней Георгий Сергеевич попросил зайти к нему. В кабинете у него находился Михаил Леонидович Ольгский, ведавший в то время самыми секретными мероприятиями Закрытого сектора НТС. Прежде всего, мне вручили десятка два фотографий и спросили, не найду ли "моего гебис-

та". Фотографию его обнаружил. Взглянув на нее, Михаил Леонидович улыбнулся, слегка покачал своей белой, седой головой, сказал, что знакомый мой - гебистская птица высокого заграничного полета. Ответил на несколько вопросов, задаваемых преимущественно Михаилом Леонидовичем, интересовавшимся мельчайшими подробностями поведения как Шуры, так и его "товарища".

Георгий Сергеевич поинтересовался моим мнением о случившемся. Я высказался в том плане, что произведена довольно неуклюжая попытка вербовки, обставленная, начиная с приглашения на встречу со школьным другом до знакомства с гебистом по-дурацки. Вся история мне очень неприятна, хотя только благодаря ей получил письмо от мамы, смог написать ей несколько слов. Михаил Леонидович, рассматривавший все всегда досконально, заметил, что мы часто ошибаемся, ожидая от гебистов безукоризненного, чуть ли не ювелирного мастерства в их делах. Бывают обстоятельства, заставляющие их исходить из того, что иначе, чем по-дурацки, действовать не приходится.

Вербуется агентура за рубежом по нескольким стандартным схемам, каждая из которых срабатывает успешно лишь в одном-двух случаях из десяти-двадцати. Прежде всего отыскивается точка опоры для установления контакта и создания условий, влияющих в нужном направлении на намеченную жертву. В моем случае - это мама. Бесспорно, органы наблюдали за мной, изучали меня продолжительное время, вероятно, многое знают обо мне, о моем прошлом и настоящем. Выискивали слабости, что-либо скрываемое мною от моего окружения, позволяющее применить шантаж. Скорее всего, ничего подходящего не нашли. Поэтому предпринимается, за неимением других возможностей, попытка использовать сыновьи чувства. Обигрывается страх подавляющего большинства выросших в советских условиях людей за своих близких. Используя рычаг страха, гебисты пытаются оказать психологическое

давление на свою жертву, чтобы побудить или заставить ее совершить кажущиеся вначале малозначащими поступки, совокупность которых приводит к возникновению комплекса вины у жертвы, осознающей, что ею нарушены какие-то моральные нормы или законы страны, где она живет. Попавший в такое положение слабый человек становится податливым.

Обычно советская разведка считается с риском, что в первой стадии обработки многие ее жертвы пытаются сопротивляться, нередко заручаясь для этого поддержкой соответствующих западных инстанций. В моем же случае определенно сочтут, что поставив в известность о встрече со школьным приятелем и, вероятно, о встрече с гебистом, своих друзей и политических единомышленников, как бы предопределяя этим решительный отказ от сотрудничества, оставляю все же вариант работы на две стороны. Четкого отказа от меня гебист не получил. Вариант работы на две стороны остается. Даже этот вариант может разведку устраивать. Он открывает перспективу начала хотя и не простой, но интересной для нее игры. В ней у разведки много шансов обыграть противника, заполучить кое-что из нужного ей. Во всяком случае можно замутить воду, ловко обвести вокруг пальца избранную жертву, опорочить и дискредитировать ее. Так сказать, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Я заявил, что не только в жизни, но даже на сцене в любительском спектакле играть роль подонка не способен. Следовательно, считаю брюссельскую авантюру для себя законченной и, конечно, встречаться в Женеве с гебистом не намерен. Полагаю, однако, что советская разведка в покое меня не оставит и не откажется от попыток заполучить меня в свои лапы. Поэтому прошу освободить меня от работы в административной структуре организации. Это, во-первых, сделает меня неинтересным для советской разведки, ибо ставка поставлена на мои предполагаемые возможности в НТС, во-вторых, освободит от невыносимо противного ощу-

щения, что впредь должен следить за своим поведением, своими поступками, своими словами, даже если в действительности не повиснет надо мною дамоклов меч подозрения.

Оба моих собеседника решительно запротестовали. Говорили, что многие работники союзного Центра находятся в сходном со мной положении, что в случае повторения происшедшего можно обратиться за помощью к соответствующим западногерманским инстанциям. Я же настаивал на своем, подчеркивая, что ко всему прочему вынужден думать о маме, хотя понимаю, что сейчас руки госбезопасности стали короче. Поскольку из-за ухудшившегося материального положения НТС происходит сокращение штатов Центра, моя отставка удивления не вызовет. Не будучи постоянным работником Центра, конечно, если придет момент, когда полностью понадобится - в кусты не убегу.

- Ты, Олег Антонович, обижаешь меня и Михаила Леонидовича, - упорствовал Георгий Сергеевич. - Если говорить о недоверии, то оно проявляется сейчас только тобою. Недоверие - ко мне, ко всем друзьям твоим в Союзе...

Но я не сдавался. В конце концов порешили, что временно уйду из штата организации...

*

На работе в административном Центре НТС во Франкфурте-на-Майне я находился с конца 1956 года, переехав сюда из Западного Берлина, где был председателем Комитета помощи российским беженцам имени А.Р. Трушновича. Возглавил Комитет я в середине 1954 года вскоре после похищения его основателя и первого председателя Александра Рудольфовича Трушновича агентами советской госбезопасности.

Официально Комитет считался общественной благотворительной инстанцией, оказывавшей правовую и материальную помощь русским эмигрантам, главное же, принимавшей русских беженцев из советской зоны

оккупации Германии, советских солдат и офицеров, дезертирующих из Группы Советских Войск в Германии, организовывающей их переезд в ФРГ. Фактически же Комитет был одним из так называемых "открытых учреждений" НТС, где работало несколько членов этой организации, командированных в Западный Берлин из Франкфурта-на-Майне.

В Западном Берлине действовала тщательно законспирированная оперативная группа НТС, занимавшаяся переправкой различными путями и способами пропагандно-агитационной литературы и листовок в ГДР, для распространения среди военнослужащих ГСВГ и советских граждан в ГДР. Руководитель этой группы назначался из кадрового состава Закрытого сектора штаба НТС. Ему был подчинен председатель Комитета им. Трушновича. Он поддерживал контакты с военными комендатурами трех западных секторов Берлина и деловую связь со специальным отрядом американской военной разведки.

На мне же лежала обязанность формально представлять НТС перед западноберлинскими официальными инстанциями, отвечать за его деятельность на территории Западного Берлина. Из-за возникавших инцидентов, связанных с конспиративной работой зачастую очень неосторожных ребят из оперативной группы, мне приходилось довольно часто играть роль Макара, на которого сыпались все шишки в западноберлинском магистрате, полиции и других учреждениях, что мне было не по душе.

После революции в Венгрии, в которой мне посчастливилось принять некоторое участие, возглавив небольшую группу НТС, действовавшую на венгерской территории и благополучно возвратившуюся в Австрию*, я

* Об этом эпизоде моей жизни я написал очерк "По дорогам Венгрии...", опубликованный в еженедельнике "Посев" № 49 (552) от 9 декабря 1956 г. В предварявшем очерк примечании редакции сообщалось: "Берлинский Комитет помощи российским беженцам имени А.Р. Трушновича в дни венгерской революции послал в Венгрию

попросил руководство НТС освободить меня от обязанности председателя Берлинского Комитета по сугубо личным причинам. Просьбу мою удовлетворили. Из Западного Берлина я переехал во Франкфурт-на-Майне, где мне временно определили роль работника "по особым поручениям".

В этой роли, оставаясь формально председателем Берлинского Комитета, я перешел в подчинение Льва Александровича Рара, члена Совета НТС, генерального секретаря Организационного Комитета по созыву Конгресса за права и свободу в России. Замысел проведения Конгресса исходил от руководства НТС, намеревавшегося собрать наиболее видных и активных деятелей российской эмиграции, как членов антикоммунистических организаций Зарубежья, так и не входивших ни в одну из них, для обсуждения актуальных проблем противостояния в СССР двух сил - народа и коммунистического режима. По инициативе НТС был создан для подготовки Конгресса Организационный Комитет из представителей ряда российских, причем не только русских, эмигрантских организаций, избравший своим генеральным секретарем Л.А. Рара.

Подав идею созыва Конгресса, НТС брал на себя все расходы, весьма крупные, по его подготовке и проведению. Оставляя в стороне некоторые подробности, касающиеся сторонних, то есть иностранных, движущих сил, влиявших на генеральную линию политики руководства НТС в конце 1950-х годов, отмечу лишь, что Конгресс

автобус с медикаментами и продовольствием. Медикаменты и продовольствие для революционных борцов сопровождал председатель Берлинского Комитета О.А. Красовский..." О "медикаментах и продовольствии" должен был написать милейший наш "маршал" (такая дружеская кличка прилипла к редактору "Посева" А.В. Светланину за его очерки о Тухачевском) по соображениям конспирации... В одной из бичующих меня статей в "Известиях" в 1978 году журналисты-гебисты Кассис и Колосов, перечисляя совершенные мною против коммунизма "преступления", не обошли стороной и моего участия в венгерских событиях.

за права и свободу в России планировался как мероприятие по объединению политически активной российской - как русской, так и нерусской - антикоммунистической эмиграции вокруг и, конечно, под руководством НТС. На это, мне думается, имелось благословение со стороны иностранных инстанций, на финансовую поддержку которых опиралась, принявшая к концу 1950-х годов весьма крупные размеры, практическая деятельность НТС.

Организационный Комитет намеревался провести Конгресс, на который приглашалось более ста крупнейших, широко известных не только в кругах российского Зарубежья, ученых, писателей, публицистов, общественных деятелей, в марте 1957 года, в одной из западноевропейских стран. Перед Организационным Комитетом стояла задача получить от правительства одной из выбранных стран разрешение на проведение Конгресса. Задача трудная, ибо было ясно, что на правительство государства, осмелившееся разрешить эмигрантское широкомасштабное мероприятие, со стороны Советского Союза будет оказано массивное дипломатическое давление. Лев Александрович обратился с соответствующим запросом к нескольким правительствам западноевропейских стран. Не дожидаясь ответов, он послал меня в Стокгольм, Осло и Копенгаген для выяснения обстановки на месте, установления контактов с нужными правительственными инстанциями при посредстве местных представителей НТС. Пришлось поколесить по европейским автострадам и шоссейным магистралям, познакомиться со скандинавскими странами, напоминая мне Эстонию. Поездки не дали желаемого результата. Правительство Швеции, на которое возлагались большие надежды, разрешения на проведение Конгресса не дало. Отказали в гостеприимстве также правительства Норвегии и Дании.

Недели мелькали одна за другой, зима кончалась и становилось ясным, что собрать Конгресс, как планировалось в марте 1957 года, не удастся. Пришлось сооб-

щить всем приглашенным на Конгресс, что если он вообще состоится, то позднее первоначально указанной даты. Неожиданно блеснула надежда на возможность провести Конгресс в столице Голландии. Спешно выехал в Гаагу, где вместе с представителем НТС Алексеем Алексеевичем Кандауровым, проявившим недюжинные дипломатические способности и завидное упорство, беседовал с крупными нидерландскими политическими и государственными деятелями, от которых зависело получение разрешения Конгресса на голландской территории. Конечно, невозможно предположить даже, что приложенные Алексеем Алексеевичем и мною усилия заставили правительство Королевства Нидерланды смилостивиться над нами. По всей видимости, сыграли какую-то роль, и немаловажную, мне не известные закулисные силы, побудившие министра внутренних дел Нидерландов разрешить проведение эмигрантского антикоммунистического Конгресса в столице государства - прекрасном городе Гаага.

Алексей Алексеевич Кандауров в чине поручика занимал командную должность на курсах пропагандистов РОА в Дабендорфе. Но там я с ним лично знаком не был. В Гааге, проведя вечер за ужином, после насыщенного деловыми переговорами утомительного дня, мы почувствовали глубокую симпатию друг к другу, и возникшие тогда теплые, дружеские отношения между нами сохранились до нынешнего дня, хотя в последние три десятилетия встречались редко. Изредка обмениваясь письмами, каждый по-своему участвовал в русском деле.

По получении разрешения на проведение Конгресса в Гааге, Алексей Алексеевич энергично принялся за решение множества вопросов, связанных с его практической подготовкой и проведением. Я навещал его, оказывал посильную помощь. За несколько дней до открытия Конгресса приехал в Гаагу и включился в практические дела по подготовке технического обслуживания одного из значительных мероприятий в истории не только

русского, но всего российского Зарубежья. В Конгрессе принял участие как председатель Берлинского Комитета. Среди делегатов Конгресса, приехавших из десяти европейских стран, из США, Канады, Венесуэлы, Аргентины, встретил многих знакомых, которых не видел долгие годы.

В день открытия Конгресса за права и свободу в России посол СССР в Нидерландах передал правительству в Гааге официальный протест советского правительства, решительно отклоненный голландской стороной. О работе Конгресса, с 24 по 27 апреля 1957 года, о его общественно-политическом значении и реакции на него в российском Зарубежье и в иностранном мире распространяться не буду. Пусть этим займутся те, кто пожелает написать для потомства правдивую историю русской эмиграции.

Моему участию в подготовке Конгресса за права и свободу в России отвожу в воспоминаниях только потому особое место, что уже в 1958 году, задумываясь над причиной, привлекшей ко мне пристальное внимание чекистов, счел, что, помимо всего прочего, моя активность в ряде западноевропейских стран зимой 1956-1957 годов не на шутку встревожила чиновников на Лубянке.

До конца года выполнил еще кое-какие поручения руководства организации, после чего в начале следующего, 1958 года, перешел под начальство главного редактора еженедельника "Посев" Андрея Васильевича Светланина, взявшегося вылепить из меня приличного журналиста, могущего стать его помощником, возможно, заместителем...

*

Получилось так, что, рассказывая о былом, я не придерживаюсь хронологической последовательности событий. Чувствую, что из-за этого в воспоминаниях возник разрыв протяженностью в несколько лет с вес-

ны 1951 года, после бесславного окончания моей предпринимательской деятельности, до середины 1950-х годов. Разрыв этот намерен заполнить еще не оконченной главой, но чтобы не рвалась нить повествования, уже сейчас расскажу о первых трех годах моего участия в практической работе НТС, членом которого я стал, как известно моим читателям, вскоре после окончания войны.

Летом 1951 года я переселился из Людвигсбурга в Лимбург, где в то время находился административный Центр НТС. Тут начался, длившийся несколько месяцев, период моего политического "ученичества" под дружеским присмотром и при поддержке Бориса Мартино, Александра (Додика - как все его звали) Неймирка, Сергея Падюкова, Глеба Рара, Бориса Литвинова (первые два перешагнули третий десяток лет жизни, остальные даже до него не дотянули), включившихся ранее меня в работу Центра организации.

Громадную роль в приобретении мною знаний и политической ориентации, без которых мой жизненный путь не состоялся бы в том направлении, в каком прокладывался в последующие десятилетия, сыграл Александр Степанович Казанцев. В одном из небольших жилых домов, где несколько комнат были превращены в служебные помещения сотрудников Центра НТС, меня поместили в малюсенькую комнатку, едва вмещающую два письменных стола и этажерку книг и папок. За одним из столов работал над гранками готовящейся к печати книги "Третья сила", о Власовском движении, Александр Степанович. За другим столом сидел я. Моя работа заключалась в чтении десятков книг, брошюр, журналов, содержание которых должно было заполнить пустоты, выправить вывихи в сознании, оставшиеся и возникшие после школьного изучения российской истории по Покровскому и "Краткому курсу истории ВКП/б", а также познакомить с неведомым прежде богатством русской дореволюционной и послереволюционной общественно-политической мысли.

Александр Степанович был талантливый публицистом, всесторонне образованным, обладавшим колоссальным запасом знаний человеком острого живого ума. Поначалу он не проявил ко мне интереса и наше общение некоторое время ограничивалось обменом словами: "здравствуйте" и "до свидания". Показался он мне стареющим, мрачным, замкнутым, душевно травмированным субъектом, погруженным в свои нерадостные мысли. Не знаю, что он думал обо мне, замеченные же его снисходительно-скептические взгляды на обложки лежавших на моем столе книг свидетельствовали, что представлялся я ему весьма заурядным неучем.

По какому-то поводу однажды между нами завязалась беседа. В ней я ограничивался короткими ответами на вопросы о причинах, приведших меня во Власовское движение. Вскоре после этой беседы Александр Степанович прочел мне несколько страниц из своей книги, попросил моего суждения о них. Постепенно сложились с ним взаимоотношения как между мудрым наставником и сообразительным учеником. Он интересно рассказывал о своей довоенной жизни в Югославии, о зарождении НТС, о своем участии в работе этой, тогда молодежной, эмигрантской организации и о многом из того, что позднее прочел я в его книге "Третья сила" - первом серьезном труде о трагедии РОА, созданным ближайшим соратником генерала Власова, что называется, по горячим следам событий.

Самым же главным и полезным для меня была проявленная им готовность делиться своими суждениями о читаемом мною, часто обоснованно критически разбирать утверждения маститых авторов, с которыми я впервые знакомился, он же многих знал лично. Услышанное от него, конечно, не запомнилось, он как бы протоптал в моем мозгу тропинку ко многим проблемам, о существовании которых я прежде не подозревал. Об Александре Степановиче Казанцеве вспоминаю с глубочайшей благодарностью, он был первым, раскрывшим

передо мною методику работы с серьезными трудами умных авторов.

За осенние и зимние месяцы я набрался знаний, прочтя и перечтя десятки книг, участвуя в интереснейших беседах то на квартире у Виктора Михайловича Байдалакова, тогдашнего председателя НТС, то у кого-либо из других руководителей организации, к кому всегда можно было запросто вечером зайти "на огонек". Почти физически ощущал, как расширялся мой кругозор от повседневных дружеских общений с соратниками, эрудиция которых значительно превышала мою. На союзных собраниях после докладов и лекций на различные темы порой решался высказывать свое мнение и с радостью обнаруживал, что высказываемое мною воспринималось как равноценный с другими вклад в обсуждаемую проблему.

Через несколько месяцев пребывания в Лимбурге почувствовал я, что впитал в себя такое количество серьезных знаний, будто бы учился в учебном заведении на высоком гуманитарном научном уровне. Были отстроены фундамент и стенки интеллектуального хранилища, в которое по крупницам откладывалось впоследствии собираемое из книг, периодических изданий и из общения со знающими, умными людьми, встречавшимися на жизненном пути. Начинал же я этот путь со скудным багажом знаний, оставшемся в голове от законченной в Москве десятилетки и краткосрочных курсов среднего командного состава Красной армии. Ведь в стенах высшего учебного заведения - в Московском инженерно-экономическом институте имени Серго Орджоникидзе - довелось мне пробыть всего два месяца, после которых "забрили в армию".

Быстро вжился, влился сознанием и душой в царившую в Лимбурге атмосферу искреннего товарищества и общности, духовного горения, идейной целеустремленности, чувствовал себя, говоря банально, как рыба в воде. К концу 1951 года меня зачислили в сектор иностранных дел НТС, руководимый Владимиром Дмит-

риевичем Поремским, а к ранней весне следующего года настолько идеологически "оперился", вник в суть проблематики бушевавшей "холодной войны", что руководство НТС сочло возможным назначить меня представителем организации в столице ФРГ - Бонне.

Пульсирующая в моих жилах жажда предпринимательства, постоянное стремление охватить кажущееся необъятным, склонность к самостоятельным инициативам, готовность работать без отдыха - вот тот фундамент, на котором я отстраивал мою деятельность в западногерманской столице. Познакомился со многими политическими деятелями, даже с членами правительства первого канцлера ФРГ Аденауэра, установил контакты с государственными учреждениями, находившимися тогда в стадии отстройки, вращался в среде в то время немногочисленной столичной журналистической братии. К лету создал даже общества немецко-русской дружбы в Бонне, Кельне и Дюссельдорфе, в противовес инспирируемому из Восточного Берлина и Москвы обществу германо-советской дружбы.

В Федеральном министерстве по общегерманским вопросам наладились у меня очень хорошие отношения с руководителем одного из его отделов, старшим правительственным советником бароном фон Деллингсхаузенем, двоюродным братом капитана фон Деллингсхаузена, одного из здравомыслящих офицеров Вермахта, пытавшихся убедить нацистское руководство в необходимости создания Русской Освободительной Армии, бывшего ближайшим немецким советником генерала Власова. Отдел министерства, возглавляемый бароном фон Деллингсхаузенем, курировал существовавшие в ФРГ политические и общественные организации, союзы, объединения антикоммунистической направленности. Именно благодаря финансовой поддержке этого отдела были созданы не только в Бонне, Кельне и Дюссельдорфе, но и во Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, а также в Западном Берлине общества немецко-русской дружбы.

Главной задачей деятельности этих обществ ставилось осуществление различных мероприятий, направленных на искоренение из сознания немцев внушенного им нацистской пропагандой представления, якобы коммунизм в теории и практике представляет собой сугубо русское национальное явление, что СССР - это не что иное, как несколько модернизированная царская Россия, руководство коммунистической партии и советского правительства осуществляет традиционную российскую политику, а коммунистические преступления как внутри страны, так и за ее пределами, объясняются наследственными пороками русского народа, состоящего не из людей, а из существ, не развившихся до человеческого уровня, называемых по-немецки "унтерменшами", то есть - "недочеловеками".

Общества немецко-русской дружбы повсеместно устраивали лекции и доклады на соответствующие темы, организовывали симпозиумы, принимали участие в мероприятиях различных западногерманских организаций, на которых распространялись брошюры и листовки, а также небольшой собственный печатный орган на немецком языке. основополагающий девиз: "СССР - не Россия, русские - не коммунисты" раскрывал внутреннюю сущность замысла создания обществ немецко-русской дружбы. Многие тогдашние западногерманские популярные политические и общественные деятели охотно оказывали свою личную поддержку этим обществам. На организуемых ими собраниях и митингах выступали Эрнст Рейтер, Вилли Брандт, Франц-Йозеф Штраус, ряд видных депутатов Бундестага, ученых, писателей, публицистов* В Бонне я координировал

* До сих пор в Германии существует "Немецко-российское общество", созданное в 1961 году на базе Немецко-русского общества дружбы во Франкфурте-на-Майне, издающее ежеквартальный журнал на немецком языке "Russland und wir" ("Россия и мы"). Учрежденная обществом в ознаменование тридцатилетия его деятельности премия имени генерала А.А. Власова вручена в 1992 году немецкому историку Й. Хофману, автору фундаментального, осно-

связь немецко-русских обществ с правительственными инстанциями, главным образом министерством по общегерманским вопросам, финансировавшим многие их мероприятия.

По меньшей мере раз в неделю я наведывался в министерство по общегерманским вопросам к барону фон Деллингсхаузену. Зачастую, закончив деловую часть разговора, он расспрашивал меня о моей довоенной жизни, старался понять причины возникновения моего критического отношения к коммунизму, хотя я был лишен возможности сравнивать окружавшую меня действительность как с российским прошлым, так и с жизнью в других странах. Однажды фон Деллингсхаузен спросил, не желаю ли я выступить с докладом на тему "Коммунизм в теории и практике" на семинаре активистов различных общественных организаций Рурской области. Мое сомнение относительно достаточности знания, способности и эрудированности для выступления на симпозиуме барон рассеял, заметив, что если в течение часа расскажу слушателям только небольшую часть из рассказанного ему, не только успех, но и польза от моего доклада будут обеспечены. Привыкший к риску, я согласился.

Тут же барон снял телефонную трубку и попросил секретаршу соединить его с Комитетом по исследованию европейских проблем в Дюссельдорфе. Получив соединение, обменялся с кем-то приветственными словами и предложил включить в повестку дня симпозиума в городе Реклингхаузен доклад бывшего офицера РОА о коммунизме. Сказав, что гарантирует уровень выступления и оригинальность содержания доклада, назвал мою фамилию, сообщил адрес. Закончив телефонный разговор, барон пояснил, что Комитет оказывает содействие общественным организациям в осуществ-

ванного исключительно на документальных данных труда "История Власовской армии". Книга Й. Хофмана переведена на русский язык и издана издательством ИНРИ под редакцией А.И. Солженицына.

влении ими различных мероприятий, оплачивая расходы на докладчиков и лекторов. Деятельность Комитета распространяется на всю территорию Западной Германии и на Западный Берлин.

Получив от Комитета официальное приглашение выступить на симпозиуме, четыре недели кряду каждую свободную минуту старался использовать для написания текста доклада. По несколько раз переправлял каждую фразу, измучился, отыскивая немецкие слова, выражающие достаточно ясно, выпукло, доходчиво мои русские мысли. Все же, когда в одно из воскресений рано утром сел в поезд, идущий в Реклингхаузен, чувствовал себя весьма неуверенно, сожалел, что взялся за незнакомое, оказавшееся нелегким, дело.

Симпозиум вел председатель Комитета по исследованию европейских проблем, барон Йохен фон Ледебур, радушно приветствовавший меня. Знакомясь, он протянул мне левую руку. Присмотревшись, заметил пустой правый рукав его пиджака. Впоследствии, познакомившись с ним ближе, узнал, что был он кадровым офицером вермахта, командовал танковым батальоном, в бою под Харьковом получил тяжелое ранение.

Выйдя на трибуну после выступления профессора, фамилия которого часто упоминалась в западногерманских газетах, увидев устремленное на меня множество глаз заполнивших большой зал людей, сделал над собой усилие и принялся спокойно читать первую страницу доклада. Почувствовал, что получается натянуто, сухо, скучно. Услышал в собственном голосе унылую монотонность пятилетнего мальчугана, выполняющего наказ родителей и тараторящего перед лицемерно улыбающимися гостями у рождественской елки зазубренные строчки: "Однажды в студеную зимнюю пору / Я из лесу вышел. Был сильный мороз..."

К счастью, хватило сообразительности и решительности оторваться от написанного текста и, махнув рукой на неизбежные грамматические и стилистические погрешности моей немецкой речи, перешел к рассказу о

том, что хорошо знал, о чем много думал, что меня волновало. Примерно через час, извинившись перед слушателями за множество ошибок в немецком языке, пошутив, что с немецкой грамматикой продолжаю оставаться в состоянии перманентной войны, поблагодарил за внимание и сошел с трибуны. Приятно был удивлен грохотом и продолжительностью аплодисментов. После выступления ко мне подходили участники семинара, жали руку, благодарили за мой рассказ, спрашивали, не соглашусь ли выступить на собраниях в их организациях.

Фон Ледебур лестно отозвался о моем выступлении, особенно понравилось ему, что говорил я без шпалки. Что же до акцента и языковых погрешностей, то заметил, широко улыбаясь, что, слушая меня, немцы вынуждены напрягать внимание и это очень хорошо - по меньшей мере есть гарантия, что никто не заснет. Когда по окончании симпозиума прощались, сообщил, что к нему обратились руководители нескольких организаций из небольших городов вблизи Кельна и Дюссельдорфа с просьбой, чтобы я выступил там с докладами. Согласившись повторить рассказанное в Реклингхаузене, попросил лишь заблаговременно согласовать со мною время выступлений.

Вскоре получил письмо от фон Ледебура с приглашением через несколько недель выступить в пяти организациях. В письме лежала газетная статья о моем выступлении на симпозиуме в Реклингхаузене с хвалебным отзывом. Вслед за письмом пришел почтовый денежный перевод - гонорар за доклад и возмещение транспортных расходов. Размер гонорара превышал треть моего тогдашнего месячного жалования, что меня весьма обрадовало.

Уместно коротко обрисовать мое материальное положение после поступления на службу в административную структуру НТС. Все работники этой структуры, независимо от их занятий, получали месячное жалование в размере 250 марок. Семейным добавочно

выплачивалось на каждого иждивенца по 50 марок. Это был "партмаксимум", едва достигавший тогдашней минимальной зарплаты западногерманского разнорабочего. Связанные со служебной деятельностью побочные расходы возмещались. При служебных поездках выплачивались командировочные в размере 12 марок в сутки. жалования хватало только на питание и самые необходимые бытовые потребности. Кое-кто подрабатывал к жалованию публикацией статей, переводами, преподаванием русского языка от 50 до 100 марок в месяц.

Не будучи человеком, умеющим считать не только копейки, но и крупные купюры, в Лимбурге я сводил концы с концами, расходуя небольшие сбережения, оставшиеся от закуской "Эмигрант" в Освайле. Вскоре по переезде в Бонн сбережения были истрачены до последней марки. Будучи представителем НТС, помимо жалования, я получал на служебные нужды 50 марок в месяц, едва хватавшие на телефонные и почтовые расходы.

В Бонне моей жене удалось поступить на службу в какое-то учреждение американской военной администрации. Ее жалование в два раза превышало мое, и это обеспечивало наше существование на среднем западногерманском обывательском уровне. Я мог даже часть моей зарплаты тратить на покрытие служебных расходов, значительно превышавших получаемую компенсацию. Но о большем мечтать не приходилось. И вот, после выступления в Реклингхаузене вдруг, как часто случалось в жизни, сверкнула на горизонте перспектива улучшения как личного, так и семейного материального положения. Фон Ледебур писал, что его Комитет перенимает выплату гонораров за все мои доклады.

После пяти выступлений в прирейнских небольших городах получил еще несколько приглашений, а к зиме не мог принимать посыпавшиеся заявки на доклады, ибо не было для этого достаточно свободного времени. Условился с фон Ледебуром, чтобы он для меня в месяц не организовывал более восьми-десяти выступлений.

После каждого моего выступления в местных газетах появлялись отзывы о них, зачастую очень подробные и всегда хвалебные. Обо мне пошла молва в политически активных кругах Рурской области. Приобретал репутацию лектора, привлекающего интерес слушателей тем, что освещал проблематику противостояния и противоборства враждующих сторон в бушевавшей в то время холодной войне совсем не по стандартным трафаретам и схемам записных защитников западной демократии. Этим объяснялось постоянно возраставшее количество заявок на мои доклады, поступавших в Комитет по исследованию европейских проблем, от большинства которых я отказывался.

Поразмыслив над создавшейся ситуацией, предложил выход из нее, порекомендовав фон Ледебуру приглашать помимо меня в качестве докладчиков сотрудников Центра НТС, с которыми я сблизился в Лимбурге, владевшими немецким языком не хуже, а в ряде случаев лучше меня. Кандидатами предложил, предварительно заручившись их согласием - А.Н. Неймирка, Р.Н. Редлиха, Г.А. Рара, А.В. Поремского, С.Н. Падюкова. По субботам и воскресеньям все они могли выступать с докладами, иногда и в рабочие дни. Договариваться с ними о содержании их выступлений нужды не было. В то время предельно совпадали как наши взгляды, так и оценки происходящего на родине и в мире. И получилось, что еженедельно, по крайней мере в десяти-пятнадцати западногерманских городах, русские антикоммунисты рассказывали немцам, интересующимся политической проблематикой, что они думают о коммунизме, о России, о русском народе. И к рассказываемому прислушивались в общей сложности более тысячи любознательных людей, делившихся услышанным со своими близкими, друзьями, знакомыми и сослуживцами.

К зиме 1953 года, благодаря получаемым за доклады гонорарам, смог отказаться от компенсации моих служебных расходов и получил возможность приглашать к себе на чашку кофе с коньяком интересных мне

людей, с которыми знакомился. Не избегал встреч, как это было принято, в ресторанах для деловых бесед за обедом или ужином и не пересчитывал больше монетки в кармане перед тем, как купить журнал или книгу. Больше того, скопив тысячу марок, приобрел автомобиль - выдавший виды "Опель-кадет" довоенного производства. Владея неказистым на вид, но верно служащим транспортным средством, освободился от трамвайной и железнодорожной зависимости...

В Бонне получила логическую развязку придуманная на берегу Эльбы спасительная легенда о моем финском происхождении. По указанию руководства НТС, для получения возможности поездок из ФРГ в другие страны, я занялся приведением в порядок моих документов, ибо имевшиеся были сравнимы только с пресловутой филькиной грамотой. Бесподданные иностранцы, жившие в ФРГ и имевшие статус политических беженцев, находившихся под опекой ООН, получали специальные паспорта, действительность которых признавалась всеми странами, членами этой международной организации. Владельцы таких паспортов могли получать въездные туристические визы во все страны без особых хлопот. Для получения такого паспорта я отправился в паспортный отдел города Бонна.

Выложил все имевшиеся у меня бумаги разной степени подлинности, чистосердечно признался чиновнику, с доброжелательной улыбкой выслушавшему историю моих послевоенных мытарств, кто я есть на самом деле, попросил выдать мне желаемый паспорт. Чиновник, подумав, сказал, что без лишних слов выдаст беженский паспорт международного образца, если я принесу ему официальное подтверждение финского консульства в Кельне, что я не финн, поскольку во всех моих липовых документах указывалось финское подданство. Финские же подданные беженцами не признаются и беженские паспорт им не положен.

Поставленная передо мною задача показалась мне проще выеденного яйца. Однако я ошибся. В консульст-

ве Финляндии в Кельне был удостоен приема вице-консулом, очень вежливым и очень скептическим человеком. Повторил ему рассказанную боннскому чиновнику историю, как, спасая жизнь, превратил себя из русского в финна. Терпеливо выслушавший меня вице-консул задал совершенно неожиданный вопрос:

- А как вы можете доказать, что вы не финн?

- Я же ни слова не понимаю по-фински, - последовал мой бойкий ответ.

- Как же вы можете это доказать? - полюбопытствовал вице-консул.

Мгновенно понял, что глупо указывать на то, что разговаривал с ним по-немецки. Да, действительно, как могу доказать, что не владею каким-либо языком?

Вице-консул принял единственно возможное для чиновника решение. Он записал все необходимые данные обо мне и о моих родителях и заявил, что сделает запрос в министерство внутренних дел Финляндии. Мне же выдал справку на немецком языке, сохранившуюся поныне, следующего содержания:

"Консульство Финляндии в городе Кельне подтверждает, что по вопросу о выяснении гражданства господина Олега Красовского, родившегося 31 декабря 1919 года, послан запрос в соответствующие государственные учреждения Финляндии. Город Кельн, 12 мая 1952 года. Ойва Рельтонен, вице-консул". Под подписью красовалась овальная четкая печать консульства Финляндии в Кельне.

В конце лета меня вызвали в консульство. В присланных из Хельсинки бумагах значилось, что русский, Антон Иванович Красовский, то есть мой отец, 1886 года рождения, проживал в Финляндии с 1915 по 1917 год. В официальных инстанциях никаких сведений о позднейшем его пребывании в этой стране не нашлось, как не обнаружилось и указаний о рождении Олега Антоновича Красовского в городе Виипури. Этого было достаточно для выдачи мне бумаги, заверенной консульской печатью, подтверждавшей, что я не финн.

При получении международного беженского паспорта, по совету чиновника паспортного отдела, местом моего рождения указывался город Виипури. Чиновник полагал, что так будет для меня удобнее при поездках в разные страны, ибо, по мнению многих консульских служащих, полицейских и таможенников на пограничных контрольно-пропускных пунктах, Москва не такое место, где на свет может появиться приличный человек. Так и жил я финном до 1970 года, когда получил гражданство ФРГ. В немецком паспорте в графе место рождения я возвратился в Москву, где когда-то появился на Божий свет...

После переезда из Бонна в Западный Берлин в середине 1954 года лекционную деятельность не прервал. Заручившись согласием руководства НТС, два раза в месяц вылетал на несколько дней самолетом в западногерманские города, где выступал с докладами. Воздушный путь из Берлина в ФРГ был единственно возможным для меня, чтобы не очутиться на Лубянке. Фон Ледебур организовывал также мои выступления в западноберлинских организациях, в народных высших школах, в гимназиях и в студенческих объединениях западноберлинского университета. В среде моих энтэ-эсовских друзей и знакомых укрепилось мнение - без докладов я жить не могу, что соответствовало действительности, но не только в материальном смысле. Кое-кто, как мне передавали, критиковал недостаток идеализма в моем характере, мое стремление иметь лучше и больше, чем другие. Это меня не смущало, ибо не считал зазорным работать в то время, которое другие считали предназначенным только для дружеских бесед за стаканом чая и рюмкой водки, для "забывания козла" или пульки в преферансик. Перебравшись из Западного Берлина во Франкфурт-на-Майне, продолжал выступать с докладами.

*

Прекратив работу в административном Центре НТС, полностью перешел на обеспечение хлеба насущного докладами. Теперь не только не отказывался от предложений, но принял меры, чтобы их стало больше, нежели прежде. Сделать это было нетрудно.

В Западной Германии в конце 1950-х годов существовало несколько инстанций, подобных Комитету по исследованию европейских проблем, получавших средства из государственного бюджета. Услугами этих организаций я не пользовался, ибо все мои публичные выступления устраивались и оплачивались Комитетом фон Ледебура. Только изредка выступал на конференциях и конгрессах, финансируемых Боевым союзом борьбы с бесчеловечностью, Антикоммунистическим народным союзом защиты мира и свободы, Объединением демократических групп - в то время активных и широко известных общественно-политических западно-германских организаций.

Преобразование лекторской деятельности из побочного занятия в единственный источник существования побудило меня тщательно разработать, с учетом накопившегося опыта, несколько лекций. Содержание каждой представляло собой как бы часть общей темы - коммунизм в теории и на практике. Список этих лекций с основными их тезисами предложил всем известным мне организациям. К зиме получил множество заявок, обеспечивавших на несколько месяцев вперед почти ежедневные выступления во многих городах ФРГ.

Приходилось много ездить. Порой находился в пути целый день, пересекая страну от западной до восточной границы; даже два дня, покрывая почти тысячекилометровое расстояние от баварских Альп до морских берегов земли Шлезвиг-Гольштейн. Постепенно, к середине 1959 года, планирование выступлений упорядочилось. Каждая из оплачивавших мои лекции инстанций подготавливала турне на несколько следовавших подряд дней в определенном небольшом районе. Помимо ежевечерних докладов на публичных собраниях, в

церковных приходах, как католических, так и протестантских, в народных высших школах, было немало выступлений в дневное время в гимназиях, профессиональных училищах, учительских институтах, даже в дамских кружках, интересовавшихся политикой. Нередко выступал на симпозиумах, конференциях, конгрессах с повесткой дня, включавшей центральную политическую тему того времени - противостояние Запада и Востока в "холодной войне".

После вечерних докладов, как правило, следовали дискуссии, завершавшиеся просьбами ко мне побеседовать за кружкой пива, стаканом вина или рюмкой водки со слушателями, особенно заинтересовавшимися поднятыми мною проблемами. Возникали группки из активной и любознательной местной интеллигенции - врачей, учителей, юристов, священников, чиновников и их жен. Среди них часто встречались бывшие фронтовики, возвратившиеся из советского плена, немцы, изгнанные из Восточной Пруссии, с территорий, отошедших после войны к Польше и Чехословакии, и из стран, превращенных в "народные демократии", беженцы из Восточной Германии. Беседы в ресторане, иногда у кого-либо дома, затягивались далеко за полночь. При этом я знакомился с десятками, сотнями интересных людей, не только внимательно и с доверием прислушивавшихся ко мне, но и расширявших горизонт моих познаний, позволявших глубже проникнуть в характер, психологию, воззрения немцев, понять стиль их мышления.

С немцами высокого интеллектуального уровня знакомился на конференциях и конгрессах. Были это общественные, политические и партийные деятели, депутаты Бундестага, крупные ученые, писатели, известные публицисты, высокопоставленные чиновники, епископы, генералы и так называемые деловые люди, стоявшие на капитанском мостике набиравшего скорость мощного корабля западногерманской экономики. Со многими из них завязывались знакомства, со временем укреплявшиеся, в нескольких случаях сохранив-

шиеся до сегодняшнего дня. Поскольку все эти люди были старше меня, подавляющего большинства их уже нет среди живущих.

Познание мое немцев как этнического единства представляет собою сложный, многоступенчатый процесс. Начался он в огороженном колючей проволокой загоне лагеря военнопленных, в котором я был маленькой частицей массы истощавших, грязных, завшивевших, едва державшихся на ногах, доведенных голодом, холодом, болезнями и жестокостями до скотского состояния людей. С тех пор прошло более полстолетия, но кажется мне, процесс этот еще не кончился, вероятно, и не закончится. Узнанное и прочувствованное через общение со многими сотнями немцев всех общественных и интеллектуальных слоев, воспринятое в возникавшем часто во время лекций духовном и мировоззренческом контакте между мною и моими слушателями, создало прочную основу для, пусть не лишенных субъективности, суждений о немецком народе, записанных несколько лет назад и ждущих публикации...

Вспоминая о моей лекторской деятельности в конце пятидесятых годов, остановлюсь лишь на одном из эпизодов, определяющих мое отношение к немцам. Случилось это в городе Брауншвейге, где как-то пришлось выступить два дня подряд в одном и том же зале. Первый доклад был назначен на субботу, второй - на воскресенье. Тема второго доклада вытекала из темы первого. На доклады население Брауншвейга приглашалось расклеенными повсюду в городе афишами.

Выступал я в зале, предназначенном для массовых публичных мероприятий, вмещавшем несколько сот человек. На первый доклад собралось много слушателей, но несколько задних рядов остались свободными. Минут за десять до начала второго доклада все места в зале были заняты, а публика подходила. Засуетилась пожарная охрана. Все входы в зал, помимо двух, закрыли. У оставшихся открытыми встали распорядители и в зал никого не пускали. Не переждав, пока пройдет

так называемая в ФРГ "академическая четверть часа" после назначенного для начала доклада времени, меня попросили выйти на трибуну. Поднявшись на сцену и оглянув зал, заметил в одной из входных дверей, что распорядители преградили вход одетому в железнодорожную форму человеку. Тот, увидев меня на трибуне, крикнул:

- Господин Красовский, скажите, чтобы впустили! Я только на одну минуту, хочу передать вам мой подарок.

Я попросил, чтобы выполнили его просьбу.

Железнодорожник, державший в руке завернутый в белую бумагу какой-то четырехугольный предмет (я подумал - книгу), поспешно подошел к сцене и, повернувшись лицом к затихшей публике, сказал:

- Вчера я был на докладе господина Красовского. Сегодня не могу снова, как хотелось бы, послушать, что он скажет. У меня вечернее дежурство на вокзале. Я воевал в России и вернулся оттуда переродившимся человеком. То, что вчера услышал здесь, я воспринял как подтверждение правильности возникшего у меня в России чувства. Народ, к которому принадлежит докладчик - великий народ и великий страдалец, он достоин уважения, любви и жалости. Из России я привез подаренную мне русским священником икону. Она должна быть не у меня, а у господина Красовского. Я дарю ее ему с благодарностью от всех нас и желаю ему, чтобы дожил он до того дня, когда народ его станет свободным и счастливым.

Железнодорожник развернул бумагу, поднял над головой бронзовую икону. Показав ее публике, повернулся ко мне, вручил свой подарок, крепко пожал руку и обнял. Загремели аплодисменты, люди встали со своих мест, а железнодорожник быстрыми шагами удалился. Глубоко сожалею, что не оставил он мне записки со своей фамилией и адресом. Икона, подаренная в Брауншвейге, занимает особое место в моем сердце. На ней Св. Николай Чудотворец. С этой иконой меня связывает

особое, трудно передаваемое словами чувство. Я хочу, чтобы по окончании моего земного пути ее положили вместе со мною...

*

Рубежу между пятидесятыми и шестидесятыми годами суждено было стать и рубежом моей семейной жизни. Нити, связывавшие супружество, постепенно обрывались, оставшиеся запутались к середине 1959 года в гордиев узел. Пришлось рубить. В результате, взяв чемоданчик с бельем, прихватив пару папок документов и каких-то записок, навсегда добровольно расставшись с несколькими сотнями томов с трудом собранной и дорогой сердцу личной библиотеки, превратился в бездомного странника, кочующего из отеля в отель. Вынужден был начинать все с начала. Прежде всего нужно было пристанище. Поразмыслив, решил отказаться от простейшего выхода - наема меблированной комнаты или квартиры. Избрал путь сложный и опасный.

Рассчитывая, что приобретенная докладами популярность обеспечит материальное благополучие на длительное время, решил нанять квартиру на условиях уплаты строительной фирме крупной суммы - так называемого частичного возмещения строительных расходов - взамен получения в новом доме квартиры, плата за которую определялась на 10 лет вперед значительно ниже, нежели за такое же помещение без уплаты возмещения. При этом квартирную плату владелец дома в течение установленного срока не имел права повысить. Нашел в новом многоквартирном доме, строительство которого заканчивалось, в хорошем районе между Франкфуртом-на-Майне и Оффенбахом, понравившуюся мне трехкомнатную квартиру, конечно, со всеми удобствами - других тогда в ФРГ уже не строили. Потребовали с меня возмещения строительных расходов в размере 10.000 марок. Таких баснословных денег я не имел, но знал, что в городе Бад Годесберг,

что рядом с Бонном, существует специально созданный банк для беженцев из Советского Союза и восточноевропейских стран, дающий долгосрочные кредиты под очень малый процент лицам, закладывающим основы своего существования в Западной Германии. С директором этого банка я познакомился в бытность мою в Бонне. К нему и обратился с просьбой о кредите. Удовлетворить просьбу он мог, получив рекомендации от трех немецких граждан с безупречной репутацией. Среди моих знакомых разыскал людей, одним из которых был барон фон Ледебур, без разговоров давших мне рекомендации.

Подписал договор о снятии квартиры за предельно низкую месячную плату, выложил полученные в кредит деньги хозяину дома, частично возмещавшие его строительные расходы. Когда вошел в просторную, пахнущую краской квартиру на пятом этаже с видом на огромный парк и реку Майн, понял, что сделан не шаг, а полшага. Имея квартиру, я не имел ни стула, ни стола, ни кровати. Пришлось запереть дверь и отправиться ночевать в отель.

Денег на приобретение мебели и всего необходимого у меня не было. Выручил из беды старый друг, Михаил С., владевший теперь не только магазином и ремонтной мастерской радио- и телевизионной аппаратуры в Биттигхейме, но ставший представителем нескольких крупных мебельных фирм. Миша предложил мне пойти на склад одной из этих фирм во Франкфурте-на-Майне, передать записку от него и выбрать все, что мне необходимо для приведения квартиры в жилой вид. Это я сделал, и мебель вместе с холодильником и кухонным оборудованием привезли на следующий день, расставили в трех комнатах, одна из которых должна была служить кабинетом, другая гостиной, третья спальней. Платить за мебель я мог в рассрочку в течение двух лет.

Так, без особой нервотрепки, разрешилась проблема с жильем, вплоть до начала семидесятых годов. Но воз-

никла другая проблема - выплачивание задолженности, перевалившей единым скачком за 15 тысяч марок - сумму поистине сказочную по моим возможностям. При максимальной загруженности докладами приходилось сжиматься, чтобы удержать равновесие между доходами и расходами. И тут опять привалила удача...

В одной из крупнейших западногерманских газет на глаза попало объявление. Фирма ищет коммивояжера, владеющего автомобилем, для продажи предметов роскоши. Специальных профессиональных знаний и опыта не требовалось. Объявление заворожило меня, и я отправился по указанному в нем адресу.

Контора фирмы, называвшейся "Жемчужный синдикат", находилась на центральной улице Франкфурта-на-Майне в новом многоэтажном доме, где размещались канцелярии ряда уважаемых коммерческих учреждений. Секретарша, сидевшая в прихожей, декорированной элегантно лакированной японской мебелью, японскими акварелями на стенах, провела меня в кабинет своего патрона. Вдоль стен кабинета стояли застекленные витрины со множеством висящих в них, связанных в пучки низок жемчуга, сверкающего в свете специально направленных на них электрических светильников.

Пожавший мою руку хозяин кабинета, протянувший свою визитную карточку с фамилией Штайн, а под ней - "президент Жемчужного синдиката", выглядевший несколько старше меня, указал на кресло перед его письменным столом, начал разговор с вопросов. Коротко рассказал ему о себе, сообщил, что выступаю с лекциями в разных городах Германии. В подтверждение протянул пухлую папку, вмещавшую более двухсот газетных статей о моих докладах, часть которых иллюстрировалась фотографиями. На них я представлял либо на трибуне во время выступления, или же за столом президиума на конгрессе, порой с беседующим с кем-либо из широко известных в ФРГ общественных деятелей. Наблюдая за хозяином кабинета, перелисты-

вавшим газетные статьи, видел, что они производят на него такое же впечатление, как рекомендация пользующихся его неограниченным доверием лиц. Продолжая рассматривать статьи, он спросил меня, что я знаю о жемчуге.

Ответил, что не больше, чем любой грамотный человек. Известно мне, что жемчуг образуется определенного вида устрицами, называемыми жемчужницами, в результате очень длительного процесса обволакивания перламутром попавших в раковины песчинок. Из жемчуга издревле изготавливаются замечательные и очень дорогие украшения, жемчугом когда-то украшались даже одежды королей и придворной знати. На вопрос о моей осведомленности о так называемом искусственно выращиваемом или культивируемом жемчуге сообщил, что слышал о существовании такого, но подробностей не знаю.

С интересом выслушал длившуюся почти полчаса лекцию, прочитанную Штайном. Сводилась она к тому, что в двадцатые годы крупный японский предприниматель, Микимото, задался целью заставить работать на себя устриц-жемчужниц. Он создал специальный исследовательский институт, оборудовал экспериментальную ферму на берегу залива Тобе на острове Кюсю, славящемся чистотой и почти не изменяющейся в течение года температурой воды. Кропотливым трудом десятков ученых-биологов, сотен служащих и рабочих цель была достигнута.

В жемчужницы, искусственно выращенные, вкладывались малюсенькие, диаметром в 3-4 миллиметра, изготовленные из перламутра шарики. Эти жемчужницы помещались в специально сконструированные корзины и опускались в воду залива Тобе. Многие устрицы погибали, но часть опущенных в воду выживала и в течение нескольких лет работала на Микимото, обволакивая вложенные в них шарики перламутром. Вытащенные из воды через три-четыре, а то и через пять лет жемчужницы раскрывали и извлекали из них

превосходные жемчужины, внешне ничем не отличающиеся от добываемых в Персидском заливе еще до рождения Александра Македонского. Структурное отличие искусственного жемчуга от естественного обнаруживалось только на экране рентгеновского аппарата, высвечивающего в культивированном вместо песчинки перламутровый шарик. Фирма Микимото, начавшая продажу искусственно выращенного жемчуга ювелирам, приобрела в тридцатые годы мировую известность. Вторая мировая война остановила развитие новой промышленной отрасли Японии, имевшей большое будущее. После окончания войны фирма Микимото не только восстановила свои производственные мощности, но создала новые фермы, где выращивался превосходный искусственный жемчуг. В начале пятидесятых годов был собран первый жемчужный урожай, и Микимото вновь вышел на международный ювелирный рынок.

Примеру Микимото последовали другие японские предприниматели. На побережье залива Тобе, островах, расположенных на нем, появилось много предприятий, специализирующихся на выращивании искусственного жемчуга. Некоторые из них в погоне за крупными и легкими барышами стали поставлять на международный рынок жемчуг плохого качества. Они извлекали жемчужины из устриц, пролежавших в воде всего лишь полтора-два года, вместо четырех-пяти. Вложенные в устрицы шарики за этот срок обволакивались очень тонким слоем перламутра, не получали достаточно красивой окраски и специфического, ласкающего взгляд, блеска. Тонкая, непрочная внешняя оболочка жемчужин часто лопалась, что обесценивало изготавливаемые из них ювелирные изделия. Японское правительство приняло экстренные и решительные меры, пресекавшие недобросовестность некоторых производителей жемчуга. Десятки фирм были закрыты, а имевшийся на их складах недоброкачественный жемчуг конфискован и вывезен в открытый океан, где демонст-

ративно, в присутствии чиновников государственных экспортных учреждений Японии, был выброшен в воду. Со второй половины 1950-х годов из Японии вывозится только высококачественный жемчуг, что привело к стремительному росту спроса на него во всем мире, особенно в Америке.

Трое смелых, предприимчивых, знающих толк в коммерции людей, одним из которых был беседующий со мною Штайн, досконально изучивших технологию производства искусственно выращиваемого жемчуга, уверенных, что в условиях быстрого подъема благосостояния западногерманского населения он найдет в ФРГ широкий спрос, создали "Жемчужный синдикат". Продажей японского жемчуга в Западной Германии занялись также некоторые оптовые продавцы ювелирных изделий. Украшения из жемчуга, главным образом ожерелья, пользуются спросом в ведущих ювелирных магазинах крупных западногерманских городов. В провинции же жемчуг еще мало известен, и тот, кто займется продажей его, безошибочно может рассчитывать на колоссальный успех. "Жемчужный синдикат" в состоянии как по качеству, так и по цене предлагаемого жемчуга конкурировать с любой западногерманской оптовой фирмой. Постоянно один из трех владельцев синдиката находится в Японии и приобретает жемчуг непосредственно на аукционах в городе Кобе.

Приобретшая громкую славу во всем мире фирма Микимото не только выращивает жемчуг, превратившийся в эталон качества этого товара, но и самостоятельно сбывает его как оптом, так и в десятках принадлежащих ей ювелирных магазинов. Качество предлагаемого "Жемчужным синдикатом" жемчуга, по словам Штайна, не отличается от жемчуга Микимото, но продается по цене более приемлемой для покупателей.

Выслушивая перечень доводов Штайна касательно открывающихся перед каждым, кто займется продажей жемчуга, радужных перспектив, я постепенно смирялся

с мыслью, что из моей затеи ничего не выйдет. Полагал, что мне будет предложено заплатить наличными стоимость определенного количества товара и заняться на собственный страх и риск его продажей. Поэтому, чтобы зря не тратить время, спросил Штайна, что же я должен делать и на каких условиях? Узнал, что следует посещать ювелирные магазины во всех городах, где бываю, и предлагать жемчуг высшего качества по цене значительно ниже, нежели установленная западногерманскими оптовыми фирмами. Получу коллекцию образцов товара в широком ассортименте и достаточный запас жемчуга для его продажи магазинам. За проданный товар "Жемчужный синдикат" выплачивает мне 20 процентов его цены, но все связанные с поездками расходы несущу я сам. Если ювелирные магазины, купившие или заказавшие у меня товар, обратятся в синдикат с дополнительным заказом, фирма выплачивает мне 15 процентов суммы, полученной за заказ. Каждый такой заказчик регистрируется как мой личный клиент. Возвращаясь из поездки, я должен отчитываться о проданном товаре, сдавать полученные деньги, получать причитающееся мне вознаграждение и вместо проданного товара новый. Штайн задал ожидаемый мною вопрос относительно гарантии, которую могу дать "Жемчужному синдикату" за получаемый от него товар стоимостью в несколько десятков тысяч марок. Ставился прямой вопрос: могу ли предложить банковскую гарантию? Невольно засмеявшись, ответил, что это невозможно, и упомянул, что на мне висит десяти-тысячный банковский кредит. Сообщение мое Штайн воспринял почти с одобрением, вероятно считая, что оно свидетельствует о моей благонадежности - ведь каждому встречному-поперечному банки кредитов не дают. Тем не менее спросил, имею ли недвижимое имущество, могущее служить гарантией. Ответил шуткой, что имею лишь движимое имущество - четыре колеса автомобиля и все, что на мне. Улыбнувшись, Штайн пододвинул ко мне стоявшую на его столе небольшую

изящную, выглядевшую очень хрупкой, статуэтку, попросил, чтобы я ее взял в руку и хорошенько рассмотрел. Не поняв, к чему эта просьба, я пожал плечами.

- Возьмите, возьмите, не бойтесь, - просил Штайн.

Взглянув на статуэтку, заметил, что стоит она на едва видимой подстановке. Осторожно придерживая эту подстановку, обеими руками взял изящную вещицу и стал рассматривать. Это была филигранной работы прекрасная фигурка из слоновой кости какой-то богини из шинтоистского пантеона богов. Заметив, что никогда прежде не держал в руках такой изумительной резьбы по кости, осторожно поставил статуэтку на стол.

Штайн широко улыбнулся:

- Вы выдержали серьезный экзамен, - сказал он. Не будучи ювелиром, правильно подняли фигурку, не уронили подстановку. Кстати она металлическая и не разбилась бы. Так поступает не каждый. У вас данные, чтобы иметь дело с ювелирными изделиями.

Вернулись к прерванному разговору, в конце которого Штайн протянул мне брошюру, содержащую все нужные сведения о японском искусственном жемчуге, чтобы я на досуге прочел ее. Предложил для окончания переговоров относительно возможности моего сотрудничества с "Жемчужным синдикатом" навестить к нему через пару дней. Посмотрев в карманный календарь, я заявил, что зайду через неделю, ибо на следующий день отправлялся в турне. Перед моим уходом Штайн попросил показать ему паспорт, из которого переписал на лист бумаги интересовавшие его данные.

Брошюру, полученную от Штайна, прочел два раза. Внимательно рассмотрел фотографии в ней, несколько цветных. Вновь убедился, как не раз прежде, в скудности моих познаний о вещах, лежащих вне сферы моих интересов. Понял, что изящное жемчужное ожерелье на шее женщины - не только дорогое украшение и часто предмет зависти ее подруг и знакомых, но результат напряженного труда многих людей. Одновремен-

но с этим думал, что знакомство с "Жемчужным синдикатом" и с жемчугом меня лично обогатит только в плане поверхностного ознакомления с одной из неизвестных прежде отраслей экономики стран с высоким жизненным стандартом, но не решит моей бюджетной проблемы. Казалось невероятным, что мне доверят, не получив серьезных гарантий, товар на большую сумму денег.

В назначенный день явился в "Жемчужный синдикат", думая, что совершаю последний визит в эту фирму. Штайн спросил, прочел ли я брошюру, задал несколько вопросов, выразил удовлетворение моими ответами на них. Потом сообщил, что, поговорив со своими компаньонами, решил дать мне возможность проявить коммерческие способности. После этого счел необходимым дополнить почерпнутые мною из брошюры знания практическим занятием, к которому тут же приступил. Водил меня от одной витрины к другой, вынимал связанные в пучки низки жемчуга, предлагал внимательно их рассматривать, сравнивать цвет, блеск, форму, размер, ощупывать поверхность отдельных жемчужин разного качества - от очень дешевых до самых дорогих. Часа через три интенсивного обучения, выслушав мои ответы на множество вопросов, заставив дать оценку жемчуга, который извлек из ящиков письменного стола, счел урок успешно оконченным. Потом долго наставлял, как следует вести себя с владельцами ювелирных магазинов, как представляться, что говорить им, какими доводами и аргументами оперировать, как выписывать счета и обо всем прочем, что месяцами изучается в коммерческих училищах, а мне приходилось усваивать почти мгновенно. Учеба, начавшаяся в послеобеденное время, кончилась перед вечером. После нее подписал составленный заранее на фирменном бланке договор, после чего условились, что явлюсь на следующий день для получения образцов и товара.

Только в этот день окончились мои сомнения в реальности происходившего. Получил кожаный порт-

фель с образцами жемчуга, небольшой чемодан, заполненный пучками жемчужных низок для продажи, пачку визитных карточек, удостоверение, свидетельствующее, что представляю фирму "Жемчужный синдикат". Расписался в получении пронумерованного, точно обозначенного товара на головокружительную сумму в несколько десятков тысяч марок...

Отправившись в турне по городам в одном из северных районов ФРГ, где должен был выступать с лекциями, занялся посещением ювелирных магазинов в свободное предобеденное и послеобеденное время. Убедился через день-другой, что предлагаемый мною товар особенного интереса не вызывал, кроме того, узнал, что товар этот предлагался и до меня и вовсе не был абсолютной новинкой. Хозяева многих магазинов, бросив беглый взгляд на мою визитную карточку, вежливо, но упорно отказывались даже посмотреть на образцы моего жемчуга. Иные, посмотрев образцы, даже хвалили их, но от покупки наотрез отказывались. Помня наставления Штайна, не отчаивался и руки не опускал. Через три дня хозяин одного невзрачного часового магазинчика, торгующего и ювелирными изделиями в городе Оснабрюк, выбрал несколько низок жемчуга и заплатил его стоимость. Увенчались успехом и еще несколько моих посещений ювелирных магазинов в этом районе. В общей сложности, из двухнедельной поездки привез во Франкфурт около двух тысяч марок. Штайн остался доволен первым результатом, заметил, что по мере моего ознакомления с делом можно ожидать лучшего. Так и получилось.

Беседуя с владельцами магазинов, узнал о существовании в ФРГ периодических изданий Объединения предпринимателей ювелирной промышленности, центр которой находится в городе Пфорцгейме, и немецкого Союза ювелиров. Подписался на два ежемесячных журнала, внимательное чтение которых дало мне профессиональные знания, весьма полезные в общении с клиентами. Руководствуясь рекламными объявлениями, а

иногда рецензиями в журналах, приобрел несколько интересных и полезных книг, позволивших заглянуть в совершенно не знакомую и, как оказалось, интересную сферу жизни и экономики, об объеме и значении которой имел весьма примитивное представление. Снова познал нечто, значительно расширившее мой кругозор. В журналах обнаружил красочные рекламы одной из ведущих западногерманских оптовых фирм, торгующих ювелирными изделиями и искусственно выращиваемым жемчугом. Фамилия хозяина фирмы - Кошкин - привлекла внимание. Не соотечественник ли? Удалось не только выяснить, что действительно - соотечественник, но даже познакомиться с ним через несколько лет - в Японии, о чем речь впереди.

Спустя некоторое время сдавал в месяц "Жемчужному синдикату" примерно пять-шесть тысяч марок. Ассортимент моего товара постепенно расширялся. Помимо низок жемчуга, получал от фирмы изящные и дорогостоящие, украшенные маленькими драгоценными камнями - рубинами, изумрудами, сапфирами, даже бриллиантами - золотые застёжки для жемчужных ожерелий, жемчужные браслеты, броши. Через полгода после качала коммивояжерства мой месячный торговый оборот достиг почти десяти тысяч марок, а заработок приблизился к двум тысячам. Моими клиентами стали десятки ювелирных магазинов повсюду в Западной Германии. Некоторые из них в промежутки между моими посещениями посылали дополнительные заказы фирме, что повышало мой доход без какого-либо усилия с моей стороны. Конечно, если бы мне приходилось покрывать все расходы - транспортные, ночевку в отелях, питание в пути - из собственного кармана, заработок был бы очень скромным. Но в моих особых условиях, превращавших коммивояжерство в дополнительный источник дохода, он полностью балансировал личный бюджет, позволил сменить пробежавшую более ста тысяч километров машину на новую. Более того, появились средства для удвоения выплачиваемых

квартальных взносов в счет погашения банковского кредита, чтобы побыстрее избавиться от долга.

Много денег тратил на покупку русских и немецких книг. Приобрел собрания сочинений всех отечественных классиков, удалось даже достать десяти томник Достоевского 1956 года издания, ряд многотомников, от второго издания Большой Советской Энциклопедии и других энциклопедий до фундаментального десяти томника "Всемирная история", книги мастеров художественного слова конца прошлого и начала нынешнего века, большое количество советской идеологической, политической, мемуарной и беллетристической макулатуры. Помимо книг советского издания из магазинов Международной книги в Дюссельдорфе и Париже, покупал книги зарубежных русских издательств повсюду, где их можно было достать. Выписывал несколько центральных газет из Москвы, еженедельники, все толстые московские литературные журналы, даже "Военно-медицинский вестник", чтобы порой прочесть статейку Шуры Ж. Покупал немецкие книги, содержание которых имело отношение к России. Конечно, приобретаемые книги успевал лишь бегло перелистывать. Такие же, как сборники докладов и речей товарища Хрущева и его сподвижников, даже не открывал. Периодику, скапливавшуюся за дни поездок буквально горами, брал с собой, просматривал в пути...

Дописав предыдущую строчку, задумался на мгновение, пытаясь сам себе объяснить, как десятилетия назад хватало меня не только на описываемое, но и на многое другое, чем жив человек, оставившее в памяти глубокие, но сокровенные следы? Ответ может быть только один: в молодости человеку доступно многое, невозможное на склоне жизни.

*

Ранней весной 1959 года получил я письмо от гебиста, с которым свел меня Шура в Брюсселе. Он писал, что из-за болезни не мог приехать в Женеву, извинял-

ся. Сообщал, что намерен быть в этом городе в мае и хотел бы встретиться. Будет ждать меня в течение всей второй недели мая в условленном прежде месте в то же время. На письме был почтовый штемпель города Кельна.

С письмом немедленно отправился к Георгию Сергеевичу. Скупые строчки письма свидетельствовали, что интерес ко мне органов не пропал. Возможно, не дошло еще до них, что я прекратил работу в административном Центре НТС. Что касается содержания, предположили два варианта. Первый, маловероятный: гебист, действительно, по какой-то причине не мог приехать. Второй - был в Женеве, но поскольку не приехал я, мне подавался сигнал, что путь в объятия советской разведки остается открытым. Отвечать на письмо я не намеревался, с чем Георгий Сергеевич согласился. Конечно, и он и я были далеки от мысли, что мое молчание заставит советскую разведку отцепиться - не из того материала вылеплена. Решили ждать следующего сигнала. Пришел он в конце лета в виде письма, опущенного в почтовый ящик в Дюссельдорфе. В нем были нотки, звучавшие угрозой. Гебист Юра писал, что удивлен моим поведением, заставившим его потерять целую неделю в Женеве. Намекнул, что мама страдает, не имея от меня вестей, что и ей и мне будет лучше, если я впредь проявлю благоразумие.

Размышляли втроем - Георгий Сергеевич, Михаил Леонидович и я. Сочли возможным подготовку органами какой-то акции для заманивания меня в свои сети. Возможности для конкретных предположений не находилось. Считали лишь невероятной подготовку какого-либо опасного для меня провокационного действия, тем более террористического акта. Громких скандалов органы в последние годы опасались, к тому же, я не та фигура, которую непременно требовалось вывести из игры. Если я им нужен, то только как инструмент, могущий в чем-то быть полезным. Вновь решили ждать.

В начале 1960 года агент позвонил по телефону. Звонку его не удивился. Номер телефона моей новой квартиры находился в телефонном справочнике Франкфурта-на-Майне. Вкрадчивым голосом гебист Юра передал привет от мамы, ее материнские пожелания к моему недавно исполнившемуся сорокалетию. От себя тоже пожелал мне здоровья и успехов в трудовой и личной жизни. Сожалел очень, что давно не встречался со мною, спросил, не вижу ли я для этого возможности. Поблагодарив, я ответил, что занят очень трудовой жизнью и не вижу не только возможности, но и необходимости встречи. Мой собеседник заметил, что имеет кое-что передать от мамы, к тому же думает, что встреча с ним была бы очень полезна для меня, ибо до сих пор не имел он случая подробно и серьезно поговорить со мною. Понимая, что от влезшего ко мне через телефонную трубку агента отделаться запросто не удастся, намекнул, что месяца через два у меня будет больше свободного времени, нежели сейчас, пусть позвонит снова.

О телефонном звонке поговорил с Георгием Сергеевичем и Михаилом Леонидовичем, обдумав заранее представлявшийся мне возможным выход из создавшегося положения. Выход же видел в устройстве крупного скандала, могущего заставить советскую разведку отмахнуться от меня. Предложил осуществление акции с привлечением к ней западногерманской контрразведки. В случае повторного звонка, назначить встречу с агентом на месте, которое будет соответствующим образом заранее подготовлено сотрудниками западногерманского Ведомства по охране конституции, то есть контрразведчиками, с целью убедить советские разведывательные органы в тщетности попытки что-либо выиграть из затеи со мной. В общих чертах предложение мое было принято, и Георгий Сергеевич обещал связаться по своим каналам, с кем нужно. Через некоторое время он сообщил, что Ведомство по охране конституции согласно оказать нам помощь. Просили меня,

если вновь позвонит агент, предложить встречу через месяц после звонка на так называемом Немецком Углу в городе Кобленц. Я догадался, почему было выбрано именно это место.

Немецкий Угол - это высокий мыс правильной треугольной формы при впадении реки Мозель в Рейн. В конце прошлого века тут был воздвигнут памятник кайзеру Вильгельму I, снесенный после войны. Немецкий Угол превратили в сквер для прогулок, откуда открывался вид на живописный, покрытый виноградниками и садами холмистый противоположный берег Рейна. Сквер сделался одной из туристических достопримечательностей Кобленца, не в последнюю очередь потому, что был окружен множеством уютных винных погребков, каждый из которых славился превосходными мозельскими и рейнскими винами. За гуляющими по скверу можно наблюдать с противоположного рейнского берега в бинокль, а при необходимости, с помощью телеобъектива фотографировать даже их лица.

Через два месяца, примерно, гебист снова позвонил, справился, не найду ли времени для встречи. Постарался несколькими паузами создать впечатление, будто застал он меня опять врасплох, сказал, что в середине апреля запланирована у меня лекция в Кобленце и готов встретиться с ним на Немецком Углу, самом лучшем месте для свиданий в этом прирейнском городе. Гебист обещал вскоре известить, принимает ли мое предложение. Позвонил он в конце марта, сообщил, что место и назначенное мною послеобеденное время его устраивают.

Георгий Сергеевич сообщил мне о подробностях запланированной акции. В назначенный день Немецкий Угол будет взят под тщательное наблюдение опытными сотрудниками Ведомства по охране конституции ФРГ. С противоположного берега Рейна будут сделаны фотографии моей встречи с гебистом.

За пару дней до назначенной на Немецком Углу встречи, в отель в городе Кронах, где я остановился,

выступая с лекциями в окрестностях, меня попросили к телефону. Звонил Герман Юст. С ним я познакомился в Западном Берлине. Он родился в дореволюционной России. После революции родители увезли его в Латвию. Будучи немцем, считал родным языком русский, понимал и любил русских, ценил русскую культуру. С ним у меня завязались теплые отношения. В Западном Берлине он был председателем Боевого союза борьбы с бесчеловечностью, одной из активнейших антикоммунистических организаций, действовавших на территории ГДР. В середине 1950-х годов он возглавил эту организацию, а после ликвидации ее получил какую-то руководящую должность в Ведомстве по охране конституции ФРГ. Я давно не встречался с ним, поэтому телефонный звонок его меня удивил.

Не вдаваясь в подробности, Юст сообщил, что узнал о моем пребывании в Кронахе от Околовича, получившего от меня перед отъездом в турне на всякий случай мои координаты. Сказав, что находится вблизи Кронаха, предложил увидеться, ибо нужно поговорить по важному делу. Пригласил его в отель, куда он вскоре приехал.

Юст рассказал, что ему поручено организовать и осуществить акцию на Немецком Углу. Там он намеревается быть лично, о чем предупреждает меня, чтобы увидев его, не вздумал подойти. Кроме него, придут сотрудники западногерманской контрразведки, хорошие специалисты своего дела. Отметил, что поскольку и в учреждении, где он служит, сильны бюрократические тенденции, он вызвался взять на себя руководство акцией, чтобы после нее предпринять все необходимое для ее конечного успеха. В успехе же он был уверен.

В условленный день встречи было прохладно и ветрено. В сквере на Немецком Углу, куда я пришел за полчаса до назначенного времени, гуляющих было мало. В это время года туристы на берегах Рейна и Мозеля появляются редко. Прошелся по аккуратно вымощенной дорожке вдоль газонов с качающимися на

ветру нарциссами к каменному парапету над обрывом берега, оглянулся вокруг. На одной из скамеек у газона оживленно беседовали две молодых женщины. Возле скамейки стояли детские коляски. Прошло несколько мужчин, нырнувших в дверь одного из погребков. Подумал, что стоять у парапета или шагать по пустому скверу глупо, покинул его и пошел прогуляться по одной из примыкающих к нему улиц.

Минут через двадцать возвратился. В мое отсутствие сквер оживился. Привлекала внимание небольшая, но шумная группка туристов, вероятно, отдавшая за обедом должное местным винам. Подойдя к парапету, повернулся спиной к реке и, закурив, обвел сквер взглядом.

Присмотревшись к двум пожилым прогуливавшимся мужчинам, узнал в одном из них Германа Юста. Отточенным за время работы в НТС взглядом вскоре выделил из нескольких прогуливавшихся парня с устойчивыми внешними признаками той части сотрудников советских посольств, которые, имея в кармане дипломатический паспорт, подвизаются на агентурном поприще. Докуривая вторую сигарету, увидел подходящего к скверу гебиста Юру. Протягивая руку, он торопливо огляделся по сторонам.

От предложения моего зайти в винный погребок он не отказался. Когда же подошли ко входу выбранного мною, заметил, что ему больше нравится соседний, куда и вошли. Присели к столику, заказали по бокалу вина. Обменялись несколькими малосодержательными фразами, после чего я получил письмо от мамы. Севший спиной к стене гебист внимательно рассматривал захмелевшую компанию, галдевшую за одним из столов. Он был чем-то встревожен, но явно старался скрыть от меня свое волнение. Обладая агентурным опытом, вероятно, ощущал неладное, возможно, получил предупреждающие сигналы от засланных вперед наблюдателей.

Не помню ни отдельных слов, ни даже фраз, произнесенных обоими в винном подвальчике, более тридцати лет назад. Хорошо запомнилась лишь основная линия беседы. Сказал я, что в Женеву не поехал, ибо, поразмыслив, решил отказаться от знакомства с человеком, представляющим советское учреждение, с которым не желаю иметь ничего общего. Теперь же согласился на встречу, чтобы однозначно заявить не только о своем нежелании поддерживать знакомство, но и о моем серьезном намерении, в случае если меня не оставят в покое, устроить громкий скандал, прибегнув к помощи доступных мне западногерманских средств массовой информации. Поскольку не хочу, чтобы у работодателей моего собеседника остались иллюзии относительно возможности моего использования в их целях, сообщаю, что о встрече в Брюсселе, предложенной мне в Женеве, телефонных звонках и нынешнем свидании руководству НТС известно.

С удивлением заметил, что сказанное мною разрядило беспокойство гебиста, будто он ожидал худшего. Спокойно, украдчивым голосом, он ответил, что напрасно я паникую, ибо ничего плохого против меня не задумано. Наблюдающие за мной компетентные инстанции, доподлинно знающие, что преступлений я не совершал, а представляю собой только жертву трагических обстоятельств, намерены открыть мне путь возврата к нормальной жизни. Поездкой моего школьного друга на Международную выставку воспользовались только для того, чтобы поставить меня в известность об этом, помочь маме наладить связь со мною, показать, что не только она, но и великая родина-мать любит и прощает своих заблудших сынов. В моей воле принять этот жест с благодарностью или отвернуться от него. Стремился же встретиться со мною и приехал на встречу сегодня, несмотря на занятость делами, чтобы вновь услужить моей маме, передать мне ее письмо.

Терпеливо прослушал я повторение, в сущности, той самой песенки, с которой гебист начал свой разговор в Брюсселе. Мотив ее звучал для слушающего со стороны так, будто встретился он со мною по поручению благотворительной, душеспасительной организации, стремящейся оказать мне, стоящему у обрыва пропасти, бескорыстную помощь. Пел свою песенку гебист тоном, будто обращался не ко мне, а к кому-то невидимому ни мне, ни ему третьему, полагая, что слова его прослушиваются и записываются магнитофоном. Ни малейшего намека на предложение мне чего-либо предосудительного, не говоря уже о приглашении сотрудничать с советскими разведывательными органами, в песенке его не было. Надо отдать должное - дураком гебист Юра не был. Он прекрасно понимал, что пользы от меня - как от козла молока. Предполагая неприятный для него конец нашей встречи, за который начальство не похвалит, вплоть до задержания его сотрудниками западногерманской контрразведки для выяснения причины его появления на Немецком Углу, он стелил соломку, чтобы мягче падать. Сочинил или изложил уже готовую легенду, формально исключаящую обвинение в агентурной активности, в нарушении западногерманских законов.

Ну что здесь плохого, если приехавший из Москвы человек привез русскому беженцу письмо от матери, сообщает ему, что претензий к нему власти его родины не имеют, даже наоборот, желают ему помочь? Только отпетый фанатик-антикоммунист, в трусливо-болезненном воображении которого нет ничего иного, кроме вздорных выдумок о страшных гебистских кознях на каждом шагу, может расценить доброе к нему отношение как никому не нужную попытку использовать его в неблагоприятных целях. Объяснив все это, в случае необходимости, гебист Юра мог бы не только спокойно предстать перед любой официальной западногерманской инстанцией, вздумавшей его задержать, но, прощаясь с ней, пригрозить, что случившееся не оставит

без последствий и со стороны советского посольства в Бонне будут приняты соответствующие дипломатические меры.

Смотрел я в спокойные, чуточку лукавые, но с огоньком ненависти, глаза Юры и даже проникся к нему некоторым уважением. Слов нет - ловкий прохода был этот гебист Юра, не зря получал командировочные в иностранной валюте.

Прощались почти дружелюбно. Он крепко пожал мою руку и сказал запомнившиеся слова:

- Желаю успеха...

Вечером рассказал Георгию Сергеевичу о встрече. Тот обещал сообщить о ее конечном результате. Результат же был таков: посольство СССР в Бонне получило от министерства иностранных дел ФРГ протест по поводу нарушения советскими дипломатами запрета удаляться без специального на то разрешения от столицы ФРГ на определенное расстояние. Только и всего...

Как реагировал на протест советский посол в Бонне В.А. Зорин, не знаю. Может быть, вспомнил, как в марте 1956 года сидел я рядом с ним в самолете британской авиакомпания "Бритиш Эрлайн", летевшем из Западного Берлина в Бонн, даже беседовал с ним, о чем сообщил еженедельник "Посев" (№ 11 от 18 марта 1956 г.). Кто-то из проникших в самолет в аэропорту Бонна шустрых репортеров сфотографировал советского посла вместе со мною. Под снимком, запечатлевшим мирно улыбающихся на прощание Зорина и меня, опубликованном в том же номере "Посева", значилось: "О. Красовский и В.А. Зорин в самолете"...

(Продолжение следует)

«ВЕЧЕ»

*Независимый русский альманах
Выходит 4 раза в год*

Условия годовой подписки:

в Европе	80 нем. мар.
в США и др. заокеанских странах	60 ам. долл.
в Австралии	80 ав. долл.

Доплата за пересылку воздушной почтой:

в США и Канаду	15 ам. долл.
в Лат. Америку, Африку, Азию	18 ам. долл.
в Австралию	35 ав. долл.

Цена отдельного номера 30 нем. марок или
20 ам. долл. (в России - цена договорная)

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Прошу оформить годовую подписку
на альманах "Вече", начиная с №

Фамилия, имя.....

Адрес.....

.....

Заполненный талон направлять по адресу:

Frau V. Drewing
Gumbinnenstr. 8, 8000 München 81, Germany

Оплату производить только чеками банков ФРГ
(выписывать на RNV e.V.) или иностранной конвертируемой
валютой - банкнотами, посылая их в заказных письмах.

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.